

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU59008822

891.7 B646 U5

Poeticheskie ocherki

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Printed in Russia

13586

**ПОЭТИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ**

УКРАИНЫ, ОДЕССЫ И КРЫМА,

ПИСЬМА ВЪ СТИХАХЪ

КЪ

Графу В. П. З.....у,

ИВАНА БОРОЗДНЫ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛЕВАНОВСКАГО.

1837.

39-1096

8/10/39

891.7B646

U5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ , чтобы по оппечашаніи предспавлены были въ
Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, Апрель
13 дня, 1837 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Снегиревъ.

ОТЪ АВТОРА.

Посѣтивъ въ 1834 году Украину, Одессу и Гурьмъ, я посвятилъ воспоминанію объ нихъ эти Поэтическіе Очерки— и представляю книжкѣ своей на снисходительный судъ просвѣщенныхъ читателей. Счастливъ буду, если они признаютъ, что прекрасный югъ нашъ отразился, хотя легкою тѣнью, на страницахъ этихъ писемъ.

1837, Апрѣля 2 дня,

МОСКВА.

ПОЭТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

УКРАИНЫ, ОДЕССЫ и КРЫМА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

1855. Октябр. 20. С. Медведовъ.

Вступленіе.—Украинская природа.—Козацкія могилы.—Дѣвъ Украиним.—Жизнь въ селѣ Драбовѣ.—Прогулка по степямъ.—Бандуристы.

Графъ! увѣнчали вы вполне
Мои надежды и желанье
Въ тотъ мигъ, когда отъ васъ ко мнѣ
Домчалось милое посланье!
Въ немногихъ, пламенныхъ строкахъ,
Прекрасно вы изобразили
Тѣ дни счастливые, какъ жили
Мы въ поэтическихъ степяхъ
Украины благословенной.....

Еще напомнил очеркъ вашъ
 Мнѣ жизнь въ Одессѣ, югъ блаженной,
 И въ морѣ путь веселый нашъ
 Къ брегамъ Тавриды незабвенной!

Я обѣщаль вамъ дать въ стихахъ
 Отчетъ о дивныхъ тѣхъ краяхъ;
 Но посреди уединенья,
 Въ пустынной сельской тишинѣ,
 Всегдаль доступны вдохновенья?
 Вы снова ихъ зажгли во мнѣ —
 И вотъ вамъ данъ благодаренья!

Забудуль я раздоль полей,
 И зелень пажитей цвѣтистыхъ,
 И красоту оадовъ тѣнистыхъ
 И небо, здѣшняго яснѣй, (1)
 Лазурнѣй, радостнѣй, южнѣй?
 Забудуль васъ, сыны степей,
 Потомки доблестныхъ и сильныхъ
 Малороссійскихъ удалцовъ?
 Былое скрылъ туманъ вѣковъ;
 Но и теперь еще, съ крестовъ (2)
 Полуизломанныхъ могильныхъ,

Казачье знамя вѣетъ мнѣ

Преданьями о старинѣ!

А ваши дѣвы, молодья?—

Кто ихъ румяный и стройный,

Очаровательный, милый?

Ихъ поцѣлуй огневые

Должны быть сладки, какъ златые

Плоды изъ сада Гесперидъ!

Кого не тронетъ, не плѣнитъ,

Ихъ пылкій взоръ? Ихъ пѣснь родная,

Безмолвье степи пробуждая,

Невольно сердце шевелить!

Любилъ я въ *Драбовскихъ* долинахъ (3)

Разгулье вашихъ табуновъ;

Охоту въ низменныхъ равнинахъ

И удалъ смѣлую стрельбовъ!

Хотя бы вдругъ взмахнулъ надъ нами

Высокомѣрными крылами

И самъ орелъ—небесъ жидецъ:

Ему бѣ даль пить лихой свинецъ!

Любилъ я въ вашемъ кабинетѣ

(Или помуденной порой,

Иль при вечернемъ полусвѣтѣ,)

И замечаться и душой
 Переселиться въ міръ иной,
 Иль слушать, полный восхищенья,
 Какъ вы читали намъ творенья
 Европы современной! Умъ
 Былъ увлеченъ порывомъ думъ . . . .
 Любилъ я наши разговоры,
 Всегда не конченные споры—
 И даже вистъ подъ вечерокъ !
 А ваши пышные обѣды?
 А неразлучный нашъ кружокъ,
 Виномъ и нѣгою согрѣтый?
 Лишь Баратынскій могъ бы ихъ
 Изобразить въ стихахъ живыхъ !

Но помню я другое время:
 Разъ, въ свѣтлый полдень, грусти бремя .
 Вдругъ отягчило душу мнѣ;
 На тайной сердца глубинѣ
 Отозвались былыя муки
 Любви, измѣны и разлуки —
 И я влачила свою печаль
 Среди степей необозримыхъ,
 Какъ небосклонъ неизмѣримыхъ,
 Заманчивыхъ, какъ жизни даль . . . . .

Все тихо было. Предъ очами,
 Рожь золотистыми зыбями
 Роскошно стлалась по полямъ;
 Кой-гдѣ колодцы степовые (4)
 Или бурьяны вѣковые
 Вдали виднѣлись здѣсь и тамъ.
 Вдругъ шумъ. И чтожь? Передо мною,
 Ведомый мальчика рукой,
 Идѣтъ слѣпецъ, какъ лунь съдой,
 Съ заветной кобзой за спиною! (5)
 Вотъ на колѣна онъ припалъ,
 Вотъ и запѣлъ и заигралъ
 Мнѣ про Гетмана Зиновѣя, (6)
 Про Сагайдачнаго, Палѣя,
 Про Дорошѣнка-удальца,
 Иль про Мазепу-хитреца —
 Про всю Украинну былую
 Онъ повѣсть полную, живую,
 Прекрасно вывелъ наконецъ
 Въ своей задумчивой балладѣ!
 Я думалъ: Хіоса слѣпецъ (7)
 Не такъ ли, странствуя въ Элладѣ,
 Пѣлъ Апполономъ вдохновлѣнъ,
 Какъ палъ могучій Иліонъ;
 Его жъ воинственныя темы

Слились въ безсмертныя поэмы —
И благодарныя вѣка
Вѣнчаютъ лавромъ старика!

Такъ, отвлеченъ отъ думъ привычныхъ,
Я шелъ домой, забывши вновь
Мою докучную любовь
И кѣзни вѣтреницъ столичныхъ.....

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ПЕРВОМУ.

- (1) И небо, здѣшняго ясныѣ,
Лазурныѣ, радостныѣ, южныѣ ?

Писано въ Черниговской Губерніи, которая по климату, землѣ и вообще по своей природѣ, далеко отстала отъ ея Полтавской соотечественницы.

- (2) Но и теперъ еще, съ крестовъ
Полунзломанныхъ могильныхъ,
Козачье знамя вѣетъ мнѣ
Преданьями о старинѣ !

До этихъ поръ къ могильнымъ крестамъ Малороссійскихъ козаковъ Полтавской губерніи (въ Черниговской не вездѣ) привязываютъ небольшое копые съ знаменемъ или флагомъ, въ знакъ воинственнаго происхожденія. Замѣчательно, что и могилы Монголовъ украшаются подобнымъ знаменемъ, о чемъ прочесть можно въ Путешествіи Егора Тимковскаго въ Китай, 1824 г. на страницѣ 81-й, 1-го тома.

- (3) Любилъ я въ *Драбовскихъ* долинахъ
Разгулье вашихъ табуновъ.

Драбовъ — село въ Полтавской губерніи, принадлежащее Графу В. П. З.....му.

(4) Кой-гда колодцы степовые

Въ безпредѣльныхъ степяхъ Украины часто на пахотной землѣ встрѣчаются колодцы — и это истинное благодѣяніе для работающихъ, особенно въ мѣстахъ совершенно безводныхъ. Прилагательное *степовой* произвожу я не отъ *степи*, а отъ Украинскаго слова *стѣпъ*, объясненнаго Н. А. Маркевичемъ на стр. 124 Украинскихъ мелодій.

(5) Съ завѣтной *кѣбзой* за спиною.

Малороссійскихъ рапсодовъ еще видѣть можно не только въ Полтавской, но и въ Черниговской губерніи. *Кѣбза* — родъ бандуры.

(6) Мнѣ про Гетмана Зиновья.

Зиновій — настоящее имя Хмѣльницкаго, прозваннаго Богданомъ уже въ послѣдствіи.

(7) Я думалъ : Хіоса слѣпецъ и проч.

Гомеръ — творецъ Иліады и Одиссеи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

1835. Ноябрь 1. С. Медведовъ.

Обѣдъ и балъ на Украинѣ.

Еще на путевыхъ страницахъ
Отмѣтилъ я, ведя журналъ,
Въ Украинѣ обѣдъ и балъ.
Кто жилъ всегда въ однѣхъ столицахъ,
Тотъ не повѣрилъ бы глазамъ,
Когда бъ въ провинціи, въ уѣздѣ,
Былъ при такомъ огромномъ сѣздѣ;
Когда бъ увидѣлъ этихъ дамъ
Разряженныхъ и раздушенныхъ,
Прекрасныхъ, ловкихъ, просвѣщенныхъ,
Когда бы моды гордый сынъ,
Воспитанникъ большаго свѣта,
Увидѣлъ сквозь стекло лорнета
Всѣхъ этихъ молодцовъ-мужчинъ,

Ужь не смѣшныхъ оригиналовъ,
 Не сплетниковъ и не нахаловъ,
 (Все это черезъ чуръ старò....)
 Но полно. Вѣрное перо
 Пусть въ поэтической картинѣ,
 Какъ я сумѣю, очертитъ
 Украйны деревенскій бытъ.

Мы мчимся по степной равнинѣ.
 Ужь полдень. На небѣ свѣтло —
 И вотъ мы въѣхали въ село,
 Раскинутое по долини.
 Его поля, какъ тушь, черны —
 И лоснятся природнымъ тѹкомъ.
 Близъ хатъ въ скирды взгромождены
 Плоды полей—и полукругомъ,
 Тѣснясь, *млындѣв* крыматыхъ цѣпь (1)
 Съ краевъ села уходитъ въ степь.
 Изъ камня дикаго ограда
 Окинула господскій дворъ;
 Напротивъ церковь, какъ соборъ,
 И, обведѣнный ширмой сада,
 Стоитъ величественный домъ,
 Предъ ярко-голубымъ прудомъ.

Не долговязые лакен
 (Необходимость прошлыхъ дней)
 Толпились глупо у дверей,
 А лишь одинъ слуга въ ливреи
 Вводитъ въ приемную гостей. *

Предъ нами стелется паркетъ
 И зала пышная блистаетъ.
 Мы входимъ. * Насъ обворожаетъ
 Хозяйки ласковый привѣтъ!
 Прекрасный домъ! его уборы:
 Картины, мебель и фарфоръ .

---

* Точки посланы самимъ сочинителемъ.

Невольно увлекають взоры.
Шумить веселый разговоръ,
Почти всѣ гости собралися
И въ группу стройную слилися:
Привольно влюбчивымъ глазамъ
Скользить между дѣвицъ и дамъ.
Пестрѣютъ шляпки, перья, ленты.
Тамъ вистъ, вотъ слышны комплименты;
Здѣсь волокитство въ свой черёдъ
Сердца младя въ плѣнь берётъ,
И страсти мигомъ разыгрались;
Здѣсь стародавніе друзья,
Нежданно встрѣтятся, обнимались
И говорили и шептались,
Пускай ихъ. . . . но въ ту пору я,
Какъ учитель прелестей природы,
Съ одной дѣвицей говоря,
Умышленно взглянулъ на воды
Въ саду бѣгущаго ручья;
Она же, подозвавъ кузину,
Спросила: не угодно ль въ садъ?
А я въ отвѣтъ ей: очень радъ;
Мы вышли. Новую картину
Увидѣлъ я передъ собой.
Кругомъ, средь муравы живой,

Очаровательно пестрѣли
 Противъ терасы клумбы розъ,
 Ясминовъ, лилій, туберозъ,
 Махровыхъ георгинъ, камелій
 И амарантовъ и мимозъ —
 Ну, словомъ, сочетать умѣли
 Тамъ Флоры лучшіе дары!
 Отрада въ лѣтніе жары,
 Кусты кое-гдѣ зеленѣли —
 И желтымъ стлалися ковромъ
 Дорожки узкія кругомъ;
 Подальше статуи, каскады,
 Фонтаны, гроты; а мосты,
 Перегибаясь чрезъ пруды,
 Вели въ убѣжище прохлады—
 Въ огромный паркъ, гдѣ легкій слѣдъ,
 Неправильными полосами,
 Провель тамъ-сямъ кабриолетъ

Но вотъ бѣжить слуга за нами.
 Ужь завтракъ поданъ. Въ томъ краю,
 (Какъ и при Гётманахъ водилось),
 Обыкновенье сохранилось
 Исправно завтракать. Люблю
 И въ мелочахъ національность!

(Какъ въ людяхъ, въ жизни я терплю
 Безвредную оригинальность,)

Ну а бѣда ль, что appetite,
 Обузанный передъ обѣдомъ,
 Пылъ гастронома укротить?
 Отъ этого милѣй съ сосѣдомъ
 Онъ вѣрно будетъ за столомъ !
 Но, осаждаемый кругомъ,
 Сдался, какъ крѣпость, завтракъ вкусный.
 Зовутъ къ обѣду. Дамъ берутъ,
 Въ слѣдъ за хозяйкою идутъ
 И всякъ, хоть нѣсколько искусный
 Мѣста по думѣ выбирать,
 Садился такъ, чтобъ не роптать.
 Но кавалеры не боялись,
 (Какъ было двадцать лѣтъ назадъ)
 Сидѣть съ прекраснымъ поломъ врядъ:
 Съ нимъ романтически смѣшались —
 И всѣ дѣла пошли на ладъ!

Умолкнулъ стульевъ шумъ привычный.
 Столовъ блистательный покой
 Гордится пышностью столичной
 И говоръ поднялся живой.
 Разбѣгались официанты,

Гремятъ на хорахъ музыканты
 Мотивы Вебера — и онъ
 Игрую ихъ не оскорблѣнъ.
 Идетъ обѣдъ, идетъ бесѣда,
 Блюдь современныхъ цѣлый строй
 Перебѣгаетъ чередой;
 А вина, словно медь Гимета, (2)
 Столь памятный мечтъ поэта,
 Текуть душистою струей —
 И Мальцова хрусталь гранѣный
 Блестить, горить одушевлѣнный.

Межъ тѣмъ бесѣдуетъ со мной
 Одна изъ дѣвъ: я самъ не свой!
 Ея и голосъ музыкальный,
 И станъ Хариты идеальный,
 И лучезарные глаза,
 Сапфирные, какъ небеса,
 И эти жилки голубыя,
 Съ оттенкомъ розовымъ слитыя
 На нежной бѣлизнѣ ланить, —
 Все въ ней чаруетъ и дивить!
 На путешествіа склонился
 Разнообразный разговоръ,
 И вдругъ ея волшебный взоръ

Восторгомъ новымъ оживился.
 Красноречивая вполне,
 Она завидовала мнѣ,
 Что я увидѣть долженъ вскорѣ
 Цвѣтущую Тавриду, море,
 Страну, которой свилъ Творецъ
 Изъ горь блистательный вѣнецъ!

Подъ этотъ монологъ восточный
 Десертъ обносятъ. Тѣшатъ насъ:
 И абрикось и персикъ сочный
 И виноградъ и ананасъ.
 Исчезли музыканты. Взоры
 Вдругъ обратили всѣ на хоры;
 Тарелокъ, рюмокъ стихнулъ стукъ —
 И очаровываетъ слухъ
 Малороссійскихъ пѣсень звукъ:
 Восторгомъ чувства закипѣли,
 Какъ чайку древнюю запѣли! (3)

Обѣдъ ужъ конченъ. Разбрелись
 По заламъ гости иль сошлись,
 Чтобъ продолжать свою бесѣду;
 А между тѣмъ и слухъ и взглядъ
 Я обратилъ на сцену эту.

Тамъ агрономы говорятъ
 Про Тейэра и про Домбала,
 Про экстирпаторъ, плугъ Гранжэ,
 А молодёжь про Беранжэ,
 Про Кукольника и про Даля;
 А здѣсь гуляетъ по рукамъ
 Фигурка изъ *Courier des Dames* —
 И судъ дѣвицъ про переходы
 Парижской прихотливой моды,
 Быль увлекателенъ и новъ,
 Какъ слогъ Дюма или Бальзака,
 Какъ наша первая любовь,
 Какъ трели вешнихъ соловьёвъ
 Въ часы полуночнаго мрака!

Межь тѣмъ, веселою волной,
 Въ отдѣльный хлынули покой
 Трубнолюбивые мужчины:
 Несутъ колчаны чубуковъ
 И поднялся со всѣхъ концовъ
 Туманъ табачныхъ облаковъ,
 Ну будто посреди долины
 Передразвѣтный зыбкій парь;
 А обожатели сигарь,

Кто съ пахитосомъ, кто съ гаванной,
Роскошно нѣжата въ диванной.

Но милый людскости законъ
Иныхъ опять влечётъ къ гостиной :
Тамъ вистъ, расчетливый и чинной,
Опять въ ходу со всѣхъ сторонъ!
Вотъ начинается ужь смеркаться,
Кипитъ у дамъ идей игра;
Но не пришла еще пора
По бальному имъ одѣваться.
Четой заманчивой онѣ,
Взявъ за руку одна другую,
Гуляютъ въ залахъ : любо мнѣ
Бесѣду обновить живую.
Вдругъ шумъ поднялся межъ дѣвиць:
Одну изъ молодыхъ пѣвиць
Всѣ просить спѣть. Сперва стыдливо
Она на всѣ мольбы — отказъ,
Хотя пылалъ краснорѣчиво
Огонь самолюбивыхъ глазъ —
(Она у Булохова прежде
Брала уроки). . . . . всѣ въ надеждѣ —
И, наконецъ убѣждена,
Вдругъ пригорюнилась она

И, въ залу перейдя другую,
Поётъ, присѣвъ за фортепьянъ,
Неизносимый сарафанъ (5)
И тройку вѣчно удаляю!
 Густѣетъ зрителей кружокъ —
И вошь пѣвицы голосокъ
Уже не робкій, даже смѣлый,
Заводитъ соло изъ Фенеллы.
Всѣ въ восхищеньи! Дань похвалъ
Судь знатоковъ ей расточаль;
А двое франтовъ, три дѣвицы
Близъ дамы, Фильда ученицы,
Собрались съ новою мольбой.
Всё тихо. Вотъ аккордъ, другой.....
И (высказать не можетъ лира
Волшебныхъ звуковъ чудеса!)
Бушуетъ на ладахъ клавира
Морская Гумеля гроза! (6)
Уже, казалось, вѣтръ могучій
Ломаетъ мачты кораблей,
И снасти рвётъ и всё чернѣй,
И всё губительнѣе тучи!
Весь океанъ зарокоталь,
Борясь съ громами небосклона —
И ужь идётъ гигантскій валь,
Ужаснѣй самаго тифона!

Я призадумался!... Меня
 Кипучій вихрь воображенья
 Умчалъ на дальнія моря,
 Гдѣ, какъ посланникъ Провидѣнья,
 Какъ небомъ избранный пловецъ,
 Зюлейки пасмурный пѣвецъ (7)
 Подъ вашу музыку, перуны,
 Настраивалъ златыя струны,
 А парусъ надъ его челомъ
 Вился безсмертія вѣнкомъ!
 И я люблю его стихію!
 Хоть долженъ искренно сказать,
 Что передъ ней склоняю вью
 Не для того, чтобъ подражать!
 Перенятое всё такъ скучно,
 И еслибъ моря красоты
 Не трогали моей мечты,
 Я бъ далъ подписку своеручно
 Объ нёмъ, ни въ прозѣ ни въ стихахъ,
 Не говорить и въ двухъ словахъ! (8)

Межъ тѣмъ по заламъ постепенно
 Ужъ разливался яркій свѣтъ
 Отъ люстръ огромныхъ и кенкетъ,
 Сближая бала часъ блаженной.

Уже пора за туалетъ
 Приняться дамамъ. Чередою
 Одна уходитъ за другою
 Въ роскошный моды кабинетъ,
 Гдѣ предъ трюмо, предъ зеркалами,
 Уже разостланы рядами
 Наряды — суета суетъ!
 Жемчугъ, брильянты, изумруды,
 Сліясь въ блистательныя груды,
 Заманчиво разложены. . . .
 Но позволительно ль поэту
 Въ сѣнь очарованную эту
 Заглядывать? . . . Нѣтъ, мы должны
 Ее задержать темнымъ флѣромъ
 Для смѣлыхъ, для нескромныхъ глазъ. . . .

Мужчины въ тотъ же самый часъ
 Не меньше заняты уборомъ —
 И, съ нетерпѣньемъ на чель,
 Гордясъ высокими чубами,
 Во фракахъ Руча иль Ланглѣ, (9)
 Кто съ ленточкой, кто съ орденами,
 (Затѣмъ что это *bal рагѣ*)
 Рой франтовъ шумно вылетаетъ
 На подвигъ сердца или ногъ —

И всѣхъ заранѣй вдохновляетъ
Любви и танцовъ милый богъ!

Не знаю было ль то по свѣтски,
Сначала польскій загремѣлъ
И всякъ, хотѣлъ или не хотѣлъ,
Пустился въ танецъ старосвѣтскій.
(Да и за что его изгнать
Изъ бала? Это заблужденье!
Вѣдь всякъ же любить прочитатъ
Къ роману модному введенье!)

Раздался вальсъ! Уже кипитъ
Восторгомъ жизни ретивѣе,
Нога скользитъ, рука горитъ,
Какъ вдохновенье молодое!
Скажите: на пиру мірскомъ
Не въ стройной парѣ ли слитую
Находимъ радость мы прямую,
Какъ въ вальсъ шумномъ и живомъ?

Но вотъ французскія кадрили,
Откинувъ балъный педантизмъ,
Всю молодѣжь одушевили
(Какъ современный романтизмъ)

Не театральностью постылой,
 А безыскусственностью милой,
 Небрежной, свѣтской простотой —
 И этой вольностью живой!

»Смотри какъ ловокъ щёголь гибкой!
 »Какъ милъ гвардеець-ремонтёр!
 »А что за дѣвы? Что за взоръ,
 »Волшебно слитый съ ихъ улыбкой?
 »И что за станъ, что за уборъ!«
 Такъ старый франтъ, когда-то шибкой
 Екатерининскій танцоръ,
 Произносилъ свой приговоръ.

Какъ представительница края
 Неподражаемой красой,
 Всѣхъ дѣвъ блондинка молодая
 Затмила нѣ хотя собой,
 Легка, воздушна, какъ Сильфида,
 Непобѣдима, какъ Киприда!

Не то же ль на берегахъ Невы
 Порою, Графъ, встрѣчали вы
 И во дворцѣ и въ эрмитажѣ?
 Межъ фрейлинъ не всегда-ль одна

Своихъ подругъ милѣй и краше
И увлекательнѣй она?.

На персяхъ прелести-дѣвицы
Блится шифръ Императрицы
На лентѣ ярко-голубой!
Чело счастливое вънчая,
Горитъ повязка дорогая
На головѣ ея молодой;
Власы нѣжны и шелковисты,
Грудь лебединая бѣла,
Роскошно шею обвила
Алмазовъ нить, какъ бы монисты, —
И обрисовываетъ станъ
Національный сарафанъ!
Но полно. Мнѣ ль, провинціалу,
Далѣко мыслью заметать?
Не лучше ль обратиться вспять
Къ недорисованному балу?

Онъ шибко мчится, какъ мечта,
Или какъ пылкія лѣта
Любви, восторговъ, упованій
И необузданныхъ желаній. . . .
Кадриль смѣняется другимъ,
Любуются старушки имъ,

Кругомъ, какъ зрительницы, сѣдя;
 Иныя жь, дочекъ подозвавъ,
 О чемъ-то шепчуть. Не слыхавъ,
 (И любопытство ненавидя)
 Я не могу сказать о чѣмъ.
 Межь тѣмъ, какъ жизни наслажденья,
 Танцоровъ лакомятъ кругомъ
 Конфекты, фрукты и варенья,
 Мороженое, лимонадъ
 И освѣжительный оршадъ.

Въ антрактахъ затѣвають франты
Шарады въ дѣйстви и фанты —
 И, отдохнувши отъ трудовъ,
 Къ мазуркѣ всякій ужъ готовъ.
 Дамъ взяли. Стулья загремѣли.
 Блаженствуя, всѣ пары сѣли—
 И льется разговоръ живой
 Съ неудержимой быстротой!
 Поочереди мило, плавно,
 Непринужденно, своенравно,
 По зеркалу паркетныхъ рамъ
 Мелькають здѣсь, мелькають тамъ....
 И много, много тайнъ заветныхъ
 Въ тѣхъ разговорахъ, чуть примѣтныхъ,

Въ сердца младыя залегло
 И новымъ чувствомъ ихъ зажгло!
 Стѣнныя жь дѣвушки, толпою
 Въ дверяхъ собравшись боковыхъ,
 Толкуютъ тихо межъ собою
 Про долю барышень своихъ:
 Одной ужъ прочать Адъютанта,
 Другой Черниговскаго франта
 Съ крестомъ на шеѣ и въ очкахъ,
 Для третьей барина въ усахъ,
 А на четвертой было бь впору
 Жениться даже ремонтѣру,
 Который такъ въ мазуркѣ лихъ —
 Ну каждой хоть куда женихъ!...
 .....
 Уже за полночь. Въ залѣ дальней
 Вотъ ужъ пробило три часа;
 А котильюнъ, эпилогъ бальной,
 Едва лишь только начался.
 Всѣ покорялись безъ укора
 Воображенію танцора,
 Изобрѣтателя фигуръ,
 Оригинальныхъ черезъ чуръ :
 Онъ, часъ отъ часу игривѣй,
 Разнообразнѣй, прихотливѣй,

Одна гналася за другой,
Какъ думы юности людской. . . .
И хоть ужъ столики рядами
Для ужина передъ гостями
Раскинуты; но не свѣчамъ,
А развѣ утреннимъ звѣздамъ,
Достанется горѣть съ ээира
Въ прощальныя минуты пира!

Такъ день промчался. Суетамъ,
Какъ странникъ, заплатилъ я дань —
И вотъ подробно-вѣрный вамъ
Отчетъ моихъ воспоминаній!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ВТОРОМУ.

(1) Тѣснясь, *млындѣв* крылатыхъ цѣпь.

Млынъ — значить по Малоросійски мельница, вѣтряная или водяная. Многокрылые вѣтреные *млыны* — необходимая принадлежность степной, почти безрѣчной Украины и тамошнія деревни обставлены десятками этихъ *млындѣв* низенькихъ, сколоченныхъ изъ мелкихъ бревень, а иногда и тесницъ.

(2) А вина, словно медъ Гимѣта,

Гимѣтъ — гора въ Атикѣ, славная превосходствомъ и обиліемъ меда, который на ней добывали, и мрамора. На этой же горѣ приносимы были жертвы Юпитеру *Jmettius* (См. Noël, Dict. de la Fable, P. 1815 p. 330). О медѣ Гимета часто упоминають древніе писатели.

(3) Какъ чайку древнюю заплѣли.

Эта пѣсня напечатана въ собраніи Малоросійскихъ пѣсень, изданныхъ Максимовичемъ 1827. Москва, стр. 12.

(4) Про Тейэра и про Домбала,

Про экстирпаторъ, плугъ Гранжѣ,

Тейэръ — славный Германскій агрономъ, *Домбаль* — Французскій. Экстирпаторъ и плугъ Гранжѣ — известныя земледѣльческія орудія.

- (5) *Неизносимый сарафанъ*
И тройку вѣчно удалю.

Два известные романса, сдѣлавшіеся народными: *не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ*, слова покойнаго Московскаго Актера Цыганова; — *вотъ жится тройка удалая*, слова Ф. Н. Глинки.

- (6) *Морская Гумеля гроза.*

Эта морская буря есть блистательнѣйшее мѣсто изъ известнаго произведенія Гумеля: *Oberton Zauber-Bohn (Обероновъ волшебный рожокъ)*.

- (7) *Зюлейки пасмурный пѣвецъ.*

Байронъ. *Зюлейка* — героиня знаменитой его поэмы: *Абидосская Невѣста*.

- (8) Не говорить и въ двухъ словахъ.

Авторъ, возненавидѣвшій, послѣ первыхъ опытовъ своихъ, всякое подражаніе, не лишнимъ находить помѣстить здѣсь слѣдующую оговорку. Байронъ первый возбудилъ въ новомъ поколѣніи страсть къ *мореописанію*: за нимъ слѣдуютъ Куперъ, Евгенийъ Сю и проч. Конечно эту страсть, какъ и всякую другую, легко употребить во зло. Но развѣ не позволительно человѣку, имѣвшему случай видѣть красоту и величіе моря, описывать ихъ по силамъ и возможности? По мѣому, критика самая строгая должна дать на счётъ этого разрѣшеніе каждому автору; но съ условіемъ: не заимствовать ни у кого ни мыслей, ни выраженій. Таково

было внутреннее убъжденіе мое, когда лились на бумагу стихи въ описаніи морскаго путешествія моего изъ Одессы въ Крымъ. Хороши ли, дурны ли мои очерки, пусть судить просвѣщенная публика. Скажу только, что лучше сдѣлать какъ удастся; но сдѣлать *по сѣдѣму*.

(9) Во фракахъ Руча или Ланглѣ.

Ручъ — известный Петербургскій портной, *Ланглѣ* (Langlé) — Одесскій.

(10) Легка, воздушна, какъ Сильфида!

Сильфида — богиня воздуха.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

1835. Нолбря 10. С. Медведовъ

Осень. — Украинскія селм. — Козакъ. — Козачка. — Пѣсни Украинн. —
Вечерницм. — *Вдвлякѣ* — народный разсказъ. — Гроза въ степяхъ. —
Село *Драбовѣ*. — Заключение письма.

Осеннимъ солнцемъ ужь согрѣта
Благословенная страна —
И, яркой ѳзимью одѣта,
Гладь степи снова зеленѣ.
Украинець полумѣливый
Уже къ веснѣ готовитъ нивы;
Волю покорно тянутъ плугъ:
Гдѣ тронуть землю ихъ копыты,
Какъ влагой масляной облитый, (1)
Тамъ черноземъ заблещетъ вдругь!
Отяжеленные снопами,
Еще въ поляхъ возы скрипятъ;
А въ шароварахъ и съ усами
Козакъ шагаетъ съ ними врядъ;

Въ кружокъ обстрижень, загорѣлый,
 Изъ люльки тянетъ свой тютюнь; (2)
 А на возу мальчишка смѣлый
 То спитъ, то нежится, шалунъ.

Еще и листья не желѣли
 На кудреватыхъ деревьяхъ
 И въ поле съ вѣтромъ не летѣли,
 Какъ въ нашихъ сѣверныхъ странахъ.
 Югъ Малороссіи прекрасенъ
 И Богомъ возвеличенъ онъ!
 Какъ въ дни весны, еще былъ ясенъ
 Его спокойный небосклонъ:
 Его, казалось, пощадил
 Сердитой осени рука —
 И осторожно отклонила
 Свои сѣдыя облака!

Люблю Украинскія сѣлы!
 Какъ мило въ праздникъ тамъ весѣлый
 Смотрѣть на радостный народъ,
 Толпой сидящій у воротъ
 Близъ хатъ опрятно побѣленныхъ,
 Не выстроенныхъ, а сплетенныхъ! (3)
 Мужчины статны, высоки.

Черты лица у нихъ рѣзкіи,
 Глаза на выкатъ. Тѣшатъ взоры
 Ихъ запорожскіе уборы —
 И молодець степной козакъ,
 Когда накинувъ *кобенякъ* (4)
 Нагайкой машеть и несѣтся
 Верховъ на бѣрзомъ скакунѣ —
 И въ немъ опять, по старинѣ,
 Былая удаля отзовется! . . . .
 Но дѣвы тамъ еще милѣй
 Красой полуденной своей!

Смотрите: въ косу шелковую
 Какъ дивно ленту голубую
 Козачка юная впледала;
 Чело пунсовой обвела —
 И сладко пѣсенку родную
 Въ кругу подружекъ завела!
 Малороссійскіе напѣвы
 Унылы, какъ раздумье дѣвы
 Въ селеньяхъ тамошней страны;
 Но увлекательно-звучны,
 Когда съ веселья или кручины
 Козачки голосъ соловьиный
 Припомянуть пѣсню старины!

Какъ въ простотѣ своей пристоешь
 Ея нарядъ! какъ прямъ и строень
 Непринужденно-гибкій станъ!
 А перси сквозь сорочки чистой
 Волнуются, какъ серебристой
 Потокъ сквозь утренній туманъ!
 А что за брови! Какъ рѣсницы
 Заманчиво опущены!
 Какъ очи быстрыя черны,
 И словно отблески зарницы,
 Мелькнувшей на небѣ nocturno,
 Сверкають страсти огонькомъ!

А какъ зимой на вечерницы (3)
 Сберутся сельскія пѣвицы,
 Туда и бандуристъ порой
 И сказочникъ словоохотной,
 Туда музыка нанятой (6)
 Съ ватагой парней беззаботной —
 Всѣ идутъ шумною толпой!
 И любо слушать тамъ рассказы
 Про стародавнія проказы
 И вѣдьмъ и хитрыхъ *вѣдьмановъ!* (7)

Разъ съ *обоихъ Днѣпра береговъ* (8)
 Въ Туречину, на злыхъ враговъ,
 Въ походы собиралися козаки:
 Имъ смерть хотѣлось шибкой драки,
 Да вѣрныхъ золота мышковъ.
 Носы повѣся, плачуть жѣны,
 Невѣстамъ жалко жениховъ,
 Да и одинъ изъ нихъ влюблённый
 И на Маруся сговорённый,
 Былъ неутѣшенъ день и ночь,
 Не зная, какъ бѣдѣ помочь!
 Андрусь, между своей дружиной,
 Слылъ и всегда дикимъ дѣтиной:
 И никому не дулъ онъ въ усь!
 Хотѣлъ бы прежде обвѣнчаться,
 Да какъ отстанеть, можетъ статься,
 Всѣ скажутъ про него, что трусь!
 И вотъ изъ табуна роднаго
 Коня онъ выбралъ воронаго,
 Въ Ромнахъ купилъ себѣ сѣдло;
 Готово всё... а не свѣтло
 На сердцѣ козака Андруся!
 Онъ поглядить: его Маруся
 Изъ черноокой, молодой,
 Ну стала вдругъ земля землёй!
 Грустить женихъ нашъ... но издавна
 Была Украина православна,
 Козаки набожный народъ.
 Вотъ въ церковь нашъ Андрусь идѣтъ

Съ двумя свѣчами восковыми :
 Одну онъ ставитъ за себя,
 Другую, чтобъ его любя,
 Между подружками своими
 Маруся краше всѣхъ была. . . .
 Она же не туда пошла !

У нихъ въ селѣ Козакъ Гаврила
 Слылъ *вѣдьмакомъ* на весь повѣтъ ,
 Она къ нему-то поспѣшила,
 И службу сослужить просила ,
 А у него отказа нѣтъ !
 Старикъ былъ мужичокъ богатый ,
 Высокій, статный, бородатый,
 Съ умомъ въ глазахъ и на челѣ —
 И красовался въ селѣ
 Его бревенчатая хата ,
 Набитымъ полныя добромъ.
 А сколько *хлѣбныхъ* *лимъ* кругомъ ? (9)
 Близъ нихъ заѣмщики весною
 Сбирались пестрою толпою —
 И всѣмъ хозяинъ радъ бывалъ,
 И такъ-то жилъ да поживалъ
 Средь внучатъ и дѣтей счастливо.
 А между тѣмъ молвой болтливой
 Слухъ разносился здѣсь и тамъ ,
 Что будто часто по ночамъ
 Вокругъ села Гаврила бродить ,
 Что ищеть кладовъ въявныхъ ,

Что въ церковь никогда не ходить,
 Что днемъ въ равнинахъ степовыхъ
 Сбираетъ травы да корни —
 И съ полной ношею домой
 Приходитъ поздней лишъ порой;
 Иные-жъ болтуны селеня,
 Случалось, про себя трунить,
 Что будто онъ и чорту братъ!

Такіе про Гаврилу слухи
 Не понутру хотъ бы кому!
 А какъ бѣда — такъ всѣ къ нему!
 Ему покорны всѣ недуги,
 Онъ даже отъ собакъ шальныхъ
 Вылечиваетъ хлѣбомъ вмигъ;
 Ужей беретъ свободно въ руки
 И знаетъ слово отъ *гадюки*, (10)
 Когда, въ лугу разозленá,
 Ужалитъ *пáробка* она! (11)
 Не меньше славенъ былъ Гаврила
 И на любовныя дѣла;
 Такъ дивно-ль, что къ нему пошла
 Маруся — и открытъ спѣшила
 Ему тоску души своей —
 И вѣрно съя помочь ей;
 Да какъ и не помочь невѣстѣ,
 Красоткѣ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ?
 Другой на жениховомъ мѣстѣ
 Съ ней не распался бы, хотъ свѣтъ

Его журилъ бы и ославилъ !
 Ей молвилъ на ухо *«льдымакъ»* :
 « Недалекò уйдётъ козакъ ! »
 А между тѣмъ её наставилъ,
 Чтобъ три зари она тишкòмъ
 За тѣ курганы, гдѣ кругомъ
 Чериветь старая дуброва,
 Коня водила женихова,
 Чтобъ безъ страха тамъ она
 Ждала сьдаго колдуна.

И вотъ козачка молодая,
 Дневной восходъ предупреждая,
 Въ урочный часъ, однимъ одна,
 Туда приводитъ скакуна.
 Рукъ Марусиной покорный,
 Онъ весело, онъ громко ржётъ ,
 Красиво машеть гривой чёрной,
 Копытомъ звучно землю бьётъ !

И вотъ изъ-за кургана хилый
 Старикъ идетъ на встрѣчу къ ней ,
 Какъ мёртвый, вставшій изъ могилы —
 И страшно ей и нѣтъ ужъ силы...
 А онъ кричитъ : « иди смѣлуй ! »
 Коня по шеѣ шелковистой
 Онъ гладитъ тощею рукой ;
 Три раза напоилъ водой ,
 Потомъ ему травы душистой,

Бормоча про себя, принёсъ ;
 Разсыпалъ передъ нимъ овёсъ,
 Ну словно бисеръ золотистой —
 И угостивши такъ коня
 Сказалъ : « до завтрашняго дня ! »

Въ другой и третій разъ Маруса
 Къ курганамъ ходить ужъ не труся ;
 За третьимъ разомъ ей *ельдямакъ*
 Шепнулъ : « теперь ужъ нашъ козакъ !
 « Не плачь, не вой ; онъ съ полпохода
 « На закодванномъ конѣ
 « Опять воротится къ тебѣ —
 « И оба вы, съ толпой народа,
 « Пойдёте въ церковь подъ вѣнецъ !
 « Войну забудетъ удалецъ ! »
 Сказалъ — и вмигъ его не стало,
 Маруси сердце задрожало :
 Её опять осилилъ страхъ ;
 А между тѣмъ въ лѣсу, въ стенахъ,
 Подъ однозвучный конскій топоть,
 Ей чудился какой-то хохоть —
 И, поумертвая, она
 Конемъ въ село донесена !

Подумасшь, такъ страсть такая
 Свернуда-бъ въ крюкъ и молодца !
 Куда бы дѣлся цвѣтъ лица ?
 Анъ нѣтъ, козачка удалая,

На зло другимъ, съ того же дня
 И краше стала и милѣе,
 И говорливѣй и стройнѣе,
 Такъ, что дивилась вся родня !

При яркомъ заревѣ денницы,
 Козаки двинулись въ походъ —
 И провожаетъ ихъ народъ
 До повѣтовыхъ границы,
 Гдѣ не далѣко отъ села
 Между луговъ Десна текла.
 Въ лицо имъ отъ рѣки сребристой
 Дулъ перелѣтный вѣтерокъ :
 Всѣ ярче, всѣ пышнѣй востокъ —
 И скоро солнца шаръ огнистой,
 Катясь по лазури чистой,
 Металъ привѣтныя лучи
 На ихъ и пики и мечи.
 Пришла минута разставанья,
 Благословеній и рыданья ;
 Козакамъ стало жаль своихъ ;
 А между тѣмъ и кони ихъ,
 Какъ бы прощаяся съ степями,
 Храпять и топчутъ ногами !
 Маруся плачетъ, но она
 Не такъ какъ прежде смущенá ;
 Лишь мать усердными слезами
 Честить Андруся своего
 И надѣваетъ на него

Животворящій крестъ съ мощами,
 Моля небснаго Отца,
 Чтобы въ пылу кровавой сѣчи
 Ни вражьи сабли, ни картечи
 Не смѣли тронуть молодца !

Но закружился вихорь пыли,
 Народъ глядитъ — и рати нѣтъ ! . . .
 Пыль улеглась — пропала и слѣдъ ;
 Лишь изъ-за стѣпи слышны были
 Отзвѣвы пѣсень боевыхъ,
 То заунывныхъ, то живыхъ,
 Въ которыхъ время сохранило,
 Что внукамъ дорого и мило :
 Завѣты предковъ удамыхъ !
 Еще стройнѣй напѣвы эти
 Въ часы, когда Украины дѣти,
 Затепливъ ночью огонёкъ,
 Бывало сядутъ всѣ въ кружокъ,
 Передъ дымящеюся кашей,
 Давъ волю вѣрнымъ скакунамъ
 Гулять до утра по лугамъ ;
 Когда луна ярчѣй и краше ,
 Чѣмъ по небу полярныхъ странъ,
 Надъ степью радостно сіяла
 И степь, какъ море, затихала,
 И, обойдя козачій станъ,
 Кой-гдѣ черешни зеленѣли !

Межь тѣмъ привычной чередой
 Несутся быстрыя недѣли;
 Промчался мѣсяць и другой —
 Не ѣдетъ воинъ дорогѣй,
 А вотъ и третій... и заншло
 Вдругъ сердце у козачки милой,
 И нѣтъ ни въ чѣмъ отрады ей —
 И меркнетъ свѣтъ ея очей!
 Она что день Гаврилу нудить
 Вопросомъ : « да когда же будетъ? »
 Разъ призадумался хитрецъ
 И говорить : « Ну наконецъ
 « Тебѣ я правду всю открою.
 « Ужь катить нашъ Андрусъ съ бою;
 « Да только никому, смотри,
 « Въ селѣ про то не говори ;
 « Сегодня-жь, полночью глухою,
 « Ты выйди на Гетманскій *шляхъ* — (12)
 « И твой женихъ туда прискачетъ
 « На ворономъ конѣ ! »

Въ слезахъ,

Какими лишь невѣста плачетъ,
 Она отъ радости бѣгомъ
 Спѣшитъ въ родительскую хату
 И только тужить объ одномъ,
 Что матери, отцу и брату
 Не лъзя признаться ей ни въ чѣмъ !
 Что и *геллѣдка* молодая, (15)
 Ея подруга дорогая,

Съ которой по ночамъ онъ
 Бывало о счастливомъ днѣ
 Болтають, грезять въ тихомолку,
 Знать не должна объ немъ! «Старикъ,
 «Хоть онъ *вѣдьмакъ*, хоть онъ великъ,
 «А мнѣ вѣдѣть молчать безъ толку.»
 Подумала — а за языкъ
 Её такъ дернулъ бѣсъ нечистой,
 Что стала вдругъ она рѣчистой
 И разболтала на прямикъ
 Всѣ, въ чемъ до той поры таила.
 Глядитъ — семья зашевелилась!
 Попа договорилъ отецъ
 Взять *гедертку* жита за вѣнецъ, (14)
 Спекли и *коровай* нарядной,
 Готовы ленты и платки,
 Лихіе выбраны *дружки*,
 Горѣлка есть — всё будетъ ладно!
 Лишь бы луна взошла скорѣй,
 Да за сверкали звѣзды ночи,
 Какъ дѣвъ Малороссійскихъ очи!
 А то ужъ и толпы гостей
 На вечеринку собралися
 Къ отцу Маруси; ужъ она,
 Была давно разряжена —
 И ленты нестрыя видися,
 Въ косѣ распущенной у ней!
 Вотъ ужъ и поздно. Время ей
 Итти на встрѣчу роковую;

А завтра, полдень лишь блеснёт,
 Въ приходской храмъ чету младую
 Народъ, толпяся, поведётъ —
 И въ честь своей подруги милой
 Козачки запоютъ уныло,
 При звукахъ скрипки и цымбалъ !

Уже въ степяхъ всё тихо было,
 Ихъ полный мѣсяцъ озарялъ,
 Когда Маруся очутилась
 На *шляхъ* въ предполночный часъ;
 Но, вътреница, хотъ бы разъ
 Ждавъ друга, Богу помолилась !
 Ей до того-ль ? ея и страхъ
 Не бралъ, когда веретеница
 Въ травъ мелькала, а въ кустахъ
 Шумѣла, встрепенувшись, птица;
 Бѣжала-ль по полю лисица,
 Блестя-ль глазами, волкъ степной
 Къ овчарнямъ шелъ на ловъ ночной !
 Ей всё ни что ! Лишь сердце бѣется,
 И вотъ вдали... (нѣтъ, то не сонъ !)
 Ужь скачетъ кто-то... Вѣрно онъ ?
 Нѣтъ ! это вихрь минутный вѣется —
 И снова тишь со всѣхъ сторонъ !
 Вгрустнулось ей... но не сомнѣнье
 Печалить душу; лишь любовь
 Волнуетъ молодую кровь,
 Да мучить сердце нетерпѣнье !

Вотъ сталь пышнѣе лунный кругъ,
 Ужь полночь — дивное мгновенье!
 Вперёдъ глядитъ она — и вдругъ
 Домчался къ ней желанный другъ....
 Прекраснѣй оны, чѣмъ въ дни былые!
 И, словно голуби младые,
 Счастливицы жарко обнялись
 И на коня и понеслись —
 И то-то будетъ пиръ богатой!
 Вотъ ужъ они и передъ хатой;
 Но только что рука съ рукой
 Ступили на порогъ родной,
 Глядитъ Марусенька... и что же?
 Ея Андрусъ, ея женихъ
 Изчезъ!... Она зовётъ родныхъ,
 Она кричитъ: « Великій Боже! »
 Всѣ, всё напрасно!... Тамъ рука,
 Что за минугу такъ пылала
 Въ рукѣ Андруса, холодной стала;
 Луну затмили облака,
 Поднялась буря степовая...
 Рокошетъ громъ, шумить рѣка —
 И, въ тяжкихъ мукахъ умирая,
 Слыхала дѣва молодая
 Знакомый хохотъ *ельдика*!

 И разнеслась молва въ селенье,
 Что тотъ женихъ — былъ привидѣнье;

Что старого Гаврилы дядь
 Далъ злону *вдѣлажу* завѣтъ
 Отмстить какую-то обиду
 Отцу Маруси, а хитрецъ,
 Хоть онъ казался добрымъ съ виду,
 Сдержалъ и слово наконецъ.
 Но мать украинки несчастной
 Одно твердила: будто въ ночь,
 Какъ Богъ послалъ ей эту дочь,
 Надъ кровлей хаты ихъ ужасно
 Зловѣщій *пугагъ* прокричалъ (15)
 И ей покою не давалъ!
 Съ тѣхъ поръ лукаваго Гаврилы
 Пропала слава навсегда!
 Къ нему мозачки никогда
 Ходить не смѣли, а когда
 Онъ умеръ, изъ его могилы
 Огонь, горя свѣчой, не разъ
 Пугалъ прохожихъ въ поздній часъ!

Такъ, сѣвъ въ кружокъ на *вечерницѣхъ*,
 Степей Украинскихъ сыны
 Въ простонародныхъ *небылицахъ*
 Хранятъ преданье старины!
 Тамъ ярко *коганецъ* пылаетъ, (16)
 Всѣ слушаютъ; для всѣхъ равно
 Очаровательно оно —

И самопрялка замолкает
И не жужжить веретено!

Но мирныя ль однѣ картины
Плѣняютъ душу въ томъ краю?
И при невзгодѣ я люблю
Малороссійскія равнины!

Гонимая крылами бурь,
Разъ на небесную лазурь
Неждано туча набѣжала:
Вездѣ ковыль задрезжала
И, грознымъ демономъ кругомъ
Вздывая черный вихрь столбомъ,
Земля ревѣла и стонала!
И громъ ей съ неба отвѣчалъ,
Блескъ молній тучи освѣщалъ,
Какъ дивный фейерверкъ природы —
И волновалась степь тогда,
Что моря-окіана воды!
Овецъ и кобылицъ стада
Разсыпались, а быкъ ретивый
Рычитъ и мчится черезъ нивы,
Черезъ овраги и луга,
Крутя хвостомъ, поднявъ рога!

Неудержимою рѣкою
 Бушуетъ ливень по степямъ,
 И вотъ, трехцвѣтной полосой,
 Ужь радуга надъ всей страной
 Раскинулась по небесамъ!

И такъ мы жизнью наслаждались!
 Разнообразна, веселà,
 Волной живой она текла,
 А радости не убавлялись!
 Я помню *Драбова* пруды,
 Облѣгшіе его сады;—
 Аллеи тополей маститыхъ,
 Деревъ лимонныхъ знаменитыхъ (17)
 Предъ домомъ пышные ряды!

Кругомъ унизанный кустами
 И пышно убранный цвѣтами,
 Лужаекъ дерновѣй паркетъ; —
 Отъ солнечныхъ лучей ограда;
 Густыя лозы винограда,
 Обвѣсившія кабинетъ;
 Флотилія лодокъ съ парусами,
 Въ которыхъ по кристалу водъ
 Такъ любо съ тихими мечтами

Гулять, какъ солнышко зайдётъ —
 И наконецъ вдали всѣхъ зданій
 Навѣсь Франклиновскія бани, 18
 Гдѣ тиховѣйный вѣтерокъ
 Ласкаетъ члены, какъ потокъ —
 Все это прелесть! Я жалью,
 Что смѣлой кистью не владѣю,
 Чтобъ въ полной, вѣрной красотѣ
 Живописать всё на холстѣ!

Вдали отъ обаяній свѣта,
 Какъ въ молодья ваши лѣта,
 Вы отдохнули, милый Графъ!
 Отъ шумныхъ общества забавъ:
 Вы ихъ на время промѣняли
 На тишь Украины своей
 И, нѣгой полные, дышали
 Раздольнымъ воздухомъ степей!
 И совершивши путь обычной
 Къ гранитнымъ Невскимъ берегамъ,
 Порой отрадно будетъ вамъ
 На лонѣ роскоши столичной
 Задуматься — и хоть въ мечтахъ
 Вновь погулять въ родныхъ степяхъ!

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ТРЕТЬЕМУ.

(1) Какъ влагой масляной облитый

Тамъ черноземъ заблещетъ вдругъ.

Это не поэтическое преувеличеніе. Надобно видѣть, какъ тучна благодѣтельная Украинская земля и какъ блеститъ она, особенно въ солнечный день.

(2) Изъ люльки тянетъ свой тютюнъ

Люлька, — трубка, *тютюнъ*, — табакъ.

(3) Не выстроенныхъ, а сплетѣнныхъ,

Въ степныхъ мѣстахъ Украины, гдѣ не только строевой, но и дровяной дѣсь большая рѣдкость, сельскіе жители дѣйствительно не строятъ, а сплетаютъ себѣ дома, употребляя для этого лозу, хворостъ и бурьянъ. Глиною обдѣпливаютъ они свои жилища, изнутри и извнѣ, отъ чего сіи послѣднія теплы и не боятся вѣтра. Полы также глиняныя. Къ этому прибавить надобно, что построеніе такихъ домовъ не требуетъ много времени. Мнѣ случилось видѣть одинъ помѣщичій домъ подобнымъ образомъ сдѣланный: работа, отъ закладки его до окончательной отдѣлки, продолжалась только четыре мѣсяца. Когда же хозяинъ, чрезъ два или три года послѣ того, захотѣлъ пробить во внутренней стѣнѣ дверь, это стоило величайшихъ усилій; потому, что

масса, составляющая стѣну, превратилась, такъ сказать, въ цѣльную кирпичную, твердую до невозможности.

(4) « Когда накинувъ *кобенякъ*. »

Кобенякъ — верхняя одежда Украинцевъ съ кошелькомъ сзади, которымъ они покрываютъ голову, во время ненастья и холода.

(5) А какъ зимой на *вечерницы* и проч.

Вечерницы — посидѣлки.

(6) Туда *музыка* нанятѣй

Музыка — деревенскій музыкантъ въ Малороссіи.

(7) И *вѣдьмъ* и хитрыхъ *вѣдьмаковъ* !

Вѣдьмакъ — тоже въ мужескомъ родѣ, что *вѣдьма* въ женскомъ. Простой народъ вѣритъ, что *Вѣдьмаки* обладаютъ силою чародѣйства во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Черниговской губерніи *злыхъ вѣдьмаковъ* называютъ *уродимыми*, т. е. природными, которые, получивъ отъ предковъ искусство въ колдовствѣ, находятся въ сношеніяхъ съ нечистою силою; а добрыхъ *знѣхарями*.

(8) Разъ съ обоихъ *Днѣпра* береговъ

Вожди Малороссійскаго народа именовались *Гетманами* обоихъ береговъ или сторонъ *Днѣпра*. При всеобщемъ вооруженіи говаривали, что *козаки поднимаются съ обѣихъ сторонъ Днѣпра*.

(9) А сколько *хлѣбныхъ ямб* кругомъ ?

Въ бездѣсныхъ мѣстахъ Малороссіи, зерновой хлѣбъ по необходимости сохраняють въ ямахъ, надъ которыми, для предохраненія отъ течи, дѣлають намѣты изъ достокъ или тѣсу.

(10) И знаетъ слово отъ *гадюки*.

Гадюка — змѣя по Малороссійски. — Ему соответствуетъ — *гадина*.

(11) Ужалить *пѣробка* она.

Пѣробокъ или правильнѣе *пѣрубокъ* — работникъ.

(12) Ты выйди на Гетманскій *шляхъ*,

Шляхъ — дорога.

(13) Что и *челядка* молодая,

Челядка — работница, вѣроятно отъ слова *члѣдъ*.

(14) Взять *чвѣртку* жита за вѣнецъ,

Спекли и *коровѣй* нарядной,

Готовы ленты и платки,

Лихіе выбраны *дружкѣ* и проч.

Чвѣртка — подчетверти. *Коровѣй* — особеннаго рода хлѣбъ, выкрашенный краснымъ цвѣтомъ; въ него вправляютъ шесть небольшихъ тонкихъ палочекъ, которыя обвѣ-

шиваются лентами, обвиваются лавровыми листьями и покрываются платкомъ бумажнымъ или шелковымъ, смотря по состоянию. *Коровай* донныи необходимое украшеніе свадебъ: онъ иногда бываетъ раззолоченъ, и всегда почти размѣщаютъ на немъ голубковъ, изъ муки же сдѣланныхъ. Вообще полагаютъ, что *коровай* есть эмблема брака. — *Дружко* — шаферъ. *Жито* въ Малороссіи значитъ собственно рожь, а не ячмень, какъ во многихъ Великороссійскихъ губерніяхъ.

(15) Зловѣщій *пугачь* прокричалъ.

Пугачь — собственно филинъ; но простой народъ думаетъ, что это особенная, страшная и огромная птица, предвѣстница злополучія, *пугающая* всѣхъ и каждого.

(16) Тамъ ярко *коганѣцъ* пылаетъ,

Коганѣцъ — ночникъ, черепокъ, въ который вливаютъ постное масло и зажигаютъ фитиль изъ пенъки.

(18) Деревъ лимонныхъ знаменитыхъ

Упоминаемыя деревья дѣйствительно могутъ удержать за собою эпитетъ *знаменитыхъ*, по необыкновенной величинѣ ихъ и стройности.

(18) Навѣсъ Франклиновскія бани,

Франклиновская баня — это навѣсъ или бесѣдка съ подвижными деревянными рѣшотками, похожими на тѣ, кои употребляются для противосолнечныхъ шторъ. Войдя въ

баню, надобно приподнять машинку, чтобъ нѣсколько растворить рѣшотки, и легкой сквозной вѣтерокъ нѣжить члены, не хуже воды во время купанья. — Судя по названію, Франклинъ или изобрѣлъ эту баню, или особенно любилъ ее.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

1835. Декабря 1. С. Медведовъ.

Г. Лубны. — Преображенская ярмарка.

Чтобъ нѣга жизни деревенской
Намъ не наскучила въ степяхъ ,
Мы захотѣли быть въ *Лубнахъ*
На *ярмаркѣ преображенской*.
Прекрасенъ этотъ городокъ !
Кругомъ ужъ не однѣ равнины,
А холмы, лѣсъ и горъ вершины —
И проложила свой потокъ
Среброволнистой полосою
Сула надъ гладью луговою.

Предъ нами въ полной красотѣ
Вдали, на горной высотѣ ,
Открылась *Мгарская* обитель.
Нѣтъ, никогда пустынножитель

Приюта лучшаго не могъ
 Избрать отъ міра и тревогъ!
 Ту гору Патріархъ гонимый (1)
 Святымъ Фаворомъ величалъ
 И, Провидѣніемъ хранимый,
 Себѣ убѣжищемъ избралъ.

Какъ утѣшительно порою
 Отъ шума, отъ суетъ земли
 Отвести глаза, чтобъ зрѣть вдали
 Спасенья пристань предъ собою —
 Подательницу высшихъ благъ! *

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

Но отъ небеснаго къ мірскому
 Одинъ, признаться, только шагъ —
 И на лихихъ шестерикахъ
 Домчались мы, какъ на крылахъ,
 Уже къ шлахбауму городскому.

---

* Точки поставлены самимъ авторомъ.

Жиды, цыганы, ямщики,
 Барышники, покупщики,
 И лошади и скоть рогатой,
 Столы мѣняль, сбитеньщики —
 Всё это въ группѣ очень сжатой,
 Ужасно пыльной, полосатой,
 Крикливой, пѣстрой и живой
 Мелькнуло лѣтомъ предо мной!
 Коѣ-гдѣ ремонтёръ армейской,
 И даже изрѣдка гвардейской,
 Гусарь, драгунъ или уланъ,
 Иль тамошній заводчикъ-панъ,
 Межь черни гордо возвышались,
 Задумывались, торговались,
 Иль сыпали изъ кошельковъ
 Деньжонки на ладонь купцовъ.

Квартира, нами нанятая,
 Была противъ самыхъ рядовъ,
 Довольно чистая, такая,
 Гдѣ бь мѣсяцъ жить я былъ готовъ.
 Изъ оконъ видны балаганы,
 Въ которыхъ рюмки и стаканы,
 Фарфоръ, кенкеты, хомуты,
 Фаянсъ, хрусталь, зеркаль ряды,

Игрушки дѣтскія, картинки —
 Ну словомъ разныя новинки,
 Бросая пыль въ глаза людей,
 Ихъ мѣнять прелестью своей.
 Межь тѣмъ примѣтно вечерѣло.
 Мы пили чай, открывъ окно.
 Жидъ факторъ тутъ—и въ шляпѣ дѣло:
 Въ порядокъ всё приведено...
 Съ запасомъ купленной поклажи
 Ужь разъѣзжались экипажи
 Отъ шумныхъ лавокъ по домамъ;
 А въ городъ новые летѣли
 И колокольчики звенѣли,
 На радость добрымъ торговцамъ.
 Коѣ-гдѣ площадью большою
 Мужчины, женщины пѣшкомъ,
 Кто съ связкою, а кто съ кулькомъ,
 Мелькали пестрою толпою,
 Балѣкая о томъ о сѣмъ!
 А вотъ въ рубашкѣ полосатой
 Извозчикъ дюжій, бородатой,
 Дугу повѣсивъ на плечо,
 Овёсъ торгуетъ горячо;
 И въ довершеніе картины,
 Паецъ, чтобъ вечеръ усладить,

Хлопочеть в достоль досмѣшить
Зъвакъ внимательныхъ дружины.

Погода дивная была.

Луна — красавица природы,

Уже лазуревые своды

Алмазнымъ свѣтомъ облила.

Вотъ въ городъ всё тише, тише;

Мы принялись за вистъ; какъ вдругъ

По улицъ раздакъ звукъ,

Ну словно музыка. Всё ближе....

И вотъ ужъ громко заигралъ

Близъ оконъ на шарманкѣ нѣмецъ,

(Какъ помнится теперь Богемецъ)

И каватину распѣвалъ,

А дочка, дѣвочка живая,

Проворно въ бубенъ ударяя,

Дишкантомъ вторила ему;

Потомъ съ тарелкой къ намъ вбѣгала,

Данъ музыкальную сбирала —

И, прыгая, несла къ нему!

Уже рѣдѣлъ туманъ волнистый

Надъ усыпленною рѣкой

И палъ брильянтовой росой
 На лугъ муравчато-цвѣтистый.
 Пыль по дорогѣ прилегла.
 Природа радостно ждала,
 Чтобы въ блистательномъ виссонѣ
 Царь дня, возсѣвъ на горнемъ тронѣ,
 Простеръ съ улыбкой надъ землёй
 Животворящій скипетръ свой.
 И отворились для вселенной
 Врата надоблачныхъ палатъ!
 Вотъ первый лучъ. . . . врата горятъ —
 И свѣтелъ мѣръ преображенный!
 Всё вострепнулось! Раздалось
 Пернатыхъ сладостное пѣнье,
 Благочестивыхъ душъ моленье
 Съ нимъ гармонически слилось;
 А колоколъ въ поляхъ зѣира
 Звучить хвалу Владыкъ міра!

Зашевелились всѣ *Лубны!*
 Пора суеть опять настала
 И снова улицы полны;
 Ихъ пыль по прежнему застлала
 У лавокъ счёта дрожкамъ нѣтъ;
 Взводъ и колясокъ и кзреть,

То вѣка прошлаго, то модныхъ,
 Высокихъ, низкихъ, разнородныхъ,
 Зеленыхъ, желтыхъ, голубыхъ,
 Примчался на коняхъ степныхъ!

Крѣпитесь, бѣдные карманы,
 Насталь и вамъ разгуля часъ!
 Порядочно осушать васъ
 Marchandes des Modes и ихъ обманы!
 Гляжу: съ супругой молодой
 Усачь, гвардеецъ отставной,
 Бракуя, какъ знатокъ прямой,
 Провинціальные товары,
 Ужь выбралъ блонды, тюль, Фуляры,
 Духи, помаду—брeдь людской!
 Еврей, пусться въ свою ловитву,
 Кому-то превозносить бритву
 И ужь увѣрилъ, что она
 Изъ Лондона привезена;
 А черноокая жидовка,
 Изъ Шклѡва бойкая торговка,
 Разряженная, въ жемчугахъ,
 Изъ подъ блистающей повязки
 Лихому Франту строить глазки,
 Съ богатой Вѣбою въ рукахъ! (2)

Вотъ избалованный ребѣнокъ
 Бѣжитъ за папенькой бѣгомъ;
 Вслѣдъ дядька съ бременемъ обновокъ,
 Съ сердито-пасмурнымъ лицомъ.
 Вотъ сцена лучшая. Старушка,
 За нею группа дочерей,
 А сзади Ванька иль Петрушка,
 Первостепенный ихъ лакей,
 Изъ лавки въ лавку переходять
 И шибко деньги переводять.
 Неповоротлива, толста,
 Достойная старушка эта
 Презрѣла яркіе цвѣта
 И въ черный съ той поры одѣта,
 Какъ мужъ, почтенный бригадиръ,
 Охолодѣвъ къ волненьямъ свѣта,
 Въ гробу отчалилъ въ новый міръ!
 Она совсѣмъ не ѣстъ мяснова,
 Годъ круглый ѣздитъ по церквямъ,
 По пустынямъ, монастырямъ;
 А для того, чтобъ дочерямъ
 Не отставать и отъ земнова,
 По баламъ, ярмаркамъ, пирамъ!
 Въ послѣднемъ случаѣ старушка
 (Безъ исключенья правилъ пѣтъ)

Свѣжа, опратна, какъ пастушка,
 Предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ!
 А что у ней за кладовыя?
 Тамъ полны шкафы пребольшіе
 Голландскимъ выписнымъ бѣльемъ,
 Столовымъ, чайнымъ серебромъ,
 Фарфоромъ русскимъ, иностраннымъ,
 Коллекціей серёгъ, браслетъ,
 И перстней.... и чего тамъ нѣтъ,
 Чтобъ жениховъ зазвать приданнымъ?
 Однако этотъ разъ она,
 Отъ пышности отвлечена,
 Балыкъ да сельди покупала
 И мастерски ихъ выбирала....
 А два искателя невѣсть
 Изъ-за лѣсныхъ береговъ *Унѣчи* (5)
 Иль *Ипути*—заводятъ рѣчи
 Съ красавицами хлѣбныхъ мѣстъ!
 Къ венгеркѣ стараго покроя
 Привѣсивши какой-то крестъ,
 Одинъ, сестрицамъ кѹры строя,
 Увѣренъ, что въ одинъ присѣсть
 Иль старшая или меньшая,
 Огнемъ взаимности старая,
 Съ нимъ обмѣняется кольцомъ —

И онъ, съ торжественнымъ лицомъ,
Франтить, товарищу мигая!

Какъ ни ходи, а всё дойдёшь
До умственного отъ блажнава!
Такъ съ нами было. Молодёжь
Столпилась въ лавку Глазунова
Иль Логинова—я забыль
Навѣрное въ чью это лавку;
Но любознательную давку
Отъ всей души благословиль!
Теперь не унывайте, перья!
Часъ просвѣщенія пробиль —
И нѣтъ стариннаго повѣрья
Противъ бумаги и чернилъ!
Окрѣпъ языкъ. Стихи и проза
Ужъ не тяжёлы, не рѣзки,
Не хлещутъ въ уши и виски,
Какъ тридцать градусовъ мороза!

Всѣ говорить, что человекъ
Непостоянное созданье —
И это правда! Цѣлый вѣкъ
И наслажденье и желанье

Перемянуть стремится онъ !

Одно и тожь, какъ вялый сонъ ,

Ему немедленно наскучить

И жажда *новаго* замучить.....

Не испытали ль это мы ,

Когда по ярмаркѣ гуляя ,

И взоры, если не умы ,

Разнообразьемъ напитая ,

Хотѣли чѣмъ нибудь другимъ

Глазамъ внимательнымъ своимъ

Дать развлеченіе? И вскорѣ

Нечаянно попалась имъ

Звѣринца вывѣска. *И море,*

И въ перьяхъ негрѣ и страшный змѣй

Въ тѣни платановыхъ вѣтвей ,

И тигръ и новая Сивилла ,

Отгадчица судьбы людей —

Всё это кисть изобразила

Съ обыкновенной площадной

И яркостью и пестротой.

Удавъ съ Суматры, чуть живой,

Два небольшіе крокодила ,

(Но только вѣрно не изъ Нила),

Мартышка, тигръ и какаду,

Шестъ попугаевъ преболтливыхъ —
 Переселенцы странъ счастливыхъ,
 Живутъ всѣ вмѣстѣ, какъ въ аду.
 Хозяинъ нѣмецъ собираетъ
 Свой звѣрски-чистенькій доходъ —
 И шибко лѣтопись читаетъ
 Про покорѣнный имъ народъ.
 Межъ тѣмъ Сивилла-великанша
 На возвышеньи предъ толпой
 Сидитъ, блистая какъ султанша,
 Великолѣпной мишурой —
 И скажетъ вамъ безъ затрудненья,
 (Лишь стоитъ цыфры написать
 И на досчечкѣ ей подать)
 День вашей свадьбы, день рожденья,
 Невѣсты имя или жены —
 И удивляться вы должны!

Уздныхъ ярмарокъ Франconi (3)
 Въ свой циркъ зовѣтъ насъ волтижёръ;
 Паяцъ смѣшить, летаютъ кони
 И ихъ догнать не можетъ взоръ.
 Комедіантка молодая,
 Верѣвки зыбкость презирая,

На ней по воздуху идётъ —
И, глядя, ахаетъ народъ !

А клубъ заманчивый *Лубенскій* ?
А бурный волокитства жаръ —
Прекрасный молодости даръ ?
Повѣрьте мнѣ: покойникъ *Ленскій* ,
Когда бы встать изъ гроба могъ ,
Нашёлъ бы на такомъ раздоль
Прекрасную замѣну Оль
И жизнь надолго бы сберёгъ !

Прошла вся суматоха эта.
Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней
Я встрѣтилъ милаго поэта , (4)
Жильца Украинскихъ степей —
И навсегда въ душѣ моей
Оставить слѣдъ его бесѣда !
Какъ Аполлона благодать,
Меня проникло вдохновенье
Въ то незабвенное мгновенье,
Когда онъ началъ мнѣ звучать
Свои плѣнительные гимны
И, Музъ птенецъ гостепріимный ,
Внималъ, когда изъ устъ моихъ
Отвѣтный покатился стихъ !

Такъ, милый Графъ, средъ развлеченій,
Среди бесѣдъ, средъ наблюденій,
Въ *Лубнахъ*, мы прожили дня три —
И скоро, помолившись Богу,
Собрались въ новую дорогу,
При свѣтѣ утренней зари.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ЧЕТВЕРТОМУ.

(1) Ту гору Патріархъ гонимый.

Свят. Патріархъ Аванасій, котораго нетлѣнные мощи почиваютъ въ большой Преображенской церкви *Мгарскаго* монастыря. Миѣ показывали тамъ его краткое жизнеописаніе. Будучи гонимъ въ отечествѣ своемъ, Греціи, онъ нашель убѣжище въ этой обители; гору же, на коей она воздвигнута уподоблялъ, по красотѣ ея, *Фавору*.

(2) Съ богатой *Вѣбою* въ рукахъ.

Вѣба—Голландскій холстъ.

(3) Изъ за лѣсныхъ береговъ *Унѣчи*.

Рѣка *Ипутъ* впадающая въ *Десну*, принимаетъ въ себя *Унѣту*, въ Суражскомъ уездѣ Черн. Губерніи.

(4) Уѣздныхъ ярмарокъ Франкони

Извѣстный Парижскій волтижёръ: Авторъ шуточно сравниваетъ съ нимъ кочеваго ярмарочнаго волтижёра, котораго фамиліи не припомнить.

(5) Я встрѣтилъ милаго поэта,

Аркадія Гавриловича Родзянку. Любители поэзіи по справедливости должны сѣтовать о молчаніи его Музы, которой многіе Журналы и Альманахи обязаны прекрасными стихотвореніями.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

1836. Января 20. Деревня Спадола.

Отъездъ изъ Украинъ.—Новороссійскій край.—Утро.—Бугъ.—Николаевъ.—Переправа.—Дальтйшій путь.—Черное море.—Пересмы.—Одесса.—Казино.—Гостинница Оттона.—Ночь.—Утро.—Купанье въ морѣ.—Завтракъ.—Магазинъ.—Портиме.—Обѣды.—Опера.—Пати-Барилли и Тасистра.—Примадовы.—Природа Одессы.—Портъ.—Пресвѣщеніе.—Бульваръ.—Памятникъ Ришелье.—Графъ Воронцовъ.—Общества.

Сказавъ прости странѣ любимой,
Въ которой люди такъ добры,
Покинувъ роскошь и пиры
И кровь, Пенатами хранимый,
Столь памятный, столь милый намъ,
Мы по равнинамъ и степямъ
На почтовыхъ уже летѣли—
И вотъ предъ нами засинѣли
Новороссійскія поля!
Блаженный край! Его земля
Пышна, какъ дѣва молодая!
Давноль, въ поляхъ приподнимая

Природой сотканный покровъ,
 Блеснуло лезвее плуговъ;
 А селянинъ трудолюбивый
 Уже въ пустыняхъ вѣковыхъ —
 Виталищъ звѣрей однихъ,
 Богатыя раскинулъ нивы
 И, подвигомъ своимъ счастливый,
 Уже за первые труды
 Пожалъ сторицею плоды!
 И скоро тѣхъ пустынь приволье
 Мычаньемъ стадъ оглашено;
 Ростили овцы на раздольѣ
 Свое пушистое руно.
 По мановенію десницы
 Великой Сѣвера Царицы,
 Возникли сѣлы, города,
 Помчались по рѣкамъ суда —
 И этотъ край преображенный,
 Богатый, быстро населенный,
 Сталъ завистью другихъ краёвъ,
 А Ришелье и Воронцовъ,
 Призвавъ на помощь просвѣщенье,
 Въ нёмъ довершили возрожденье!

Уже альль зарей востокъ.
 Подулъ прохладный вѣтерокъ,
 Отъ вѣждей дремы отвѣвая,
 И вотъ, природу пробуждая,
 Великолѣпно и свѣтло,
 Уже по небу солнце шло!

Вдали, сосѣдъ Эвксина бурный,
 То серебристый, то лазурный,
 Гордясъ своимъ величьемъ, *Бугъ*
 Широкимъ поясомъ обводитъ
 Луга, прилѣгшіе вокругъ,
 И въ море, торопясъ, уходитъ.
 Вотъ городъ *Николаевъ*. Онъ,
 Весь тополями опушенъ,
 Приятный, чистый и красивый
 Окинулъ берегъ тотъ, гдѣ *Бугъ*
 Съ *Ингулою* сходится, какъ другъ.
 Тамъ всемогущи, горделивы,
 Родятся стаи кораблей,
 На страхъ полуденныхъ морей! (1)

Но вотъ уже баркасъ предъ нами
 Съ неустрашимыми гребцами,
 И по зыбямъ рѣки, стрѣлой

Летимъ мы на берегъ другой. (2)
 Причались. Кони ужь готовы,
 Карета быстро понеслась
 И пыль изъ подъ нея взвилась.
 Межъ тѣмъ что шагъ впередъ, то новый
 Предметъ встрѣчается глазамъ:
 То скаты горъ, то ихъ вершины,
 То сѣлы, дачи и равнины—
 Всё радостно, всё мило намъ!
 Вдругъ что-то издали синѣеть,
 Переливается, свѣтлѣеть. . . . .

О! помню я блаженный часъ,
 Какъ море Чёрное предъ нами,
 Съ его скалистыми берегами,
 Съ его кипучими волнами,
 Вдали открылось въ первый разъ!
 Съ какимъ-то страхомъ, съ нетерпѣньемъ,
 Я на него тогда взирала
 И, полонъ сладкимъ вдохновеньемъ,
 Привѣтный стихъ ему послала!
 Пылало солнце, догорая;
 Съ лазурью волнъ лучи слились;
 Далёко по морю мелькая,
 Какъ птицъ ширококрылыхъ стая,

Въ *Одессу* корабли неслись!
 Могуль забыть тотъ мигъ отрадный,
 Какъ я ступилъ на брегъ крутой,
 Какъ рокоть моря вѣковой
 Плѣнилъ, наполнилъ слухъ мой жадный
 Своей гармоніей живой?
 Вотъ съ небосклона межъ скалами
 Нить искръ неждано сорвалась.....
 Смотрю: и чтоже предъ очами?
 Надъ потускнѣвшими водами
 То вечера звѣзда зажглась!
 Темнѣло. Точкою огнистой,
 Какъ бы прорѣзывая мракъ,
 Сверкала близъ города маякъ.
 Вошь *Пѣресыпь*. Песокъ волнистой (3)
 Отъ вѣтра вѣтса всё густѣй,
 Томя усталыхъ лошадей.

О! для чего тебѣ, *Одесса!*
 Ночная чѣрная завѣса,
 Какъ бы умышленно для насъ,
 Затмила въ этотъ сладкій часъ?
 Зачѣмъ окинуть не могли мы
 Очами жадными своими

Скалу, на коей ты висишь
И гордо море сторожишь?

Еще *казино* не закрыты: (4)
Изъ нихъ несётся арий звукъ,
Съ брацаніемъ гитары слитый;
Шаровъ бильярдныхъ слышенъ стукъ;
А языки, то *Итальянскій*,
Французскій, *Англійскій*, *Испанскій*,
То *Греческій*, то странъ другихъ,
Пестро и звучно раздаются
Въ бесѣдахъ шумныхъ и живыхъ!

Но кони всё быстрѣй несутся.
Мелькаютъ зданія кругомъ,
Своею стройностью плѣняя;
Давно гремитъ ужъ мостовая.
Мы въ *Ришельевской*. *Пышный домъ*,
Швейцарь, отменно разодрѣтый,
Въ окошкахъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ—
И я узналъ, что это онъ,
Всё тотъ же, *Пушкинымъ* воспѣтый,
Любимецъ странниковъ—*Оттонъ*. (5)
По лѣстницѣ и въ коридорѣ
Мелькалъ арабъ-слуга и вскорѣ

Ужь номера отведены.
 Мы были всѣ удивлены
 Убранствомъ ихъ и чистотою.
 Позолоченною каймою
 Карнизы обвели плафонъ ;
 Паркетъ блеститъ со всѣхъ сторонъ;
 На окнахъ модныя гардины,
 На стѣнахъ кое-гдѣ картины,
 Въ парадныхъ рамахъ зеркала—
 Пожалуй роскошью такою
 Одесса съ матушкой-Москвою
 Пospорить вѣрно бы могла.

Та ночь плѣнительна была,
 А море предъ окномъ шумѣло;
 Погодный вѣтеръ подувалъ—
 И я задумчиво, но смѣло
 Къ волнамъ прислушиваться сталъ.

И онъ блеснулъ ужъ день счастливой,
 Одинъ изъ тѣхъ не многихъ дней,
 Которые такъ бережливо
 Хранимы въ памяти людей,
 Чтобы объ нихъ воспоминанья
 Насъ утѣшали въ дни страданья,

Чтобъ тише были и сноснѣй
Невзгоды сердца и страстей!

Невыразимой нѣги полны
И страхъ на время отклонивъ,
Въ твои мы кинулися волны,
Эксина бурнаго заливъ!
Радушно путниковъ носили
Онѣ на голубыхъ хребтахъ,
Качали насъ, животворили —
И мы здоровья чашу пили,
Съ восторгомъ, съ гордостью въ очахъ!

Насъ завтракъ ждалъ. *Оттонъ* привѣтный
Намъ шлетъ огромнаго *turbot*, (6) ..
А упоительный *Рубъ* (7)
Лосера некторъ искрометный (8)
И благовонное Бордо.
Жизнь вдругъ достигла совершенства!
Для довершенія блаженства
Мы съ тросточками, въ сюртукахъ
И съ пахитосами въ зубахъ,
(Чтобъ до обѣденной години
Не тратить время въ пустякахъ)
Гулять пустились въ магазины —

И Штифель, Вагнеръ, Марибò, (9)
 Сордиб, Миевиль, опять Рубò —
 Всѣ насъ утѣшили. Портные :
Monsieur Langlé, Monsieur Doré,
 Пришли къ назначенной порѣ —
 И (сами франты пребольшіе)
 Съ вѣрнѣйшимъ барометромъ модъ —
 Коллекціей мужскихъ картинокъ,
 Со связкой щегольскихъ новинокъ —
 И золото пошло въ расходъ.....

И здѣсь одинъ лишь Авторъ Эды
 (Какъ въ первомъ я письмѣ сказалъ)
 Достойно бы живописалъ
 Разнообразные обѣды,
 Разнообразные пиры,
 Въ которыхъ Комъ свои дары
 Намъ сыпалъ щедрою рукою :
 Для этого мой бѣденъ стихъ —
 И я, съ поникшей головою,
 Намѣренъ замолчать объ нихъ.

Мы по вечернему одѣты.
 Ужъ семь часовъ. Давно билеты
 Изъ Оперы принесены

И, нетерпѣнія полны ,
 Мы жаждемъ звуками упитъся ,
 Чтобъ позабывшись, очутиться
 Хотя на мигъ, хотя въ мечтахъ,
 На дальнихъ Тибра берегахъ....

Въ ту пору молодой Беллини ,
 Какъ прежде чародѣй-Россини,
 Уже *Одессу*, восхищаль.
 Насъ *Il Gigata* увлекалъ
 Въ мѣрѣ музыкальныхъ откровеній
 И этихъ высшихъ наслажденій,
 Которымъ въ мѣрѣ нѣтъ цѣны
 За тѣмъ, что съ неба намъ даны!
Патї-Барилли не плѣняла (10)
 Полуотцвѣтшей красотой;
 Но насъ она обворожала
 И дивнымъ пѣньемъ и игрой.
 Когдажъ *Тасистра* молодая, (11)
 На сцену скромно выступая,
 Невольно первенство брала —
 Она волшебницей была!
 Всѣ въ ней прельщало: голосъ чистый,
 Столь свѣжій, звонко-серебристый,
 И эти быспрые глаза —

Краевъ полуденныхъ краса,
И станъ прямой, картинно-стройный,
Богинь Гомеровыхъ достойный!

Но на *Одесскихъ* берегахъ,
Въ подрывъ столь многихъ жизни благъ,
Скучна, въ дни лѣтніе, природа: (12)
Пыль мучить, пудритъ дерева;
Отъ ней кружится голова;
А солнце съ голубаго свода,
Какъ въ степи аравійской, жжетъ
И злакамъ жизни не даетъ.
Скалы, повиснувъ надъ водою,
Печалить очи наготово —
Все это правда! Но въ замѣнъ
Грѣховъ природы неизбежныхъ,
Взоръ попадетъ въ пріятный пленъ,
Окинувъ рядъ картинъ прибрежныхъ:
И безконечный летъ судовъ
На бѣлыхъ крыльяхъ парусовъ,
И въ портѣ кораблей армады,
И зданій пышныя громады!

На шумномъ брегѣ суета,
Одеждъ, нарѣчій пестрота,

Приливъ гостей иноплеменныхъ,
 Алчбою злата привлеченныхъ,
 И своеземныхъ торгашей —
 Все наблюдателя прельщаетъ
 И душу мыслями питаетъ;
 Но для него еще милѣй
 Одессы шумной просвѣщенье, (13)
 Европы, вѣка отраженье! — —
 Когда съ брантвахты грохоталь (14)
 Знакомый вечера сигналъ,
 На мигъ всё море потрясая,
 А вѣтерокъ, вдругъ повѣвая,
 Тушилъ прохладой долгій жаръ,
 Мы шли, бывало, на бульваръ,
 Гдѣ подъ навѣсами акацій
 Безсмертный Ришелье стоитъ (15)
 И зорко на море глядитъ!
 Тамъ видѣль я и Музь и Грацій,
 Перелетавшихъ предо мной
 Неуловимую мечтой!
 Тамъ мнѣ встрѣчались: и гречанка,
 Аэинъ прекрасная бѣглянка,
 И дѣва Тибрскихъ береговъ
 И прелесть тамошнихъ краёвъ.
 Тамъ русскій баричъ раздушённый,

Въ Одессу пламенно влюблённый ,
 (Причавшійся изъ стѣнь Москвы
 Иль съ берега царственной Невы)
 Нарядно, величаво бродить,
 Вполнѣ довольный самъ собой ,
 И душу, кажется, отводить
 Отрадной юга теплотой,
 Чтобъ, отдохнувъ, помчаться снова
 Туда, гдѣ ждѣтъ его семья.

Благословляютъ Воронцова
 И городъ тотъ и тѣ края!
 Монаршей воли исполнитель ,
 Наукъ, художествъ покровитель ,
 Поборникъ правды, другъ добра,
 Сановникъ мудрый, храбрый воинъ,
 Оливъ и лавровъ онъ достоинъ!
 Настанетъ нѣкогда пора ,
 Когда изъ мрамора, гранита,
 Или изъ рудъ твоихъ, Таврида, (16)
 Возникнетъ статуя его
 На сихъ берегахъ благословенныхъ ,
 Чтобъ взоръ потомковъ отдаленныхъ
 Смотрѣлъ съ восторгомъ на него! — —
 Намъ общества открыты были.

Вы вѣрно, Графъ, не позабыли
Радушiе, высокiй тонъ,
Бесѣды—жизни наслажденья,
И наконецъ минуты чтенья
По вечерамъ; да тотъ балконъ,
Предъ моремъ дерзостно висящiй,
Гдѣ такъ отраднo было намъ
Дать волю мыслямъ и глазамъ,
Когда наброситъ свѣтъ дрожащiй
Луна на пелену зыбей.
Такъ, тѣхъ минутъ очарованье
Да сохранить воспоминанье
Въ душѣ признательной моей!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ПЯТОМУ.

(1) На страхъ полуденныхъ морей.

Въ Николаевѣ теперь корабельная верфь, бывшая прежде въ Херсонѣ.

(2) Летимъ мы на берегъ другой.

На пути въ Одессу надобно переправляться чрезъ Бугъ въ Николаевѣ: эта рѣка имѣетъ тамъ 4 версты въ ширину.

(3) Вотъ *Пересыпь*. Песокъ волнистой.

Отъ вѣтра вѣется всё густѣй.

Пересыпь — предмѣстіе Одессы: тамъ чрезвычайно глубокий и сыпучій песокъ.

(4) Еще *Казино* не закрыты.

Казино — родъ трактировъ, въ которыхъ двери отворяются на улицу, и тамъ-то купцы, магазинщики и проч. отдыхаютъ по вечерамъ отъ дневныхъ трудовъ, играя въ карты, бильярдъ и другія игры, при звукѣ музыки. Это очень пріятно видѣть.

(5) Любимецъ странниковъ — Отгонъ.

Первыйишій рестораторъ въ Одессѣ.

(6) Намъ шлётъ огромнаго turbot.

Турбо—полтусъ, рыба похожая видомъ на камбалу и которая часто бываетъ такъ велика, что одна занимаетъ цѣлое блюдо.

(7) А упонительный Рубо.

У Рубо лучший погребъ въ Одессѣ.

(8) Лоссеръ янтарно-искрометный

Лоссеръ (Lausseau)—известное вино.

(9) И Штифель, Вагнеръ, Марибо, Соронъ, Миевиль, опять Рубо

Штифель, *Вагнеръ* и *Марибо* имѣютъ превосходные магазины въ Одессѣ; у *Рубо* (кроме погреба) также отличный съ разными вещами. *Соронъ* и *Миевиль*—иностранные книгопродавцы.

(10) Пати-Барилли не плѣняла

Полу-отцвѣтшей красотой

Пати-Барилли — примадона Одесской оперы въ 1834 году.

(11) Когдажъ Тасистра молодая

Тасистра, молодая кантатриса, прибывшая въ Одессу въ томъ же 1834 году изъ Италіи.

(12) Скучна, въ дни лѣтніе, природа.

Авторъ видѣлъ Одессу только въ одно время года и въ самое сухое; почему и не могъ въ письмахъ своихъ дать

мѣста описанію города въ какое либо другое время, безъ опасенія впасть въ подражаніе.

(13) Одессы шумной просвѣщенье
Европы, вѣка отраженье!

Одни скептики—путешественники, любящіе вдаваться въ скучное умничанье, могутъ иначе думать объ Одессѣ. — Безпрестанныя ея сношенія съ просвѣщеннѣйшими странами Европы, почти ежедневное прибытіе иностранцевъ, прекрасное общество, мѣры принимаемыя правительствомъ въ пользу наукъ, художествъ и вообще цивилизаціи — все это дѣлаетъ Одессу городомъ истинно замѣчательнымъ.

(14) Когда съ брантвахты грохоталъ
Знакомый вечера сигналъ....

Брантвахта особенное военное судно, составляющее въ портахъ шлахбаумъ или заставу. Выстрѣлы съ брантвахты раздаются утромъ и вечеромъ, чтобъ возвѣстить, что въ первомъ случаѣ портъ открывается для плаванія, а во второмъ закрывается. Въ полдень также стрѣляютъ съ брантвахты. — Вообще это мѣсто (неумышленно со стороны Автора) имѣетъ нѣкоторое сходство съ неподражаемымъ, превосходнѣйшимъ описаніемъ Пушкина. Неоспоримо, что итти съ нимъ одною дорогою большая дерзость; но въ Одессѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, есть много такого, что не можетъ уйти отъ вниманія и, такъ сказать, невольно ложится подъ перо Автора, взявшаго на себя трудъ изобразить *по свѣдѣнію* описанное. прежде кѣмъ бы то ни было.

- (15) Безсмертный Ришелье стоит
И зорко на море глядитъ!

Памятникъ Герцогу Ришелье воздвигнуть въ Одессѣ на приморскомъ бульварѣ и есть произведеніе знаменитаго Мартоса. Приморскій бульваръ—истинно очаровательное мѣсто: онъ любимое гульбище *Одесскихъ* жителей и путешественниковъ.

- (16) Или изъ рудъ твоихъ, Таврида,

Предполагать металлы въ горахъ Крымскаго полуострова, можетъ быть, дерзко; но поэтъ не геологъ и имѣеть до крайней мѣрѣ, право мечтать, что въ недрахъ *Четырдага*, *Яйлы*, или *Аю-дага* кроются сокровища.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

1836. Января 30. Г. Стародубъ.

Домъ Н..... и Г.... В..... — Садм. — Библиотеки. — Хутора. — *Чудной незнакомецъ* (эпизодъ). — Негоціанты. — Одесса — городъ музыкальный. — Сборъ въ Крымъ. — Недоумѣніе. — Утро. — Корабль *Варшава*. — Огплатіе въ Крымъ.

Мы, съ каждымъ днемъ встрѣчая снова
Разгуль для взора иль ума,
Видали пышные домъ
Н..... и В.....
Туда стремился я давно!
Какъ дивно тамъ соглашено
Богатство съ вкусомъ просвѣщеннымъ,
Вполнѣ изящнымъ, утонченнымъ!
Войдя, итти оттуда жаль!
Тамъ всё блеститъ! Чаруютъ взоры
Картины, бронзы и фарфоры,
Гранитъ и мраморъ и хрусталь
Краевъ родныхъ иль отдаленныхъ,
Ковры, янтарь и безыменныхъ
Вещицъ несмѣтные ряды!

А близъ домовъ что за сады?
 Какъ поэтически развиты
 Кругомъ блистательные виды
 На городъ, на морскую даль!
 На столь заманчивомъ раздолѣ
 Должна затихнуть поневолю
 И сердца и души печаль!

Средь этихъ роскоши вмѣстилищъ
 Не меньше увлекаютъ взоръ
 Сокровища книгохранилищъ,
 Гдѣ для души такой просторъ,
 Гдѣ всѣ вѣка и всѣ народы,
 Гдѣ жизнь умовъ и ходъ природы
 Какъ въ зеркалѣ отражены,
 И на всегда сбережены
 Отъ безотраднaго забвенья,
 Во славу Музъ и просвѣщенья!

Мы посѣтили хуторъ, (1)
 Куда, въ дни лѣтніе, жаръ
 Владѣльцевъ гонитъ изъ *Одессы* —
 И тамъ-то божество садовъ
 Ихъ принимаетъ подъ навѣсы
 Густыхъ, раскидистыхъ деревъ.

Тамъ, надъ морскими берегами,
 Между пригорковъ, межъ скалами,
 Рядъ пёстрыхъ домиковъ лежитъ.
 Необозримая равнина,
 Залива синяя пучина
 Предъ ними стелется, блеститъ
 И пѣну волнъ своихъ дробитъ.
 Туда иди, любви страдалецъ,
 Земли мечтательный скиталецъ —
 И этотъ вѣчный моря шумъ
 Проникнетъ душу нѣгой думъ,
 Опъ сердца опведѣшь печали!

Мнѣ старожилы рассказали,
 Что нѣкогда вдоль этихъ скалъ
 Одинъ, задумавшись, блуждалъ
 Какой-то чудный незнакомецъ.
 Краевъ ли сѣверныхъ питомецъ,
 Балованный ли юга сынъ,
 Иль воинъ онъ, иль гражданинъ —
 Никто не зналъ! Но плащъ широкій,
 Всегда скрывавшій станъ его,
 Не утаилъ ни отъ кого,
 Что юнъ былъ странникъ черноокій...
 Его густые волоса
 Чело красиво оттеняли
 И на плеча, вѣсь, сбѣгали,

Не разъ пльня дѣвъ глаза.
 Но раннѣеъ страстей налѣты,
 Или житейскія невзгоды,
 Или недугъ тому виной,
 Что такъ онъ блѣденъ былъ порой —
 Догадки тщетныя! Онъ встрѣчи
 Со всѣми гордо избѣгалъ —
 И ни къ кому не обращалъ
 Ни взора своего, ни рѣчи!
 Не только днѣмъ, и ночью онъ
 Бродилъ угрюмо надъ водами,
 Объемля мутными очами
 И моря ширь и небосклонъ.
 Лишь рѣдко изъ груди мятежной
 Вздохъ перерывный высталъ
 И безотвѣтно замиралъ
 Среди равнины водъ безбрежной,
 И мнили всѣ, что странникъ нѣмъ,
 Или безуменъ онъ! Межъ тѣмъ
 Его какой-то воньъ старой
 Успѣлъ подслушать наконецъ.
 Ужасенъ, блѣденъ, какъ мертвецъ,
 Бродилъ по берегу онъ съ гитарой;
 Но только день повечерѣлъ,
 Свѣтъ на скалъ, страдалецъ юный
 Въ звончатыя ударилъ струны—
 И дивнымъ голосомъ запѣлъ:
 « Да будетъ проклято мгновенье,
 « Когда родился я на свѣтъ!

« Не нуженъ мнѣ людей привѣтъ :
 « Въ нихъ только ложь и оболъщенье !
 « Въ душахъ отвѣтной думы нѣтъ,
 « Сердца ихъ — отвердѣлый камень,
 « А помысловъ высокихъ пламень
 « На нихъ и легкаго слѣда
 « Не печатлеть никогда !
 « Любовь — подлунныхъ благъ начало,
 « Она одна, она одна
 « Въ замѣну горя намъ дана !
 « Но мнѣ измѣчиво сіяла
 « Ея звезда ! Коварный свѣтъ,
 « Его безбожныя уставы,
 « Да клеветы языкъ лукавый
 « Меня сгубили въ цвѣтъ лѣтъ . . . .
 « И нѣтъ любви и милой нѣтъ !
 « Видавъ на полѣ жизни розы,
 « Я собралъ тернія одиѣ !
 « Умру — и кто пролѣтъ о мнѣ
 « Участья искреннія слёзы ! »

Умолкъ — и пистолеть готовъ . . . .

Но онъ поникнулъ головою —

И чтоже ? Слышитъ за скалою

И плачь и вопль въ тѣни дубовъ.

« Чей это вопль, чей это голосъ ? »

И онъ бѣжитъ — и дыбомъ волосъ,

А въ море пистолеть упалъ —

И дряхлый воинъ избавитель,

Какъ будто неба поствитель ,
 Какъ Серафимъ ему предсталъ .
 Тогда эфирный сводъ надъ ними
 Горѣлъ звездами золотыми
 И въ нихъ лучахъ страдальца взоръ
 Прочёлъ самой судьбы укоръ .
 Но принялъ юношу въ объятя
 Тотъ , чьей цѣлебной онъ слезой
 На крайъ бездны роковой
 Спасёнъ отъ Божьяго проклятья!
 Съ тѣхъ поръ по высямъ этихъ скалъ
 Пришлецъ загадочный блуждалъ
 Ужъ не отверженцемъ природы:
 Нѣтъ , съ яснымъ взоромъ и челомъ ,
 Привыкъ онъ вечеромъ и днёмъ
 Внимая , какъ шумѣли воды ,
 Позабывать былые годы
 И бурю гибельныхъ страстей !
 Какъ прежде , полюбилъ людей
 И съ жизнью помирился снова ;
 Но тщетно воина сѣдова
 Вездѣ вдоль берега искалъ ,
 Онъ спрашивалъ : никто не зналъ !
 И вѣрилъ юноша спасенный ,
 Что былъ то Ангелъ воплощенный ,
 Хранитель , вождь и стражъ людей
 Въ наземной области скорбей ! ...

Бывало только что примчатся
 Судя изъ стороны чужой ,
 Негоціанты вдругъ толпой
 По улицъ зашевелются;
 Кто ждѣтъ товаровъ, кто друзей ,
 А кто изъ-за моря вѣстей —
 И я любилъ смотрѣть, бывало,
 Когда внимательно, въ очкахъ ,
 Съ письмомъ, съ газетами въ рукахъ ,
 Какой нибудь серьезный малой ,
 Поутру выйдя на балконъ,
 День цѣлый въ чтенье погружёнъ !
 И сколько новыхъ разговоровъ,
 Соображеній, толковъ, споровъ,
 О войнахъ, мирѣ странъ чужихъ ,
 Иль о банкротствахъ роковыхъ !

Одесса—городъ музыкальный,
 И рѣдкій изъ ея гражданъ
 Не страстно-пылкій меломанъ !
 Въ веселый часъ или печальный,
 Тамъ въ міръ Моцарта идеальный
 Слухъ, жадный звуковъ, увлечёнъ —
 Тамъ, мнится, воздухъ напоёнъ
 Какой-то нѣгой музыкальной !

И мы блаженствовали тамъ;
 Но незабвенныя недѣли
 Быстрѣ птицы пролетѣли
 И ужь настало время намъ
 Отплыть къ Таврическимъ брегамъ.
 И вѣтръ попутный и погода —
 Всѣ льстило намъ! Мы собрались
 И ждали, но не дождались
 Изъ Цареграда парохода! (2)
 На тѣсныхъ торговыхъ судахъ
 Привольно ли пуститься въ море
 Тому, кто хочетъ на просторѣ
 Понѣжиться и на водахъ!
 Сухимъ путемъ скучна́ доро́га —
 И поднялась у насъ трево́га!
 Что дѣлать? Ну такъ ждать пождать,
 Пока Нептунъ и Амфитрита
 Устанутъ наконецъ терзать
 Твоихъ поклонниковъ, Таврида!

Такъ и сбылось! Не въ первый разъ
 И вѣрно непоследнихъ насъ
 Судьба лишь испытать хотѣла!
 Разъ утромъ весело горѣла
 Заря на чистыхъ небесахъ

И рисовала на зыбяхъ
 Багряно-яркіе отливы.
 Отъ ложа отогнавши сны,
 Я кинуль взоръ нетерпѣливый
 На утро южной стороны—
 И видѣль я прямое диво,
 Какъ величаво, горделиво,
 Надъ моремъ солнце поднялось,
 Какъ имъ всё море облилось!
 Раздалась пушка вѣстовая: (3)
 Гляжу на рейдъ: тамъ вѣтъ флагъ;
 Чело красиво подымая,
 Три мачты видны въ небесахъ:
 То необъятная *Варшава*, (4)
 Прекрасная, какъ честь и слава
 Героевъ Русскихъ на моряхъ!
 Тавриды къ берегамъ счастливымъ
 Веселый путь ея лежитъ:
 Ужель она не пріютитъ
 Насъ подъ вѣтриломъ горделивымъ?

На гостью милую глядѣль
 Весь городъ жадными очами!
 Безчисленными катерами
 Покрылось море: всякъ хотѣль,

Летя на крыльяхъ восхищенья,
 Нести ей дани удивленья!
 Туда! вотъ катеръ и для насъ!
 Просторенъ онъ, гребцы лихіе!
 Плывемъ. Тогда-то въ первый разъ
 Твои я зыби голубья,
 О море! поспирать дерзнулъ,
 Съ восторгомъ въ глубь твою взглянулъ —
 И эту свѣтлую минуту
 Я никогда не позабуду!
По трапу быстро мы взнеслись (5)
 На палубу чистѣй паркета.
 Вотъ Капитанъ. Мы обнялись, (6)
 Какъ земляки. Его привѣта
 Слова родныя были мнѣ
 Отрадны, сладостны вполне!

Гляжу кругомъ: что за громада
 Сіе страшлище морей,
 Созданье смѣлое людей —
 Земли могучая ограда!
 О! какъ великъ тотъ смертный быль,
 Кто въ мірѣ первый побѣдилъ
 Пучинь опасную невзгду
 И даже самую природу,

Когда, срубивъ пловучій домъ ,
 Съ отважною дружиной въ нѣмъ ,
 Пустясь въ невѣдомыя страны ,
 Открылъ моря и океаны !

Я угадалъ. *Варшава* насъ
 Принять , радушная , готова ,
 Подъ сѣнь воинственнаго крова —
 И вотъ настала желанный часъ !
 Примчались ялики за нами ;
 Свистокъ раздался у руля. . . . (7)
 Отчалили. . . . прощай земля —
 И вотъ ужъ мы межъ моряками !

Свѣтла, просторна и пышна ,
 Служить убѣжищемъ должна
 Намъ адмиральская каюта :
 Не нужно лучшаго пріюта
 И на землѣ ! Но мы спѣшимъ
 Со шканцевъ моремъ любоваться (8)
 И взоромъ томнымъ распрощаться
 Одесса ! съ берегомъ твоимъ !
 Толпы народа тамъ пестрѣли ,
 Ужъ за полдень ; но голубѣли ,
 Какъ дорогая бирюза ,
 Безоблачныя небеса !

Ужь лейтенантъ передь дружиной
 Въ безперой шляпѣ, въ сюртукѣ,
 Со звонкимъ *рупоромъ* въ рукѣ, (9)
Стоитъ на вахтѣ. Взоръ орлиной
 Мелькаетъ быстро здѣсь и тамъ
 По мачтамъ, реямъ и снастямъ.
 Матросы стройными рядами
 Перебѣгаютъ передь нами.
 Скрыпятъ канаты; ужь сей часъ
 Корабль помчитъ счастливыхъ насъ,
 Ужь подняты суда *гребныя*, (10)
 Уже на мѣстѣ *рулевые*. . . .
 Свистокъ. . . . мы съ якоря снялись,
 Вѣтрила гордо развились;
 А музыки воинской звуки
 Съ *Варшавы*, словно вопль разлуки,
 Далече по морю неслись !

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ШЕСТОМУ.

(1) Мы посѣтили хуторá.

Эти хутора—истинная прелесть и достойны пера Пушкина, Языкова или Баратынскаго.

(2) Изъ Цареграда парахода

На которомъ отправился тогда знаменитый путешественникъ Мармонтъ въ Константинополь. По этой причинѣ и не было въ ту пору пароходнаго сообщенія Одессы съ южнымъ берегомъ Крыма.

(3) Раздѣлась пушка вѣстовая..

Съ брагвахты. Прошу взглянуть выше.

(4) То необъятная *Варшава* ,

Варшава линейный 120 пушечный корабль, тогда только что отстроенный въ Николаевъ, но еще не вооруженный, зашѣлъ въ Одессу на пути въ Севастополь—мѣсто его назначенія. Этотъ корабль съ усѣченною кормою и необыкновенно красивъ. Впрочемъ на немъ, сверхъ штата, помѣстить можно до 20 пушекъ.

(5) По *трапу* быстро мы внеслись

Трапомъ называется лѣстница, по коей всходятъ на корабль.

- (6) Вотъ Капитанъ. Мы обнялись
Какъ земляки.

Егоръ Ивановичъ Колтовской, Капитанъ 1-го Ранга и
Командиръ корабля *Варшавы*.

- (7) Свистокъ раздался у руля.

Матросъ, правящій рулёмъ, свиститъ въ особенный мѣд-
ный свистокъ, висящій у него на шеѣ на мѣдной цѣпочкѣ
когда судно отчаливаетъ или причаливаетъ. Кроме того во
время плаванія, на кораблѣ эти свистки безпрестанно раз-
даются, что всегда имѣетъ какое либо значеніе.

- (8) Со шканцевъ моремъ любоваться.

Шканцы—возвышенное мѣсто на палубѣ.

- (9) Со звонкимъ *рупоромъ* въ руки

Стоитъ на *вахтѣ*.

Рупоръ—мѣдная трубка, чрезъ которую командуютъ.

Стоять на вѣхтѣ—значитъ быть въ караулѣ.

- (10) Ужь подняшы суда гребныя,
Уже на мѣстѣ рулевые.

Вокругъ корабля привѣшено множество гребныхъ судовъ
разной величины; но большія изъ нихъ помѣщаются на
палубѣ. Эти суда спускаются на воду, когда нужно, не
только во время якорной стоянки, но и при плаваніи.—*Ру-*
левые называются два матроса, стоящіе возлѣ компаса и
правлящіе рулёмъ.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

1836. Февраля 1. С. Медведова

Плаваніе *Варшавы*.—Берегъ скрывается.— Вечеръ на морѣ.— Вечерняя звѣзда.— Луна.— Ночь.— Тендра.— Сонъ.— Утро.— Битъ моряковъ.—Тарканкутъ.—Штиль.—Чуть чуть не буря.— Видъ Таврическихъ горъ.—Поэтъ-сопутникъ.— Севастополь.— Херсонесъ—Инкерманъ.—Якорь брошенъ.— Капитанъ.— Адмиралъ Кумани.— Приглашеніе на *Депутатскій смотръ*.—Корабль.—Еще вчлегъ на немъ.—*Депутатскій смотръ*.—Корабли и Фрегаты.—Пиръ на Ческъ.—Херсонесъ.—Воспоминанія.—Инкерманъ.—Казикли-Узень (Черная рѣчка) — Обломки города.— Заключение письма.

Когда младый птенецъ орлиный,
Раскинувъ крылья въ первый разъ,
Несется гордо на Кавказъ,
Черезъ воздушныя равнины,
Облегшія небесный сводъ,
Тогда его державный лётъ
Не краше твоего, *Варшава!*
Горда, огромна, величава,
Ты ужъ блистаешь на водахъ
Необозримаго Эвксина —

И да хранить тебя судьбина
 Во славу Руси на моряхъ
 И океанахъ! Взоръ потомковъ,
 Сквозь мрачно-вѣковую даль,
 Пусть ищетъ и твоихъ обломковъ,
 Какъ драгоценную скрижаль;
 Пусть береговъ Кастальскихъ дѣвы
 Тебя забвенью не дадутъ,
 Пусть въ храмъ безсмертья ихъ напѣвы
 Героевъ нашихъ проведутъ!

Чертою тѣмной въ отдаленьѣ
 Земля—пристанище суетъ
 Бѣжить... и вотъ ея ужь нѣтъ!
 Неизъяснимое мгновенье!
 Вода и небо!... Вотъ подулъ
 Сильнѣе вѣтръ передзакатный —
 И быстро мчится перекаатный
 За валомъ валъ, подъемля гулъ.
 Шаръ солнца въ морѣ утопаетъ;
 Но мракъ не долго на водахъ:
 Гранёной блестящей въ небесахъ
 Звѣзда вечерняя сверкаетъ;
 За ней другія на эфиръ
 Посыпались, плѣняя очи —

И вотъ она, царица ночи,
 Луна глядитъ на Божій міръ!
 Съ ея короны серебристой
 Какъ бы упала окладъ огнистой
 На синее стекло зыбей,
 Его пронзивъ столпомъ лучей — (1)
 И въ моръ тѣ лучи ласкались,
 Игриво, радужно плескались,
 Или нежданною струей
 Погнавшись быстро за кормой,
 Въ алмазныхъ искрахъ рассыпались!

Вотъ, милый Графъ, ряды картинъ
 На шаткомъ нашемъ новосельи!
 Съ земли, какъ изъ пустынной кельи,
 Ихъ не видать—и тотъ одинъ
 Вполнѣ плѣнялся ихъ красою,
 Кто между небомъ и водою,
 Вперивъ смиренный взоръ на нихъ,
 Творца величіе постигъ!
 Корабль летѣлъ. Мы въ изумленъѣ
 Ловили каждое мгновенье,
 На шканцахъ забывая сонъ.
 Матросы въ койкахъ отдыхали
 Иль, пробуждаяся, смѣняли

Своихъ товарищей. Вотъ звонъ. . . .
 Пробило полночь. Вѣтръ прохладный
 Попутно дуетъ въ паруса ;
 А мы, восторговъ новыхъ жадны,
 Дивуемся на чудеса
 Всесильной матери-природы!
 Затмилась въ облакахъ луна.
 Звѣздъ меньше. Лишь порой одна
 Вдали спадаетъ змѣйкой въ воды —
 И заполуночная мгла
 Со всѣхъ сторонъ ихъ облегла.

Вдругъ, словно что-то огневое
 Блеснуло будто на берегахъ,
 И отразилось въ зыбяхъ.
 — Скажите, мичманъ, что такое
 На югъ видно? Какъ морякъ
 Вы присмотрѣлись; всёжь морское
 Мнѣ ново, дивно. — « То маякъ (2)
 « *На Тендрѣ*. Будетъ онъ отсюда
 « Миль сорокъ пять прямымъ путёмъ —
 « Мы славно этотъ разъ идёмъ!
 « *Варшава* наша право чудо!
 « Летитъ узловѣ двѣнадцать въ часъ (3)
 « И завтра къ вечеру, быть можетъ,

« Когда погода ей поможетъ,
« Домчить и въ Севастополь насъ!

Но слабость—брённости примѣта,
Отяжелила вѣжды намъ.
Спѣшимъ въ каюту, чтобъ до свѣта
Дать отдыхъ тѣлу и глазамъ.
И скоро сонъ-животворитель,
Отраднѣй смертныхъ посѣтитель,
Насъ принялъ подъ свое крыло:
Оно прикрывъ насъ, навело
На душу много сновидѣній....
И чтожь? не море-окіанъ,
Не эта область бѣдъ, крушеній,
Не блескъ луны и не туманъ,
Застлавшій море пеленою,
Тогда приснились мнѣ! о, нѣтъ!
Всё, всё они передо мною
Земля и люди — Божій свѣтъ!
Я вижу съверъ нашъ угрюмый,
Я вижу свѣтлые пруды,
Я вижу пышные сады.
И тамъ, полна́ какой-то думы,
Гуляетъ дѣва-красота,
Моя любовь, моя мечта!

Она лазурными очами
 Следить струю журчащихъ волнъ :
 Вотъ отвязала легкій чёлнъ,
 Вотъ ловко смѣлыми руками
 Взялась за вёсла и плывётъ
 И что-то сладкое поётъ;
 А полдня вѣтерокъ игривый
 Разносить звучные отзѣвы
 По очарованнымъ брегамъ,
 По темнымъ рощамъ, по садамъ.
 Я на берегу. Её зову я,
 Я жажду нѣги поцѣлуя,
 Но нѣтъ отвѣта. . . . Только вдаль
 Ея челнокъ всё шибче рѣетъ
 И вотъ ужъ скрылся. . . . только вѣетъ
 Едва приметно бѣлый вуаль! . . .

Насъ будятъ. Занялась денница
 И мещетъ золото лучей
 На гладь раздольную зыбей,
 А все корабль летитъ, какъ птица!
 Ни качка, ни морской недугъ
 Насъ не тревожатъ. Все вокругъ
 Торжественный и краше стало,
 Какъ солнце, вынырнувъ изъ водъ,

Великолѣпно облистало
Необозримый неба сводъ !

Мы полюбили всей душою .
Быть нашихъ добрыхъ моряковъ ,
Съ его всегдашней суетою ,
Съ разгулемъ дружескихъ пировъ.
Въ каютѣ-компаниі укрѣпной (4)
Въ ходу и чарка и фитиль, (5)
Табакъ дымится тучей тѣмной.
Тамъ не одну я слышалъ былъ
Про жизнь морскую, про героевъ ,
Про чудеса недавнихъ бѣевъ !
Ужъ въ отдаленіи *Тарканкутѣ* (6)
Едва виднѣется за нами.
Кой-гдѣ, бѣля парусами ,
Суда чуть видимо плывуть.
Ужъ наступилъ и полдень жгучій ,
Нѣтъ ни одной на небѣ тучи ,
Корабль всё медленнѣй идѣтъ.
Вотъ штурманъ опускаетъ *лотъ*: (7)
«Въ часъ два узла.» Валы всё ниже;
Измѣнникъ-вѣтеръ тише, тише ,
И вдругъ подернулось кругомъ
Недвижно-яркимъ хрусталёмъ ,

Какъ будто задремавши, море.
 Мы въ дрейфъ легли. Ну право горе (8)
 (Угрюмо Лейтенантъ сказалъ)
 Какой досадный штиль насталъ. (9)
 А мы плѣнялися въ то время
 И дивной моря тишиной!
 Казалось и ему покой
 Назначенъ мощною судьбой,
 Чтобы сносите было бремя
 И частыхъ бурь и частыхъ бѣдъ,
 Чтобъ ихъ изглаживался слѣдъ!

Проходить часъ, другой ... не дышетъ
 Путеводительный Борей:
 Властитель водъ еще не слышитъ
 Мольбы и ропота людей.
 Вдругъ тучи съ сѣвера нежданно
 Несутся грозны и черны,
 Зашевелились колдуны, (10)
 Всё море гнѣвно и туманно —
 И вѣтеръ свищетъ на водахъ....

Не съ бѣльшей радостью въ очахъ
 Мы послѣ долгаго терпѣнья
 Вдругъ слышимъ вѣсти утѣшенья

О дальнихъ, милыхъ намъ друзьяхъ,
 Чѣмъ эти моряки, внимая
 Какъ вѣтеръ, море возмущая,
 Вдругъ отозвался въ парусахъ.
 Опять бушуя на раздѣль,
 То темносини, то бѣлы,
 Тѣснятся и бѣгутъ валы,
 Какъ стадо жериносовъ въ полѣ,
 Когда незапная гроза
 Вдругъ отуманить небеса,
 А вѣтеръ, вихорь подымая,
 И пылью воздухъ застилая,
 Заранѣ погонить ихъ
 Въ клѣва изъ пажитей степныхъ!

Межъ тѣмъ, блистая чешуёю,
 Предъ корабельною кормою,
 Мелькнулъ дельфинъ, вотъ и другой
 И вдругъ исчезли подъ водой.
 « Ужель опасность? вѣдь дельфины
 Всегда играютъ предъ грозой? »
 — Нѣтъ, не пугайтесь, путникъ мой,
 (Сказалъ мнѣ Лейтенантъ съдой)
 Я не предвижу злой години!

Онъ молвилъ правду. Грозный шкваль
Варшаву нашу миноваль :
 Она величественно снова,
 Неустрасима и сурова,
 Неслась на полныхъ парусахъ... :
 Вдругъ посвѣтлѣло въ небесахъ ,
 А вотъ и Февъ-миротворитель,
 Невзгодъ всеильный укротитель,
 Привѣтно на море взглянулъ
 И вѣтръ погоднѣ подулъ:
 Какъ будто радовалось море ,
 Что обошло *Варшаву* горе!
 Мы были счастливы вполне,
 Ходили кубки круговые ;
 Бесѣды шумныя, живыя,
 Текли какъ прежде. Въ вышинѣ
 На мачтахъ веселы матросы.
 Мы вновь на шканцы — и въ распросы
 Опять пустились, какъ всегда,
 (Прошу простить насъ, господа !
 Парить корабль свободнымъ лѣтомъ.
 Его окинувъ пышнымъ сводомъ ,
 Сіяетъ небо льпотою,
 Какъ отблескъ райскаго чертога,
 Какъ дивный куполь въ храмъ Бога,
 Надъ нашей брэнной головой!

Восторгомъ новымъ пламенья,
 Я съ трубкой зрительной въ рукѣ
 Въ нее кругомъ смотрѣлъ. Синья
 Едва примѣтно вдалекѣ,
 Мнѣ что-то видѣлось на югѣ
 И вдругъ скрывалось. Но лѣса-ль,
 Но крѣпости-ль, но города-ль
 Тянулись въ длинномъ полукругѣ —
 Не въ силахъ были распознать
 Мои внимательные взоры.
 «Что это тамъ? не лѣзяль узнать?»
 Ну да Таврическія горы,
 Морякъ (какъ видно не позѣть)
 Сказаль мнѣ холодно въ отвѣтъ!

А намъ забыть ли тѣ мгновенья,
 Какъ пояснѣли ужъ вдали
 Сія привратники земли,
 Гиганты дивные творенья —
 И я, чтобъ молвить имъ привѣтъ,
 Прочель Мицкевича сонетъ? (11)

Нашъ спутникъ на водахъ Эвксина,
 Страны полуденной пѣвецъ, (12)
 Съ кѣмъ такъ счастливо наконецъ

Меня свела тогда судьбина,
 Мои восторги окрилялъ,
 И, Музь наперсникъ, предсказалъ
 Годину сладкихъ вдохновеній, (13)
 Когда богини пѣснопѣннй
 Прольютъ мнѣ на душу опять
 Восторговъ *новыхъ* благодать!

Ужь вечеръ. Солнца лучъ прощальной
 Играетъ на землѣ недалъной.
 Лазурны, ясны небеса.
 Попутень вѣтеръ. Паруса
 Несутъ корабль нетерпѣливо
 Къ Севастопольскимъ берегамъ.

Амфитеатромъ по горамъ,
 Разнообразно и красиво,
 Раскинуть городъ. Словно лѣсъ
 Густовѣтвистой и кудрявой,
 Флотъ висится предъ нимъ. На право
 Открылся древнй *Херсонесъ*, (14)
 Отколь изъ дивныхъ струй крещенья
 Возникло солнце просвѣщенья,
 Разгнавъ лучемъ невѣрья мракъ,
 Но гдѣ теперь одинъ маякъ,

Блестя сквозь завѣсу ночи,
 Плѣняетъ плавателей очи.—
 На льво видѣнь *Инкерманъ*
 Съ его громадными скалами.
 Соперникъ Мальты, передъ нами (15)
 Весь портъ открылся. Капитанъ
 Уже на палубу выходитъ
 И, какъ невѣсту въ пышный храмъ,
 Морякъ неустрашимый, самъ
 Онъ въ портъ свою *Варшаву* вводитъ —
 И якорь брошень. Поились
 Привѣтственные восклицанья.
 Уже къ *Варшавѣ* для свиданья
 Баркасы, катера неслись:
 Матросовъ жёны молодья,
 Ихъ дѣти, ближніе, родные,
 Иль сослуживцы моряковъ—
 Стремилсь къ нимъ отъ береговъ,
 Какъ бы по данному сигналу.

Надѣвъ парадный свой мундиръ
Варшавы храбрый командиръ
 Спѣшитъ съ рапортомъ къ адмиралу;
 А черезъ часъ вотъ онъ и самъ
 Подъ бѣлымъ флагомъ мчится къ намъ,

Пріявшій бранной славы дани
 Герой Сизополя—Кумани. (16)
 Онъ насъ привѣтливо зовѣтъ
 На праздникъ моряковъ любимый,
 На смотръ годичный. Завтра флотъ (17)
 Блистательный, непобѣдимый,
 Во всей красѣ предстанеть намъ!

Уже по синимъ небесамъ
 И надъ безмолвными водами
 Раскинулся ночной туманъ,
 Ужъ ярко блещутъ маяками
 И Херсонесъ и Инкерманъ.

.....
 Корабль, покоясь у береговъ,
 Не тотъ, что въ морѣ, на раздолѣ:
 Тамъ жизнь ужъ не походить боле
 На цепь какихъ-то дивныхъ сновъ!
 Вотъ городъ: суета земная,
 Иныя думы пробуждая,
 Осуществляется, шумить
 И снова насъ къ себѣ манить.....

Еще одинъ ночлеги. Съ зарёю
 Должны расстаться мы съ тобою,

Әксинскій понть, краса морей!
 Хозяинъ добрый, ты потѣшилъ,
 Ты пріютилъ, ласкалъ и нѣжилъ
 Насъ, неожиданныхъ гостей!

Графъ! помнители, какъ на призывы
 Привѣтныхъ моряковъ-друзей,
 Почались мы, вполне счастливы
 Среди радушной ихъ семьи?
 Фрегаты, бриги, корабли,
 Уже пестрѣли флюгерами:
 Отъ палубы до вышнихъ рей,
 Вдоль мачтъ, межъ тысячи снастей,
 Флотъ, какъ пчелиными роями,
 Матросами унизанъ былъ,
 Гордяся блескомъ бранныхъ силъ.
 Картина дивная! Природа
 Сіяла южной красотой:
 Свершая путь привычный свой,
 Царь дня, съ безоблачнаго свода
 Животворимыхъ имъ небесъ,
 Окинулъ яркими лучами,
 Какъ восхищенными очами,
 Позорище мірскихъ чудесъ!

Народомъ берега полнѣють.

Вотъ катеръ, убранный ковромъ,

И развѣвается на нѣмъ

Флагъ депутатскій, гдѣ синѣють (18)

На бѣломъ полѣ якоря.

Вотъ и другіе катера —

И важно изъ пріемной залы

Съ почётнымъ штабомъ адмирала

Выходятъ въ лентахъ и звѣздахъ ;

Мы вслѣдъ — и всё ужъ въ катерахъ.

Матросы ловко поднимаютъ

Три раза вѣслы вверхъ — и вновь

Ихъ быстро въ воду опускаютъ,

Въ честь благородныхъ моряковъ.

Свистка раздался звукъ дрожащій,

Игриво зыбь помчала насъ —

И передъ нами флотъ блестящій :

Пробилъ давно желанный часъ !

Парижъ, и Ловичъ и Марія, (19)

Чесма, а не вдали отъ нихъ

И онъ, кѣмъ такъ горда Россія —

Казарскаго чудесный бригъ,

И длинный рядъ судовъ иныхъ

Всё величавѣ и краше —
Вдругъ увлекли вниманье наше !

Когда жь съ покинутыхъ судовъ (20)
Салютъ громовый раздавался,
Онъ по морю и вдоль береговъ
Съ торжественнымъ ура сливался,
А сизый дымъ пороховой
По волю вѣтра разстился
Надъ тихоплещущей волной !

А помнителъ единодушной
Пиръ адмирала-земляка (21)
Въ каютахъ Чесмы? Тамъ радушно
Гостепріимная рука
И пѣнила и наливала
Для насъ Ли въ хрусталь бокала.
Тамъ эти витязи морей,
Товарищи отъ юныхъ дней,
Веселой, шумною дружиной,
Какъ дѣти матери единой,
Собравшись подъ пріютный кровъ —
Всѣ отдыхали отъ трудовъ.

Лишь только сумрака завѣсу
Успѣлъ поднять денницы персть,

Мы поспѣшили къ *Херсонесу*,
 Гдѣ предъ тобой, всесильный крестъ! (22)
 Забывъ кумировъ *Борисвена*,
 Впервые преклонилъ колѣна
 Равноапостольный нашъ Князь—
 И подъ святительской рукою
 Прозрѣлъ очами и душою,
 Предъ Богомъ истиннымъ смирясь!
 Однѣ лишь груды камней нынѣ
 Разбросаны по той равнинѣ,
 Гдѣ славный городъ процвѣталъ
 И чужеземцевъ привлекалъ!

Веселый путь свой продолжая,
 Мы захотѣли въ тотъ же день
 Увидѣть *Инкерманъ*. Блистая,
 По лугу *Казикли-Узень* (23)
 Струится близъ его развалины. (24)
 Изсѣченъ городъ былъ въ горахъ,
 Но нынѣ видъ его печаленъ:
 Ужь грудой камней тамъ заваленъ
 Рядъ стѣнъ, бойницъ на высотахъ —
 И, зная отшельниковъ жилище,
 Примѣтны кельи, а скала
 Обломки церкви сберегла,

Какъ чистой Вѣры пепелище:
 На сводѣ алтаря видны
 Угодниковъ святые лики!

Кто были этихъ горъ владыки?
 Свободной Гѣнуи сыны,
 Или Греки, въ темный вѣкъ неволи
 И угнетенья Христіанъ,
 Искавшіе средь чуждыхъ странъ
 Убѣжища и лучшей доли?
 Такой вопросъ рѣшить бы могъ
 Всевѣдущій археологъ;
 Тернистая жъ задача эта
 Не дѣло странника-поэта!

Воспоминанья и мечты—
 Воображенія цвѣты,
 Вотъ нашей братьи что давайте;
 А потому, почтенный Графъ,
 Письмо седьмое дочитавъ,
 Вы ради Феба не пеняйте,
 Что только рѣзвымъ я стихомъ,
 А не классическимъ перомъ,
 Вамъ обрисую край прекрасный,
 Гдѣ небеса лазурно-ясны,

Гдѣ виноградъ, какъ будто сѣтъ,
Раскинулъ вдоль поморья лозы,
Гдѣ лавры, кипарисы, розы. . . . .
Но обо всѣмъ объ этомъ впредь!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ СЕДЬМОМУ.

- (1) Его прозвѣвъ столпомъ лучей,

Кто видѣлъ восходъ луны въ открытомъ морѣ, тотъ не сомнѣнно найдетъ мое описаніе вѣрнымъ и непреувеличеннымъ.

- (2) ... То маякъ
На Тендрѣ.

Тендра — маленькой островокъ, единственный въ Черномъ морѣ, съ маякомъ.

- (3) Летить узловѣ двѣнадцать въ часъ.

Узлами считаютъ ходъ корабля: въ каждомъ узлѣ 1 верста и $\frac{3}{4}$.

- (4) Въ каютѣ-компаніи укромной

Каютъ-Компанія — большая офицерская комната, съ маленькими для каждого изъ нихъ спальнями.

- (5) Въ ходу и чарка и фитиль.

Пеньковой фитиль для зажиганія трубокъ.

- (6) Ужъ въ отдаленіи Тарканкѣтѣ

Угломъ Тарканкѣтскимъ называется остроконечный берегъ Крымскаго полуострова, выдвинувшійся въ море съ запада, выше Козлова: тамъ есть также маякъ.

(7) Вотъ штурманъ опускаетъ *лотъ*

Лотъ—особенное орудіе, коимъ измѣряется глубина воды и узнается ходъ корабля. Онъ состоитъ изъ свинцовой гири въсомъ отъ 6 до 40 фунтовъ, обдѣланной конусомъ или на подобіе сахарной головы, къ вершинѣ которой привязывается веревка, раздѣленная на сажени шести футовой мѣры. Основаніе *лота* имѣетъ впадину, наполненную сальмомъ, къ коему пристають частицы морскаго дна, когда *лотъ* достигаетъ его.

(Слов. Академіи, т. 3. стр. 610 и 611).

(8) Мы въ *дрейфѣ* легли.

При совершенномъ безвѣтріи паруса ставятъ такъ, что корабль неподвиженъ— и это называется *лечь въ дрейфъ*.

(9) Какой досадный *штиль* насталь,

Штиль—совершенное безвѣтріе.

(10) Зашевелились *колдуны*

Колдунами называются два небольшіе флюгера, сдѣланные изъ перьевъ и укрѣпленные на шестахъ, съ обѣихъ сторонъ палубы: малѣйшій вѣтерокъ приводитъ ихъ въ движеніе и направленіе его немедленно узнается.

11) Прочель Мицкевича сонеть.

Чатырдахъ, 13 Сонеть знаменитаго Поэта.

(12) Нашъ спутникъ на водахъ Эвксина,

Страны полуденной пѣвецъ.

Тогдашній Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода. С. Д. Нечаевъ (нынѣ Сенаторъ) бывшій также на корабль Вар-

шавъ. Стихотвореніе его подъ заглавіемъ *Воспоминанія*, въ которомъ прекрасно описана полуденная Россія со стороны Кавказа, помѣщено было въ одномъ изъ Альманаховъ 1825; многія же другія произведенія его въ разныхъ периодическихкихъ изданіяхъ и журналахъ минувшаго десятилѣтія. Нельзя не пожалѣть, что многосложныя занятія на поприщѣ Государственной службы, отвлекли писателя, столь достойнаго, отъ Поэзіи.

(13) И, Музь наперсникъ, предсказалъ
Годину сладкихъ вдохновеній

Его Прев. С. Д. Нечаевъ въ небольшомъ посланіи къ Автору этихъ писемъ выразился очень лестно:

« Ты новый даръ пріялъ: тому я твёрдо вѣрю! »

(14) Открылся древній Херсонесъ.

Гдѣ Св. Князь Владиміръ крестился, (см. ниже примѣч. 22).

(15) Соперникъ Мальты, передъ нами
Весь портъ открылся.

Севастопольскій портъ, по мнѣнію моряковъ, рѣшительно можетъ быть такъ названъ, по необыкновенно выгодному положенію — и еслибъ на него издержано было столько денегъ, сколько употребили Англичане для укрѣпленія Мальты, онъ конечно былъ бы однимъ изъ блистательнѣйшихъ портовъ въ мірѣ.

(16) Герой Сизополя—Кумани.

М. Н. Кумани (Контръ-Адмиралъ) отличился при взятіи Сизополя въ послѣднюю Турецкую войну. Во время пребыванія нашего въ *Севастополь*, онъ правилъ тамъ должность Военнаго Губернатора. Гостепринимство его и другихъ Адмираловъ: Скаловскаго, Стажевскаго и Уманца, добрыхъ земляковъ Автора, никогда не изгладится изъ его памяти.

(17) На смотръ годичный.

Такъ называемый *Депутатскій*, потому, что адмиралы и прочіе чины флотскаго управленія, соединясь у главнаго Адмирала, какъ представители, присутствуютъ вмѣстѣ съ нимъ на смотрѣ.

(18) Флагъ депутатскій.

На немъ на бѣломъ полѣ пять синихъ якорей: большой по срединѣ, а 4 меньшихъ по угламъ.

(19) Парижъ и Лѣвичъ и Марія

Названіе кораблей и фрегатовъ Черноморскаго флота. О бригѣ *Меркуріи* не нужно распространяться: кому онъ неизвѣстенъ? Его перестроивали во время моего пребыванія въ *Севастополь*.

(20) Когдажъ съ покинутыхъ судовъ

Салютъ громовый раздавался.

При отплытіи катеровъ отъ корабля или фрегата во время описываемаго смотра, экипажъ того или другаго

провождаетъ почетныхъ гостей своихъ трикратнымъ восклицаніемъ *ура!* и послѣ съ оставленнаго судна раздается салютъ изъ 13, помнится, выстрѣловъ.

(21) Пиръ адмирала-земляка
Въ каютахъ *Чесмы*.

Контръ-Адмиралъ Иванъ Семеновичъ Скадовскій, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ Русскаго флота, командовалъ въ ту пору эскадрою и угощалъ на корабль *Чесмы*, какъ сослуживцевъ своихъ, такъ и путешественниковъ.

(22) Гдѣ предъ тобой, всесильный крестъ!
Забывъ кумировъ Борисѣна,
Впервые преклонилъ колѣна
Равноапостольный нашъ Князь —
И подъ святительской рукою
Прозрѣлъ очами и душою,
Предъ Богомъ истиннымъ смирясь!

Въ *Херсонесѣ* крестился просвѣтитель Россіи. Карамзинъ пишетъ (И. Г. Р. 1. стр. 216): «Въ лѣтописи сказано, «что великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ «ничего видѣть, что Анна (Греческая Царевна) убѣдила «его немедленно креститься и что онъ прозрѣлъ въ ту «самую минуту, когда Святитель возложилъ на него руку.» *Борисѣнъ* — древнее названіе Днѣпра.

(23) По лугу *Казикли-Узень*.

Узень — Черная рѣчка, впадающая въ моръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Севастополя.

24) Струится близъ его развалинъ.

Развалины очень замѣчательныя. Изыскатели древности разногласятъ касательно города, который былъ насѣченъ въ горахъ, въ *Инкермань*: одни называютъ этотъ городъ Греческою *Теодорією*. Палласъ полагаетъ, что Генуэзцы были его основателями; Формалеони видитъ въ немъ *Жтѣносъ* древнихъ.

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

1836. Февраля 15. Г. Стародубъ.

Севастополь. — Мечты. — Вухты. — Ушаковский садъ. — Взглядъ на городъ. — Водопроводъ. — Маяки. — Докъ. — Довля черепахъ. — Обѣды. — Отъѣздъ въ Бахчисарай. — Ночь. — Прибытіе въ городъ. — Ночь во дворцѣ. — Утро въ Бахчисарай. — Татары. — Взглядъ на городъ. — Наружный видъ Дворца и сады, его окружающіе. — Отъѣздъ въ окрестности. — Площадь и улицы города. — Чурукъ-Су. — Шатры Цыганъ. — Развалины. — Успенскій монастырь. — Чуфуть-Кале. — Юсафатова долина. — Возвращеніе въ Бахчисарай.

Властитель моря — Севастополь,
На западномъ брегѣ, съ высотъ
Весь полуостровъ стережётъ.
Оттуда насъ въ Константинополь
Домчалъ бы въ сутки пароходъ!
Объ этомъ мы не разъ мечтали,
Когда по пристани гуляли!
О! если бы еще Босфоръ
Очаровалъ нашъ пылкій взоръ,
Тогда . . . . . но грезы и желанья
Прервутъ лишь нить повѣствованья,

А черезъ это я могу
 У Крыма быть въ большомъ долгу —
 И такъ скорѣй впередъ! . . . . . Военный,
 Отъ шума жизни удаленный,
 Уютный городъ моряковъ
 Не славенъ пышностью домовъ,
 Ни храмовъ Божьихъ лѣнотою,
 Ни даже улицъ прямизною;
 Но наблюдателя плѣнитъ
 Тамъ не одинъ прелестный видъ
 И на окрестность и на море —
 И съ этимъ городомъ онъ вскорѣ
 Навѣрно будетъ примирёнъ,
 Его полюбить даже онъ!
 Рука могучая природы
 Здѣсь на пять бухтъ морскія воды
 Привольно, дивно развела
 И берегъ ими обвела,
 Какъ недоступною стѣною.

Садами городъ не богатъ —
 И *Цшаковскій* только садъ
 Заманчивъ лѣтнею порою.
 Приютъ и баловъ и пировъ,
 Стоитъ бесѣдка межъ дерѣвъ:

Туда, веселостей алкая,
 Стекается на праздникъ Мая (1)
Севастопольскій высшій кругъ
 Дѣлать по свѣтскому досугъ.
 Тамъ перлы общества — дѣвицы,
 Въ уборахъ даже изъ столицы,
 Красою блещутъ — и порой
 Отъ нихъ страдаетъ фронтъ морской!

Но было мнѣ одно досадно,
 (Поклясться Музою могу!)
 Увидя Крымъ, я пылко, жадно,
 Хотѣлъ на первомъ ужъ шагу
 Найти хвалѣную *восточность*,
 Чтобъ привести скорѣ въ точность
 Мои понятя о краяхъ,
 Гдѣ я бывалъ въ однѣхъ мечтахъ,
 Чтобъ утолить въ странѣ пророка
 Восторговъ жажду, мыслей жаръ . . . . .
 А въ Ахтіарѣ нѣтъ Востока: (2)
 Нѣтъ ни мечетей, ни Татаръ!
 И въ самомъ дѣлѣ: *Севастополь*
 Не очаровываетъ глазъ
 Тѣмъ, чѣмъ вполне плѣнили насъ
Бахчисарай и Симферополь,

Гдѣ эта дивная страна
Оригинальности полна!

Всего, что стоитъ вспомнаний,
Чему бы здѣсь готовъ принести
Я поэтическія дани,
Нельзя и въ прозѣ перечестъ.
Тамъ все влекло вниманье наше:
И скалы, гдѣ водопроводъ
Сынъ Албіона создаётъ, (3)
И маяки и докъ и даже
Въ часъ полдня ловля черепахъ (4)
Въ густыхъ *Узѣни* камышахъ.

А наша за столомъ беседа
Про флотъ, про славныя дѣла?
А устрицы — краса обѣда? (5)
А мидіи? а кефалѣ,
Которыхъ изъ запасовъ моря,
Нептунъ смѣло переспоря,
Выносить добродушный Комъ,
Чтобъ былъ довольный за столомъ
Севастопольскій гастрономъ?
Всѣ помню . . . . но ужъ воды тмились
И вѣчера волнистый флёръ

Окутывалъ вершины горъ ,
 Когда призненно простились
 Мы съ моряками — и баркасъ
 Проворно перекинулъ насъ
 На берегъ, гдѣ звонокъ почтовый
 То дребезжалъ, то замиралъ ,
 И, нашъ возница чернобровый ,
 Грекъ ярыхъ коней запрягалъ.

Дорогой пыльной и гористой
 Насъ шестерикъ помчалъ рысистой.
 »Смотри, ящикъ, по всѣмъ валямъ,
 »Дадимъ на водку. Вѣдь досада,
 »Когда до луннаго заката
 »Не долетимъ въ *Бахчисарай*,
 »А здѣсь вѣдь станціи четыре»...
 И вдругъ я очутился въ міръ,
 Гдѣ Музь посланница — мечша
 Въ свои волшебные цвѣта
 Путь нашихъ мыслей облакаетъ,
 И нѣгою отрадныхъ грѣзъ
 Неждано душу обвѣваетъ,
 Какъ ароматомъ вешнихъ розъ.
 Двѣ, три ли станціи мелькнули,
 Не знаю я; да и могу ли

И сосчитать и помнить ихъ?
 Мнѣ право было не до нихъ!
 Лишь помню: вѣтерокъ прохладной
 Тогда въ лицо мнѣ дулъ отрадно,
 Листы деревь перебиралъ
 И вдругъ какъ будто засыпалъ.
 Привольно и мечтамъ и взору:
 Кругомъ свѣтло! Была въ ту пору
 Во всей красѣ Тавриды ночь,
 Любимая Востока дочь —
 Въ одеждѣ звѣздно-величавой!

Бѣлѣтъ сквозь сребристый паръ
 Столица древняя Татаръ,
 Палладіумъ ихъ бранной славы.
 Ужь мы въ стѣнахъ ея. Она
 Въ глубокой сонъ погружена.
 Безмолвны и дома и ханы, (6)
 А Чурукъ-Су журчитъ и льетъ (7)
 По камнямъ струйку быстрыхъ водъ
 И отвѣчаютъ ей фонтаны.
 И вотъ предъ нами наконецъ
 Былыхъ властителей дворецъ!
 Его безмолвіе будили
 Лишь тополи, когда слегка

На перелётъ шелестили
 По вѣтвямъ крылья вѣтерка.
 Луна, казалось, въ небѣ стала
 И радостнымъ лучемъ играла
 Съ эмблемою своей земной,
 На высь мечетей вознесѣнной,
 И набожно позолочѣнной (8)
 Чадь Магометовыхъ рукой.

Подъ древнимъ кровомъ Хан - Саръа (9)
 Нашли пріютный мы ночлеги,
 И много думъ и много нѣгъ
 Познали, мирно засыпая.
 Не помню что приснилось мнѣ;
 Но въ этой дивной сторонѣ
 Вся жизнь — блестящее видѣнье,
 Поэзія и наслажденье!

Обвороженные вполнѣ,
 Мы пробудились до денницы:
 Она торжественно взошла
 И волны свѣта полила
 И на дворець и на гробницы
 Владыкъ, свершившихъ путь земной,

А тополи и шелковицы
Блистали утренней росой.

Подъ томный говоръ водометовъ,
Съ Бахчисарайскихъ минаретовъ,
Златимыхъ солнечнымъ лучёмъ,
Всё громче и звучнѣй кругомъ,
Пѣснь муэциновъ ужь несётся:
Какъ голосъ съ неба, раздаётся
Аллаха имя по землѣ!
Съ благоговѣньемъ на чель,
Спѣшать поклонники пророка
Воздать хвалу Творцу міровъ.
Молитва кончена — и вновь
Ихъ увлекаетъ жизнь востока.

Амфитеатромъ съ двухъ сторонъ
Дворецъ горами обведёнъ.
Торчатъ коё-гдѣ между ними
Утёсы чѣлами нагими.
Дома, мечети и сады,
Кофейни, площади, ряды,
По высямъ тянутся стѣною,
Предъ тихоструйною рѣкою;

А мостъ противъ большихъ воротъ
Въ жилище ханское ведётъ.

Оно воздвигнуто въ долине
И заустыло ужь давно ;
Но утѣшительно донинѣ
Въ красѣ былой сбережено.
Какъ бы по волю Провидѣнья
Могучій демонъ разрушенья
Не смѣлъ и зашумѣть надъ нимъ
Крыломъ губительнымъ своимъ !
Какъ бы вчера еще Гирѣи,
Блесталъ царственнымъ вѣнцомъ,
Считали съ гордостью трофей
Своихъ побѣдъ! Но лишь кругомъ
Оглянешься то на каплицы, (10)
Приосѣненные луной,
То на безмолвныя гробницы
Подъ блѣдомраморной чалмой —
И отлетаетъ заблужденье,
Какъ метеоръ, какъ сновидѣнье....
Невольно хладныя уста
Промолвятъ: въ мѣръ всё тщета!
Но мать природа не скудетъ
Въ своихъ блистательныхъ дарахъ —

И не могильный воздух вѣетъ
 Кругомъ въ покинутыхъ садахъ!
 О нѣтъ, вѣтвистыми дрѣвами
 И благовонными цвѣтами
 Она ихъ щедро облекла —
 И, словно тканью дорогою,
 Ихъ виноградною лозою
 Великолѣпно убрала!

Уже средь зданій Хан-Сарай
 Татары, чинно выступая,
 Бродили праздною толпой,
 А вотъ и путникъ издалёка
 Идѣтъ съ подругой молодой
 Къ дворцу властителей Востока.

Чтобы налюбоваться имъ,
 Чтобы погрезить на раздолѣ,
 Еще день цѣлый въ нашей волѣ —
 И мы въ окрестности спѣшимъ.
 Давно татаринъ смугловатой,
 И драгоманъ нашъ и вожатей,
 Ретивыхъ коней осѣдлалъ
 И у дворца насъ ожидалъ.

И вотъ мы ѣдемъ стройнымъ взводомъ
 По площади между народомъ.
 Оригинальной суетой
 Плѣняетъ городъ торговой.
 Прямая Азія предъ нами!
 Вся жизнь на улицѣ: и шьютъ,
 И брѣютъ и барановъ бьютъ,
 И стряпаютъ или толпами
 Сидятъ съ поджатыми ногами,
 Да всё молчатъ о томъ о сѣмъ!

Франтя наряднымъ кушакомъ,
 Въ чалмѣ проходитъ величаво
 Мула съ улыбкою лукавой;
 А дальше, рубищемъ покрытъ,
 Дервишъ измученный скользить.
 Вотъ пресловутыхъ яблочъ груды,
 Арбузы, фиги, виноградъ,
 Не много далѣе верблюды
 Съ поклажей на спинѣ стоятъ,
 А передъ арбою скрипучей
 Тамъ движется лошакъ могучій:
 Ну страхъ какая суета!
 А вотъ гдѣ лавки съ чубуками
 И табакомъ и янтарями,

Есть и сафьяны хоть куда,
 И сбруя для тазы верховой,
 Есть и кинжалы. . . . всё готово
 Къ услугамъ путниковъ всегда!
 А вы, затворницы-плутовки,
 Украдкой смотрите на нихъ,
 Прелестно выставя головки
 Изъ-за рѣшотокъ роковыхъ;
 Или толпой безмолвно-чинной,
 Накинувши покровъ свой длинной,
 Какъ бы не глядя на людей,
 Мълкаете. . . . но огонь очей
 (Лучь солнца въ небъ послѣ бури)
 Прожѣтъ хоть бы какой покровъ
 И—Магометомъ я готовъ
 Поклясться—блещеть какъ у Гурій!

Мы дали шпоры бѣгунамъ —
 И городъ ужъ почти за нами.
 Картины новыя очамъ
 Тогда открылись! Межъ скалами
 Хрустальной ниткою внизу
 Прекрасно вѣется Чурукъ-Су.
 Опасныя для пѣшехода,

Лежать тропинки здѣсь и тамъ:
Нага, безжизненна природа!

Вотъ, будто бы военной станъ,
Бѣлѣются шатры цыганъ:
Въ лохмотьяхъ мальчики за нами
Бѣгутъ крикливыми толпами.
Вотъ и развалины, кругомъ
Обросшія травой и мхомъ:
По камнямъ ихъ веретеницы,
Обломковъ вѣчныя жилицы,
Блестя отъ солнца чешуёй,
Ползутъ, сплетаясь одна съ другой.

Мы ѣдемъ дальше. Справа, слѣва,
Всё диче, всё страшнѣй пустырь:
Но вотъ *Успенскій монастырь*. (11)
Туда тебѣ, Святая Дѣва!
На высь гигантскую горы
Молитвъ усердные дары
Возносятся, какъ въ пышномъ храмѣ—
И при кадилльномъ ошмѣнѣ
Хвала, достойная тебя,
Восходить къ небесамъ, гремя!

Предъ нами, памятники вѣры,
 Въ горахъ изсѣчены пещеры
 И церковь между нихъ видна:
 Какъ будто вставлена она
 Рукой отважной въ эти горы!
 Поддерживаютъ передъ ней
 Прирубку въ видѣ галерей—
 Изъ брёвенъ смѣлыя подпоры;
 А сорокъ восемь ступеней,
 Минуя скромное кладбище,
 Ведутъ въ висячій этотъ храмъ —
 И близъ него же видно тамъ
 Его служителей жилище.

Внутри онъ мраченъ: нѣтъ иконъ
 Въ богатыхъ ризахъ; нѣтъ убранства;
 Но этой простотою онъ
 Напоминаетъ христіанства
 Первоначальные вѣка.
 Вотъ богомольцевъ именами
 Стѣна пестрѣетъ передъ нами:
 Невольно путника рука
 Свое тамъ впишетъ хоть слегка.

Усердно поклонясь святынь,
 Съ самодовольствомъ на челѣ

Пустились мы въ *Чуфутб-Калѣ*.
 Гора—и на ея вершинѣ
 И недоступной и крутой,
 (Какъ бы природою самой
 Для Караимовъ отведенной), (12)
 Стоитъ ихъ скитъ уединенной.
 До этихъ поръ они вѣрны
 Преданьямъ ветхой старины
 И лишь библейское ученье
 Изъ рода въ родъ хранять и чтуть,
 Отринувъ навсегда Талмудъ,
 Какъ древней вѣры искаженье.

Всѣ говорятъ: они честны.
 Нарядъ ихъ—здѣшной стороны,
 Нарядъ Татарскій; но Раввины (13)
 У нихъ чалмой отличены.

Изъ самаго села, съ вершины
 Утѣса видны дерева
Юсафатовой долины. (14)
 Какъ восхитительно-жива,
 Ихъ зелень яркая! Какъ жадно
 Отъ скалъ нагихъ, отъ дикихъ горъ,
 Стремится утомленный взоръ

На этотъ оазисъ отраднѣй!
 И Караймъ, скончавши дни,
 Свой прахъ ввѣрлетъ той долинь:
 Какъ, въ невозвратной Палестинѣ,
 Онъ мирно спитъ въ ея сѣни!
 Ея пріютъ мы постѣли
 И, привязавши бѣгуновъ,
 По яркой муравѣ бродили,
 Межъ бѣлыхъ камней и столбовъ.

Тавриды прелестью плѣненный,
 Здѣсь былъ Монархъ Благословенный—
 И граждане Чуфутъ-Калѣ
 Близъ Синагоги на скалѣ
 Вписали день тотъ незабвенный
 На бѣломраморной доскѣ.

Раввинъ, съ улыбкою привѣта,
 Открылъ для насъ смиренный храмъ,
 Гдѣ чада ветхаго завѣта
 Мольбы возносятъ къ небесамъ.
 Онъ чистъ и свѣтелъ. Передъ нами
 Раввинъ усердными руками
 Разгнулъ два древнихъ свитка: имъ
 Цѣны не знаетъ Караймъ! (15)

Въ Чуфутъ Калé съ горы высокой
 (Когда погодно и свѣтло)
 Вновь море видится далёко,
 Какъ необъятное стекло:
 Мы жадно встрѣтились глазами
 Съ его знакомыми зыбями!

Дорогой прежней по скаламъ
 Мы поспѣшили въ путь обратный.
 День зноенъ былъ—и къ родникамъ
 Помчались, чтобъ струей прохладной
 Въ нихъ утолить докучный жаръ.
 Въ горахъ встрѣчали мы толпами
 (Или пѣшкомъ или верхами)
 И Караимовъ и Татаръ:
 Черты лица ихъ и уборы,
 Движенья странныя и взоры,
 И непонятный разговоръ,
 И зрѣлище окружныхъ горъ —
 Всѣ это увлекаетъ очи
 Дѣтей угрюмыя полночи,
 Заманенныхъ въ сей дальній край
 Его полуденной красою,
 Желаніемъ или судьбою . . . .
 Но вотъ опять *Бахчисарай*.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ОСЬМОМУ.

- (1) Стекаются на праздникъ Мая.

Въ *Ушаковскомъ саду*, въ Севастополь, бываетъ гулянье 1 Мая.

- (2) А въ Ахтіаръ нѣтъ Востока.

Ахтіаръ — Татарское названіе Севастополя: оно значитъ древній, старый.

- (3) И скалы, гдѣ водопроводъ

Сынъ Албіона создаётъ.

Англійскій Инженеръ Унтонъ производитъ постройку этого удивительнаго водопровода въ *Инкерманъ* (въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ *Севастополя*). *Казикли Узъни* (Черная рѣчка) измѣнивъ теперешнее свое направленіе, должна проходить чрезъ огромный коридоръ, изсѣченный въ горахъ и потѣмъ, близъ самаго моря, образуетъ *Доку*, гдѣ въ прѣсной водѣ производится будетъ починка судовъ. Это чрезвычайно важно для флота; ибо извѣстно, что Черное море заключаетъ въ себя множество червей особеннаго рода, которые съ необычайною скоростью протачиваютъ дерево, коль скоро подводная часть корабля, требующая починки, обнажится отъ обыкновенной своей обивки. По введеніи судовъ въ *Доку* (боль-

шой бассейнъ наполняемый водою посредствомъ акведука (водопровода), шлюзы запрутся и тогда нужныя починки производимы будутъ въ водѣ, совершенно безопасной. Я слышалъ, что эта исполнская работа чрезъ нѣсколько лѣтъ приведется къ концу — и Инкерманскій водопроводъ конечно останется однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нынѣшняго царствованія.

- (4) Въ часъ полдня ловля черепахъ
Въ густыхъ *Узени* камышахъ.

Въ камышахъ этой рѣчки водятся черепахи, ловли коихъ былъ я свидѣтелемъ.

- (5) А устрицы—краса обѣда?
А мидіи, а кефалѣ?

Севастополь, кромѣ рыбъ разнаго рода, изобилуетъ устрицами, и мидіями (*les moules*): послѣднія тамъ особенно вкусны и ихъ множество видѣть можно у самаго берега, унизаннаго ими, какъ бусами. Онѣ также какъ и устрицы одѣты раковинами, но величина мидій въ пять или шесть разъ менѣе устриць. Впрочемъ послѣднія въ *Севастополь* уступаютъ не только *Константинопольскимъ*, но даже тѣмъ, которыхъ ловятъ въ *Ялтѣ*, на южномъ берегу *Крыма*. Изъ рыбъ замѣчательны: кефалѣ, полтусъ (*turbot*), падамидѣ, и другія.

- (6) Безмолвны и домѣ и *ханы*,
Ханы — постоялыя дворы.

- (7) А Чурукъ Сү журчитъ и льётъ
По камнямъ струйку звучныхъ водъ.

Чурукъ-Сү — рѣчка, протекающая въ *Бахчисараѣ*.

- (8) И набожно позолочѣнной
Чадь Магометовыхъ рукой.

На богатѣйшихъ мечетяхъ полумѣсяцъ дѣйствительно
вызолоченъ : рога его обращены къ небу, какъ на Турец-
кихъ знаменахъ и бунчукахъ.

- (9) Подъ древнимъ ирвовомъ Ханъ-Сарѣя

Ханъ-Сарѣй — Дворецъ Ханскій. Особенный флигель у
самыхъ воротъ, (близъ придворной мечети съ огромнымъ
минаретомъ), даётъ убѣжище странникамъ, если согласенъ
на это Г. Смотритель Дворца Маіоръ Булатовъ: впрочемъ
этотъ почтенный старикъ отличается особенною вниматель-
ностью къ путешественникамъ и угодливостью.

- (10) Оглянешься то на каплицы
Пріосѣнныя луной.

Двѣ каменные каплицы съ изображеніемъ вызолоченнаго
полумѣсяца на куполѣ скрываютъ прахъ прежнихъ хановъ:
позади этихъ каплицъ лежитъ огромное кладбище, зарос-
шее травю и загроможденное чалмами изъ бѣлаго недо-
рогаго мрамора, а иногда и камня.

(11) Но вотъ *Успенскій монастырь*

Отъ *Бахчисаря* до него полторы версты, а до *Чуфутъ-Калѣ* съ небольшимъ двѣ. Впрочемъ *Успенскій монастырь* не есть уѣжище монаховъ и удержалъ только прежнее названіе: это бѣдная церковь, которой очеркъ сдѣланъ Авторомъ писемъ съ возможною точностью.

(12) Для *Караимовъ* отведенный,

Караимы—Евреи особенной секты. Сущность ея изложена съ возможною ясностью въ 4-хъ стихахъ, слѣдующихъ ниже.

(13) . . . . . но *Равнины*

У нихъ чалмой отличены.

Равнины, равно какъ и *Татарскіе мудлы*, носятъ чалму, что кажется предоставлено классу духовныхъ и въ *Турціи*, гдѣ прочіе правовѣрные прикрыли головы фантастическимъ, чтобъ не сказать романтическимъ фесомъ, который по замѣчанію многихъ путешественниковъ-очевидцевъ, нисколько не замѣняетъ прежняго величественнаго тюрбана. Сами *Татары* носятъ бараньи шапки, впрочемъ не похожія на *Персидскія*.

(14) *Иосафатовой долины*

Иосафатова долина такъ названа въ воспоминаніе *Иерусалимской* и есть кладбище *Караимовъ*.

- (15) Разгнулъ два древнихъ свитка: имъ
Цѣны не знаетъ Караимъ!

Это свитки Библии. Нѣкоторые изъ *Караимовъ* думаютъ, что они писаны рукою Моисея; другіе—одного изъ Пророковъ; но всѣ безусловно почитаютъ эти свитки величайшею, древнѣйшею святынею.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

1836. Апрѣля 20. С Медведовъ,

Бахчисарайскій Дворецъ. — Отъѣздъ изъ Бахчисарая.

Онѣ свершились наконецъ,
Мои давнишнія желанья —
И, какъ въ предѣлѣ очарованья,
Вступилъ я робко во Дворецъ!
Привѣтъ тебѣ, минувшей славы,
Любви и нѣги уголокъ,
Предъ коимъ выю гнулъ Востокъ —
И гдѣ точили мечъ кровавый,
На гибель непокорныхъ странъ,
Твои потомки, Чингисъ - Хань!

Какъ на забытомъ становищѣ
Примѣтный слѣдъ Орды былой,

Теперь ихъ пышное жилище
 Лежить палаткой степовой!
 Ужь приговоръ уничиженья
 Надъ нимъ изрекъ всеильный рокъ....

Но и въ годину запустенья
 Его блюдетъ отъ разрушенья
 Всесохраняющій замокъ!

Онъ зазвучалъ — и передъ нами,
 Съ блистающими потолоками,
 Палатъ безмолвные ряды!
 Повсюду роскоши слѣды!
 Еще тамъ цѣлы тѣ диваны,
 Гдѣ въ нѣгѣ утопали ханы,
 И обветшалые ковры,
 Быть можетъ, Азіи дары;
 А среброводные фонтаны
 И бьютъ и плещутъ и журчатъ
 И жажду путника поятъ;
 Венчая жь стѣны вѣковыя,
 Извиѣ, сквозь стекла рамъ цветныя,
 Какъ будто смотреть виноградъ!

Вотъ роковая та палата,
 Въ которой некогда Диванъ

Судилъ народъ, разгнувъ Коранъ,
 Гдѣ данниковъ звенѣло злато,
 Когда покорные судьбѣ,
 Вымаливали жизнь себѣ
 У нечестиваго совѣта!
 Вотъ и мечеть, гдѣ Магомета (1)
 Ханъ горделивый призывалъ,
 Когда его онъ умолялъ,
 Да покорить ему полсвѣта,
 Когда, забывъ приманки нѣгъ,
 Кровавый замышлялъ набѣгъ!

А вотъ и одалискъ темница —
 Разочарованный гаремъ :
 Теперь и мраченъ онъ и нѣмъ,
 Какъ одинокая гробница!
 Вотъ оставъ утвари простой,
 Въ пыли забвенія густой :
 И шкафовъ бѣдные обломки (2)
 И обвалившіяся полки,
 Гдѣ бережливо подъ замкомъ
 Хранили дѣвы молодыя
 Свои одежды дорогія,
 Униженные жемчугомъ!
 Здѣсь ожерелья ихъ лежали,

Алмазы, яхонты блистали
 Такъ увлекательно для глазъ !
 Подъ этой кровлею не разъ,
 Быть можетъ, пѣнницы вздыхали
 О дальнѣй родинѣ своей,
 Да о любви минувшихъ дней !
 Когда же стражъ гарема черной
 Являлся призракомъ ночнымъ ,
 Онѣ играли передъ нимъ
 Съ улыбкой радости притворной ;
 А изъ курильницъ золотыхъ
 Дымяся, обвивали ихъ
 Индѣйской амбры ароматы,
 И въ чащѣ розовыхъ кустовъ
 Въ садахъ, въ убѣжищѣ прохлады,
 Звучали пѣсни соловьѣвъ !

Повсюду я искалъ слѣдовъ
 Еще недавнихъ вдохновеній —
 И предо мною Слезъ Фонтанъ,
 Которому на стражу данъ
 Поэзии могучій Геній !
 Такъ, здѣсь и Трубадуръ Литвы,
 И знаменитый Бардъ Невы (3)
 Обвороженные, бродили —

И черпали и жадно пили
 Ключъ поэтическій! твою
 Животворящую струю,
 А всемогущія Камены
 Ей дали силу Ипокрены!

И падаетъ на сердце грусть,
 Когда Марію и Зарему
 Тамъ вспомнишь! Пушкина поэму
 Прочтёшь невольно наизусть;
 А думы радужнымъ потокомъ
 Неудержимыя, кипятъ
 И душу пылкую свѣжать —
 И всё кругомъ блеститъ Востокомъ!

Безвѣстный путникъ, цѣлый день
 Я слушалъ говоръ водомета,
 Передъ которымъ дѣвы тѣнь
 Мелькнула надъ челою поэта,
 Когда онъ въ дивной угадалъ
 Знакомый сердцу идеаль —
 И въ эти свѣтлыя мгновенья,
 Для Аполлонова жреца,
 Палаты ханскаго Дворца
 Вдругъ стали храмомъ вдохновенья —

И низложилъ съ себя туманъ
 Неблагодарнаго забвенья
 Любовью созданный фонтанъ!
 Воздвигнуть онъ не на забаву,
 Пѣть! начертаніе гласитъ:
Ключь этотъ здравіе даритъ, (4)
 А я примомвилъ бы: и славу!

Еще влечетъ пришельца взоръ,
 Надъ древними Дворца вратами
 Рядъ надписей, до этихъ поръ
 Нестертыхъ времени крылами:
 Какъ на обломкахъ пирамидъ
 Тамъ память прошлаго блеститъ!

Неправдаль, Графъ! душевной силы
 И къ ближнему любви прямой
 Былъ тотъ исполненъ, кто могилы
 Почіющихъ въ землѣ сырой
 Впервые посетилъ! По Богу,
 По вѣрѣ въ общаго Отца,
 Единосушнаго Творца —
 Всѣ люди братья! Лишь дорогу
 Не всѣмъ одну дала судьба!
 Когда жь Архангела труба,

Съ высоту надзвѣднаго ээира,
 Раздастся надъ кладбищемъ міра
 И вдругъ воспрянуть изъ гробовъ
 Народы странъ всѣхъ и вѣковъ,
 Тогда — хоругвь небесъ святая,
 Крестъ подъ хранительную сѣнь
 Всѣхъ призоветъ ихъ, возвѣщая
 Безсмертья невечерній день !

Такъ мыслилъ я, когда, увывый,
 Пошелъ на ханскія могилы,
 Гдѣ царство падшее лежитъ :
 Ужь заросли онѣ травой ;
 Когда же дерзкою ногою
 Межъ камней путникъ зашумить,
 Пригробный стражъ — змѣя шипить !

Собравъ въ Бахчисараѣ дани
 И чувствъ и думъ и воспоминаній,
 Вполнѣ довольные собой,
 Мы съ тѣмъ убѣжищемъ простились,
 Гдѣ сны минувшаго носились
 Надъ нашей пылкой головой !
 Они мнѣ видятся донынѣ

Въ тиши села, въ моей пустыни,
Когда свободная мечта,
Стремясь въ любимыя мѣста,
Гуляетъ по брегамъ Тавриды!

Ужь солнце скрылось за горой,
На синевѣ небесъ живой
Сверкала звездочка Киприды,
Когда дорогой столбовой
Мы мчались; городъ же за нами
Одѣтъ былъ вечера тѣнями.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ДЕВЯТОМУ.

НВ. Дворецъ Бахчисарайскій теперь ужъ не въ томъ видѣ какъ былъ, по описанію путешественниковъ, дѣтъ за 15, онъ поддержанъ, какъ нельзя лучше.

- (1) Вотъ и мечеть, гдѣ Магомета Ханъ горделивый призывалъ и проч.

Подъ этою мечетью авторъ разумеетъ малую, внутри дворца: большая, съ высокимъ минаретомъ, стоитъ отдельно по лѣвую руку, при входѣ въ главные ворота *Хан-Сарая*.

- (2) И шкафовъ бѣдные обломки

Это не выдумка. Шкафы, которые авторъ хочетъ признать именно тѣми, гдѣ хранились роскошныя принадлежности гаремнаго туалета, были еще цѣлы во время его путешествія.

- (3) Такъ, здѣсь и Трубадуръ Литвы.

Мицкевичъ. Кто не читалъ бессмертныхъ его Сонетовъ: *Бахчисарайскій Дворецъ*, *Бахчисарай ногою*, *Гробица Потоцкой* и *Могилы Гарема*, если не въ подлинникъ, по крайней мѣрѣ въ превосходныхъ переводахъ: стихотворномъ

И. И. Козлова и прозаическомъ : Феликса Мьясковскаго (Felix Miaskowski) и Г. Фюльжанже (D. Fulgencé), на Французскомъ.

(4) *Ключь этотъ здравіе даритъ.*

Такова дѣйствительно надпись на фонтанѣ, который прославленъ Пушкинымъ подѣ именемъ *Фонтана Слѣзъ*: при входѣ со двора онъ на лѣво.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

1836. Мая 22. Г. Черниговъ.

Ночь. — Гаджи-Бикѣ. — Утро. — Чатырдахъ издали. — Долина Альым. — Саблм. — Дорога въ Симеерополь. — Городъ. — Очеркъ его. — Чавки. — Алушта. — Чатырдахъ. — Он-башй. — Отъѣздъ на южный берегъ. — Пер-
выя впечатлѣнія. — Природа. — Заключение.

Быль звѣздно-ярокъ сводъ эфирный,
Въ поляхъ заснувшихъ тишина;
Ночей владычица — луна
Уже взошла на тронъ сапфирный —
И огоньки не вдалекъ (1)
Намъ видѣлись въ *Гаджи-Бикѣ*.
Призыву милому послушны,
Мы тамъ нашли пріютъ радушный.
Его владѣлецъ насъ плѣнилъ
Своей бесѣдой просвѣщенной,
Заманчивой, одушевленной;
Вино некупленное лиль (2)
Въ бокалы щедрою рукою —
И мы ужъ позднею порою,

Разставшись съ добрымъ старикомъ,
Почили безмятежнымъ сномъ.

Какой разсвѣтъ! какъ небо чисто!
Какъ упоительно вокругъ
Благоухающъ садъ и лугъ,
Подъ пеленой росы серебристой!
Какой дыханію просторъ!
Какъ виноградникъ зеленѣетъ!
Но что за планжевый шатѣрь
На югъ между горъ, яснеетъ?
То пирамидою вдали
Стоитъ межъ неба и земли;
То вдругъ онъ кажется для взора
Прозрачной башней изъ фарфора;
То словно дымчатый покровъ,
Задернулъ міръ благихъ духовъ,
Чтобъ смертный не узрѣлъ ихъ лика?
Хвала, хвала тебѣ, Аллахъ!
То горъ Таврическихъ владыка,
Вселенной диво — Чатырдахъ!

Среди плѣнительной долины
Льетъ *Алма* свѣтлый свой потокъ.

На лѣво скалы-исполины
 Надменно подняли вершины;
 А справа видны то лѣсокъ,
 То садъ, то пажить, то поляна,
 То виноградарей домъ.
 Мы далѣ идёмъ. Съ кургана
 Очаровательно-полна
 Кругомъ картина отдаленя,
 И увлекаетъ взоръ она
 Роскошествомъ произрастенья,
 Прелестныхъ видовъ пестротой
 И неба южной чистотой!

Вотъ и *Саблы* ужъ передъ нами. (3)
 Владѣлицы уютный домъ
 Обвить пространными садами
 И ширь полей видна кругомъ,
 Луга шумять овецъ стадами.

Ужъ прозвучалъ полдневный часъ,
 Когда мы возвратились снова
 Въ *Гаджи-Бикѣ*, гдѣ ужъ готова
 Была и трапеза для насъ.
 Полны признательности, вскорѣ
 Опять мы въ полевои просторѣ

Путь продолжали. Въ небесахъ
 Свѣтло дня еще пылало
 И лучъ златистый отражало
 На *Симферопольскихъ* стѣнахъ.
 Кой-гдѣ дорогою мелькали
 Татары въ арбахъ, иль пѣшкомъ :
 Одни изъ нихъ *бузѹ* тишкомъ (4)
 Въ пріютныхъ *бѹзникахъ* хлебали
 И снова шли своимъ путѣмъ.

Но вотъ и городъ. Онъ въ равнинѣ
 Красуется межъ горъ крутыхъ.
Салгирѣ, свергая воды съ нихъ,
 Въ нёмъ пробѣгаетъ посрединѣ.
 Ужь намъ открылся и соборъ :
 Онъ набожный плѣняетъ взоръ
 Позолоченными крестами
 И величавыми главами.
 Подѣрнуты, какъ чешуёй,
 На зданьяхъ кровли черепицей —
 И блестятъ минареть луной
 Надъ мусульманскою божницею.

Разнообразной красотой
 Кругомъ заманчивы картины.

Любимцы тамошней земли,
 Мѣстами тополи внесли
 До облаковъ свои вершины,
 Для наслажденія очамъ!
 Какъ весело, какъ любо намъ
 Гулять по берегамъ *Салгира*!
 Въ его струяхъ лазурь ээира
 Роскошно, ярко отразься,
 Съ ихъ чистымъ серебромъ слилась:
 Такъ дивно ль, что поэтовъ лира
 Не разъ платила дань стиховъ
 Богинямъ этихъ береговъ?

Мы послѣ дружескаго пира
 Бродили въ городѣ весь день;
 Но вечера густая тѣнь
 На землю пала. Ужь готовы
 И Губернаторскій *фирманъ*, (5)
 И нашъ татаринъ-драгоманъ —
 И въ мѣръ очарованья новый,
 На живописный юга брегъ —
 Направили мы быстрый бѣгъ.

Въ *Чавкаѣхъ* румяный лучъ денницы (6)
 Прервалъ заранъ нашъ покой:

Изъ гнѣздъ ужь вылетѣли птицы
 И, славы Божіей пѣвицы,
 Защебетали гимнъ дневной!
 Мы снова въ нуть. То доль цвѣтистый,
 То виноградника коверъ,
 То ключь, то водопадъ струистый,
 То холмъ, то лѣсъ, то купы горъ,
 Припадшихъ будто бы отъ страха
 Къ стопамъ державнымъ *Чатырдаха*,
 И справа самъ онъ наконецъ,
 Вознесшій къ небу свой вѣнецъ;
 А дальше море, открываясь,
 Манившее нашъ взоръ на югъ —
 Вотъ, что увидѣли мы вдругъ
 Къ стѣнамъ *Алушты* приближаясь! (7)

Она на холмѣ при горахъ,
 Стоитъ предъ ширью моря гладкой;
 За ней гигантскій *Чатырдахъ* (8)
 Лежитъ подоблачной палаткой.
 Идѣтъ на западъ *Яйлы* цѣпь (9)
 И сѣверной Тавриды степь
 Назадъ откинувъ, полукругомъ
 Воздвигла стѣну горъ предъ югомъ,

Гдѣ благодатная весма
Природою воцаренà!

Между татарскими домами (10)

Развалины сохранены:

На нихъ пощажена вѣками,
Печать туманной старины —
И наблюдатель просвѣщенной,
Съ развалинъ тѣхъ свѣвая пыль,
Прочтётъ время минувшихъ быль,
Какъ въ лѣтописи драгоцѣнной.

Опять знакомый рокоть волнъ
Мы изъ гостинницы внимали:
Онъ полуразбитый чёлнъ
У самой пристани качали,
А виноградъ то здѣсь, то тамъ,
Красиво стлался по брегамъ!

Лишь только *Он-башы* глазами (11)

Окинулъ листъ попутный нашъ —

И ужъ татары съ бѣгунами

Стоять веселыми толпами.

Прости, роскошный экипажъ!

Ретивый конь — скакунъ нагорной,

Да вьюкъ—вотъ всё что нужно намъ!
 И, взявъ нагайки, мы проворно
 Помчались по морскимъ берегамъ!
 Тотъ мигъ забудуль до могилы?
 Я полонъ былъ неожиданной силы,
 Нежданной нѣгою дышалъ
 Средь этихъ горъ, средь этихъ скалъ,
 Подъ кровлей неба голубою —
 И очарованной душою
 Тогда вполне я ликовалъ!

Рука зиждительной природы
 Здѣсь съ югомъ сѣверъ сопрягла:
 Изъ горныхъ нѣдръ живыя воды (12)
 На берегъ счастливый низвела;
 Долю изукрасила цвѣтами
 И странъ полуденныхъ древами,
 А чела горъ одѣла льдомъ,
 Смолистымъ лѣсомъ и снѣгами,
 Изрыла пропасти кругомъ!

Среди такихъ величій міра,
 При блескѣ южнаго зенита,
 Какъ ты въ глазахъ своихъ великъ,
 Какъ гордъ, сынъ праха! Ты проникъ

Повсюду смѣлою ногою :
Склонись же брэнною главою
Предъ Тѣмъ, Кто и въ сiяньи дня
И сквозь завѣсу черной ночи ,
И въ тишь и въ бурю на тебя
Низводитъ благостныя очи —
И для тебя же мiръ земной
Украсилъ дивной лѣпотой !

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ДЕСЯТОМУ.

(1) И огоньки не вдалекъ

Намъ видѣлись въ *Гаджи-Бикѣ*.

Гаджи-Бикѣ (въ 14 верстахъ отъ *Симферополя*) владѣніе Графа Мезона, котораго гостепрѣимствомъ не лзя довольно нахвалиться.

(2) Вино некупленное лиль.

Вина Графа Мезона довольно хороши: онѣ имѣють значительную плантацію винограда.

(3) Вотъ и *Саблы* ужь передъ нами.

Саблы—имѣніе Графини Лаваль.

(4) Одни изъ нихъ *бузѹ* тишкомъ

Въ пріютныхъ *бузникахъ* хлѣбали

Бузѹ — горячій напитокъ, дѣлаемый изъ проса и особенно любимый Татарами. Кабакъ, гдѣ продають его, простолюдины называютъ *бузникомъ*.

(5) И Губернаторскій *фирманъ*,

Для слѣдованія по южному берегу нужно испросить у Таврическаго Гражданскаго Губернатора подорожній *фирманъ* (на татарскомъ языкѣ) для получения лошадей.

- (6) Въ *Чавкѣхъ* румяный лучъ денницы

Чавки—Татарская деревня по дорогѣ въ *Алушту*.

- (7) Къ стѣнамъ *Алушты* приближаясь.

Недавно *Алушта* обращена въ городъ.

- (8) За ней гигантскій *Чатырдахъ*
Лежитъ подоблачной палаткой,

Чатырдахъ значить по татарски гора-палатка или, какъ называютъ его въ Крыму простолюдины—*палат-гора*. Видъ его дѣйствительно очень похожъ на палатку.

- (9) Идѣть на западъ *Ййлы* цѣпь
И сѣверной Тавриды степь
Назадъ откинувъ, полукругомъ
Воздвигла стѣну горъ предъ югомъ,
Гдѣ благодатная весна
Природою воцаренъ!

Отъ *Алушты*, которою начинается собственно южный берегъ, *Ййла* огibaеть его стѣною горъ, защищающихъ поуденную часть полуострова отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера.

- (10) Между татарскими домами
Развалины сохранены.

По мнѣнію Сестренцевича-Богуша, это развалины дворца и крѣпости, воздвигнутыхъ по повелѣнію Императора

Юстиниана въ 465 г. нашей эры, чтобъ обезопасить берегъ отъ вторженія Гунновъ и Венгровъ.

- (11) Лишь только *Он-башй* глазами
Окинулъ листъ попутный нашъ,

Он-Башй—десятникъ въ Татарскихъ деревняхъ, отъ котораго, по предъявленіи фирмана, путешественники требуютъ лошадей.

- (12) Изъ нѣдра горъ живыя воды
На берегъ счастливый низвела,

Живыми водами (les eaux vives) называются потоки, которые свергаясь съ горъ, раздѣляются на множество благодѣтельныхъ ручьѣвъ, оплодотворяющихъ фруктовые сады и виноградники.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

1836. Сентября 30. М.....

Видъ берега. — Татарскія лошади. — Дальнѣйшій путь. — Арнаутъ. — Кучукъ - Дамбатъ. — Аюдэгъ. — Судьба Тавриды. — Исследователи древности. — Поэты. — Преданія. — *Мирза и Арнаутъ* (эпизодъ), часть первая. — Татары. — Ихъ деревни. — Женщины. — Мечети. — Очеркъ нмѣшннго благосостоянн жнтелей. — Очеркъ Таврической природы: потоки, сады, луга и роши. — Заключеніе.

То вдругъ отхлынувъ отъ береговъ,
То, набѣгая, звучно плещуть
Морскія зыби вдоль песковъ,
Гдѣ ярко тысячью цвѣтовъ,
Какъ бисеръ, раковины блещуть.
Порой неудержимый валъ
Копыта коней подмывалъ;
Но не страшились удалые,
Друзья татарина прямые —
Птенцы нагорныхъ табуновъ!
Нѣтъ! легконоги, горделивы,
По вѣтру разметавши гривы,

Покорныхъ чужь сѣдоковъ ,
 Неслись они быстрѣй орловъ !
 Что море имъ? Давай имъ скалы ,
 Да горъ вершины и обвалы ,
 Да надпучинныя тропы ,
 Незнавшія людской стоиы!
 Тамъ, никогда не спотыкаясь ,
 И будто бы когтьми цѣпляясь
 Копытами на камни — вдругъ ,
 Одолевая вашъ испугъ ,
 Съ высотъ надъ бездною, какъ изъ ада ,
 Выносятъ васъ въ приволье сада —
 И только любятъ, чтобъ рука
 Уздою правила слегка !

То вдоль поморья, то горами,
 То между лѣсомъ и садами
 Бѣгутъ прибрежныя стези:
 Ширѣетъ зрѣлище предъ нами
 Со всѣхъ сторонъ вдали, вблизи:
 Вотъ страшный спускъ — не видятъ очи
 При блескѣ дня, какъ въ пору ночи,
 Нѣтъ силъ отъ дрожи ледяной . . . .
 Не бойся путникъ, Богъ съ тобой !

Прибрежье бурнаго Эвксиа (1)
 Сыны Эллады стерегутъ:
 Неодолима ихъ дружина
 И неподкупенъ *Арнауѣб!*
 У караульни стройно, чинно,
 Какъ рыцарь въ повѣсти старинной
 Предъ заколдованнымъ дворцомъ,
 Съ ружьемъ онъ ходитъ молодцомъ!
 Его глаза всмотрѣлись въ море,
 Какъ соколиные блестятъ,
 Гуляютъ на его просторѣ —
 И трепетной добычѣ горе
 Иль смерть неожиданую сулятъ!
 Такъ царь пернатыхъ чернокрылый,
 Свои извѣдывая силы,
 На жертву мечетъ строгій взоръ
 То съ этихъ скалъ, то съ этихъ горъ!

Забудуль я *Кучукѣ-Ламбата* (2)
 Домъ, кипарисы, дивный садъ,
 Къ заливу чуть примѣтный скатъ,
 Плоды и зелень винограда?
 Направо грозный *Аюдигѣ* (3)
 Лежитъ вблизи — медвѣдь-громада:
 Какъ лапы, скалы на берегахъ

Простеръ надъ бездною морскою ;
 Чудовищною головою
 Надъ ней повисъ — и мнится пѣть
 Во глубинѣ солёныхъ водъ ;
 А на хребтѣ чернѣ, пушисто ,
 Поднялся шерстью лѣсъ тѣнистой !

Брега Тавриды искони
 Страной плѣнительною слыли
 И красотой своей они
 Иноплеменниковъ манили.
 Къ нимъ черезъ бурный понтъ неслась
 Судовъ безчисленныхъ армада :
 Отъ Рима, Гѣнуи, Царьграда ,
 Венеціи — и тамъ не разъ ,
 Гдѣ нынѣ путникъ на раздольѣ
 Находить нѣгу и приволье ,
 Вражда кипѣла, кровь лилась.
 Брегъ былъ усѣянъ городами ,
 Твердынями, монастырями ,
 Торговля быстро процвѣла ;
 Но вдругъ судьба произнесла
 Свой грозный приговоръ — и тучей
 Неодолимой и могучей,
 Какъ саранча, летитъ сюда

Пустынной Азіи орда —
 И вотъ изъ кочеваго стана
 И шалашей своей земли,
 Бичи-потомки Чингисъ-Хана,
 Въ палаты чуждой перешли,
 И съ гордыхъ башень постепенно
 Исчезли Гёнуи гербы:
 Ихъ растоптали дерзновенно
 Азійскихъ деспотовъ рабы!
 А тамъ, гдѣ съ храмовъ крестъ спасенья
 Лилъ Вѣры благодатный свѣтъ,
 Луна символомъ заблужденья
 Пріосънила минареть!
 И шли вѣка своей чредою!
 Подъ ихъ могучею пятою
 Стиралась жизнь минувшихъ лѣтъ....
 Ударилъ часъ иныхъ побѣдъ —
 И предъ Славянскими орлами,
 Которымъ въ мірѣ нѣтъ границъ,
 Упалъ, затрепетавши, ницъ,
 Востокъ съ своими бунчуками!

 Не разъ средь этихъ береговъ
 Исторія воспламеняла
 Свой свѣточъ — и сюда скликала

Своихъ любимѣйшихъ жрецовъ :
 Здѣсь, разогнувъ скрижаль вѣковъ ,
 Страбонъ, Палласъ и Сестренцевичъ
 И Бларамбергъ и Муравьёвъ
 Искали древности слѣдовъ !

Здѣсь очарованный Мицкевичъ
 Пѣлъ, Музой призванный поэтъ ,
 Свой гармоническій сонетъ !
 И лавры пышные Тавриды
 Отдалибъ каждый свой листокъ ,
 Чтобъ сплестъ безсмертному вѣнокъ !
 Здѣсь Пушкинъ видѣлъ Нерейды (4)
 Неуловимыя красы
 Въ тѣ сладострастные часы ,
 Когда звѣзда денницы блещетъ
 И море, зеленѣя, плещетъ
 Въ тѣни оливковыхъ дерёвъ,
 Вокругъ скалистыхъ береговъ !

А сколько здѣсь воспоминаній
 И вдохновительныхъ преданій
 Для новыхъ странниковъ-пѣвцовъ ?
 Упрѣкъ я слышу справедливый.

Мнѣ говорятъ: »ландшафты живы ;
 »Но что природа безъ людей ?
 »Давай намъ очеркъ ихъ страстей ,
 »Ихъ быта, жизни.....» — Радъ душою
 Почтенный Графъ ! утѣшишь васъ —
 И увлекательный разсказъ ,
 Подслушанный въ Тавридѣ мною ,
 Передаю вамъ, какъ могу.

Когда-то на морскомъ берегу,
 Въ селѣ, теперь уже забытомъ,
 Горой отъ сѣвера укрытомъ,
 Жилъ-былъ татаринъ Ибрагимъ.
 Мирза—онъ передъ всѣмъ народомъ (5)
 Гордился знаменитымъ родомъ,
 Былъ скупъ, угрюмъ и нелюдимъ.
 Его сады, его фонтаны,
 Его луга, его поляны,
 Стада несмѣтныхъ овецъ
 И табуны—и наконецъ
 Мѣшки накопленнаго злата,
 Да домъ, какъ ханская палата,
 Все было дивно—и Мирза
 Кололъ завистникамъ глаза....
 И про богатство Ибрагима
 Шумѣлъ весь южный берегъ Крыма.
 Но выше всѣхъ даровъ земныхъ,

Прелестный перловъ дорогихъ,
 Прелестный пышныхъ розъ Востока,
 Читалъ юныхъ плѣнницъ онъ своихъ
 И грѣшно думалъ: крашесть ихъ
 И дѣвы райскія Пророка?

Владѣлъ счастливецъ молодой
 Невольницъ шумною толпою;
 А между тѣмъ Мирза иной (6)
 Могъ обладать едва одною...
 Была загадкой для людей
 Такая дивная судьбина:
 Потомокъ славнаго *Ширина*, (7)
 Мирза отъ юношескихъ дней
 Не захотѣлъ въ дворецъ Гирея
 Искать ни ласкъ, ни титула Бей.
 Когдажъ на гибель чуждыхъ странъ
 Летѣлъ въ походъ могучій Ханъ,
 Скупой богачъ не равнодушно (8)
 Свои червонцы вынималъ,
 И, волъ роковой послушный,
 Ретивыхъ коней снаряжалъ.
 Но никогда въ бояхъ съ врагами
 Передъ Ордынскими полками
 Мечъ Ибрагима не блисталъ.
 Нѣтъ, замысловъ безвѣстныхъ полный
 Мирза любилъ лишь моря волны,

То голубня, какъ зѣръ,
 То маумруда зеленѣе!
 И правду молвить: жизнь и мѣръ
 Кому не краше и милѣе
 Подъ небомъ юга, на водахъ?

О! много дѣтъ пучины Понта,
 Воспоръ и воды Геллеспонта
 И Греческій Архипелагъ
 Видали Ибрагима флагъ,
 На ихъ просторъ кочевавшій,
 Свободный, робости не знавшій!
 Но что же такъ влекло туда
 Тебя, земли прямой счастливецъ?
 Торговля? Слыхано ль когда, (9)
 Чтобы, природный горделивецъ,
 Мирза, собой не дорожа,
 Пошѣлъ дорогою шоргаша?
 А между пѣмъ что годъ, бывало,
 Шумить молва: Мирзы не стало!
 Глядятъ—онъ къ берегу плывѣтъ
 На корабль—и вновь везѣтъ
 Изъ странъ, быть можетъ, отдаленныхъ,
 Червонцы, коней удалыхъ,
 Иль груды камней драгоцѣнныхъ,
 Или невольницъ молодыхъ!
 Мелькнула новая межъ нихъ....
 Осенней бурною порою
 Привезена она Мирзою,

Откуда? вѣдаетъ одинъ
 Ея угрюмый властелинъ.

Она на брегъ—и раболовно
 Поверглись слуги передъ ней:
 Приютъ невольницы своей
 Мирза убрагъ великолѣпно,
 Богатыхъ не щадя ковровъ;
 А изъ завѣтныхъ сундуковъ,
 Бывало ей приносить шали,
 Парчу и серьги и жемчугъ,
 Какихъ давно ужъ не видали
 Его затворницы—и вдругъ
 Затмила всѣхъ для Ибрагима
 Могучей прелестью Фатима!
 (Подъ этимъ именемъ она
 Въ его жилище введена).

Но птичекъ—странницъ воздушной
 И въ позлащенной клеткѣ душно,
 Когда коварный птицеловъ
 Отыметъ волю и птенцовъ....
 Въ своемъ покоѣ запертая,
 Томится плѣнница младая:
 Одинъ лишь Ибрагимъ порой
 Къ ней входитъ смѣлою ногой
 И днемъ и ночью; а Гречанка,
 Ея усердная служанка,
 Радушно помогаетъ ей
 Переносить ярмо скорбей.

Такъ идутъ дни. Ужь для Фатимы
 Готовъ отдѣльный садъ, куда
 Мирза съ ней ходитъ иногда —
 И оба смотрять, какъ предъ ними,
 Пестрѣя флагами цвѣтными,
 Мелькають по морю суда!
 Тамъ много разъ Фатимы слѣзы
 Невольно падали на розы,
 Тамъ напѣвалъ ей соловей
 Златые сны минувшихъ дней!

Но для чегожь Мирза утрюмь,
 Тая и замыслы и думы,
 Гарема не откроетъ ей?
 Фатимы жизнь была бь яснѣй,
 Когда бь затворницы-подруги
 Ихъ безконечныя досуги,
 Хоть изрѣдка дѣлили съ ней!
 Увы! то тайна Ибрагима —
 И безутѣшная Фатима
 Страдальчески на небеса
 Возводитъ томные глаза!

Ужь полночь. Мракомъ непогоды
 Кругомъ подернуть горизонтъ,
 Ревѣтъ, кипитъ Эвксинскій Понтъ,
 Отдавъ на волю вѣтра воды —
 И съ грохотомъ девятый валъ
 Дробится о граниты скалъ.

Какъ метеоръ среди кладбища,
 Въ окнѣ какого-то жилища
 Надъ темной бездною морской,
 Сверкаетъ огонёкъ порой.
 Въ богатоубранномъ покоѣ
 Въ углу, на парчевомъ надолѣ,
 Поставленъ крестъ. Надъ нимъ виситъ
 Старинный образъ безъ оклада —
 И ярко передъ нимъ лампада,
 Какъ сердце Вѣрою горитъ.
 Тамъ приподнявши къ небу руки,
 Младая плѣнница въ слезахъ,
 Съ молитвой тихой на устахъ,
 Ему свои ввѣряетъ муки;
 Поклоны бьетъ — и легче ей. . . .
 Но шумъ раздался у дверей —
 И, словно демонъ-искуситель,
 Предъ ней опять ея мучитель.

Ибрагимъ.

О чемъ ты плачешь день и ночь,
 Моя прекрасная Гречанка?
 Больна? Такъ я могу помочь:
 Вотъ чудный талисманъ, вотъ стклянка
 Съ лекарствомъ вѣрнымъ: мной оно
 Изъ за моря привезено!
 А если грусть взяла по мужъ
 Или по снѣ молодой,

Такъ ты хлопочешь о пустомъ!
 Богатъ я какъ Паша; къ тому же
 Ликургъ твой, станомъ и лицомъ,
 И живъ схожъ былъ съ мертвецомъ;
 Коптѣль, какъ жидъ, надъ сундуками,
 Умѣлъ лишь золото считать....
 И смѣлъ же холодными устами
 Тебя, красавицу, лобзать
 Въ уста горячія....

ГРЕЧАНКА

Напрасно,
 Мой повелитель самовластной!
 Ты злобно шутишь надо мной,
 Своей покорною рабой!
 Твои лекарства дорогія,
 Твой талисманъ... что пользы въ нихъ!
 Недуги, можетъ быть, иные
 Имъ и послушны... но моихъ
 Не облегчать: я знаю ихъ!
 И день и ночь передо мною
 Мой неоплаканный супругъ
 Мелькаетъ, громко кличетъ Зою,
 Подругу верную;—иль вдругъ
 Я вижу берега Морей:
 Вотъ сынъ—младенецъ милый мой!
 Вотъ къ морю повлекли злодѣи—
 И, можетъ быть, онъ взятъ волной....

Исчезнет грозное виденье,
 Опомнюсь я?.... и въ заточеньѣ
 Бѣда, страшнѣе прежнихъ бѣдъ,
 Мнѣ предназначена....

Ибрагимъ

О, нѣтъ!

Тебѣ лишь радости прямиа!
 Мои дары, моя любовь!
 И позабывъ края родиме,
 Ты разцѣпишь, какъ въ днѣ младме,
 Вполнѣ счастлива будешь вновь!
 О! страсть моя не знаетъ мѣры!
 Не трону я твоихъ иконъ,
 Твоихъ крестовъ и прежней Вѣры —
 И воля Зои мнѣ законъ!
 Я во свидѣтели безъ страха
 Зову Пророка и Аллаха!

Гречанка

Какъ? ужь поклялся ты, Мирза!
 И если клятвѣ Османлисѣ
 Доступны Божьи небеса,
 Такъ выслушать меня рѣшился!
 Вотъ тайна важная моя:
 (О Ибрагимъ! сказать ужасно!)
 Подъ этимъ сердцемъ у меня,
 Залогъ супружества несчастной,
 Младенецъ дышетъ: жизнь его

Дороже въ міръ мнѣ всего!
 О! пощади ее!

Ужь слово

Дано, промолвилъ онъ сурово —
 И вдругъ, съ нахмуреннымъ челомъ,
 Изчезъ, заскрежетавъ зубами,
 А надъ прибрежными скалами
 По небу прокатился громъ!

Когда малиновна весною,
 Скрываясь въ тишѣ дубровъ,
 Своихъ ужь выведеть птенцовъ
 Какъ страшно ей, когда порою
 Гроза пернатыхъ — коршунъ злой,
 Летить на ловъ кровавый свой!
 Утонеть онъ въ дали зѣирной —
 Она надъ гнѣздышкомъ опять
 Взовѣтся... и въ дубравѣ мирной
 Поѣтъ, счастливѣйшая мать!

Такъ и Гречанка молодая
 Танла страхъ и день и ночь,
 Рукой заботливой качая
 И къ сердцу пылко прижимая,
 Едва родившуюся дочь!
 Но тышила въ чужбинѣ Зою
 И жизни радости порою:
 Восторги матери... для нихъ
 Нѣтъ словъ на языкахъ земныхъ!

Летѣло время. Къ Зои бѣдной,
 Опять задумчивой и блѣдной,
 Хладѣлъ Мирза. Ея пороги
 Одинъ лишь рабъ его берѣгъ —
 Неумолимый стражъ темничный;
 А Ибрагимъ, идя въ путь привычный
 За вѣрною добычей вновь
 Стремился, распустя вѣтрило;
 Или съ красоткой, больше милой,
 Дѣлилъ невѣрную любовь!

И тяжкій вздохъ — отзывъ печали,
 Не сжалъ груди его; слеза
 Не набѣжала на глаза,
 Когда коварному сказали,
 Что нѣтъ Гречанки молодой!
 Тоска по родинѣ святой
 Неждано ильвиницу стубила!

Не Христіанская могила
 Изрыта ей въ странѣ чужой!
 Надъ нею паннихидъ не пѣли;
 Лишь дочь кричала въ колыбели,
 Да слышенъ былъ старухи вой!

Въ саду близъ моря холмикъ скромный
 Могилу Зои означалъ:
 Его никто не посѣщалъ;

Лишь, издавая говоръ томный,
 Въ часъ невзгоды надъ огромный
 Къ нему по вѣтру добѣгалъ!

Тамъ, гдѣ у матери Мирзою
 Свобода отънята была,
 Дочь, горемычною сиротою,
 И возрастала и цвѣла.

Старуха такъ не сводитъ взора
 Съ нея отъ утра до утра,
 И ей состраждетъ безъ укора,
 Какъ небомъ данная опора,
 Какъ милосердія сестра!

Разъ только, словно привидѣнье,
 Мирза смутилъ ихъ заточенье:
 Ваглянулъ со злобой на дитя,
 И къ люлькѣ подошедь поближе,
 Старухѣ молвилъ, усь крутя:
 « Узнай: ее зовутъ *Айше!*
 « Я жизнь дарю ей; но она
 « Магометанкой быть должна;
 « А ты гауровъ тѣмнѣи Вѣры
 « Не смѣй внушать ей никогда!...
 « Не то..... погибнешь навсегда!
 « Я въ мщеніи не знаю мѣры!»....

И онъ покинулъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ

Ужъ не тревожилъ ихъ сердитый,

Коварный Ибаргима взоръ;

И мнилось, были позабыты

Онъ и міромъ и людьми.

Лишь день и ночь предъ ихъ дверьми

Вооруженные, блуждали

Съдме стражи-старики.

Такъ годы шли. Но рыбаки

Кой-гдѣ въ округѣ рассказали,

Что разъ полуночной порой

Былъ брошенъ въ море мѣхъ большой,

А кѣмъ и съ чѣмъ—они не знали!

Но что въ грядущемъ было съ ней,

Съ Аише бѣдною моею,

Въ письмѣ последнемъ доскажу я.

Природа, снова очаруя

Нашъ взоръ полуденной красой,

Могучей развила рукой

Картины дивные предъ нами.

Между роскошными садами

То средь долинь, то на горахъ,

Татары мирными семьями

Живутъ въ недалнихъ деревняхъ.

Какъ Азіатцы молчаливы,
 Задумчивы, празднолюбивы,
 На плоскокровельныхъ домахъ
 (А кровли устланы коврами)
 Они почти весь день сидятъ
 Толпой, съ поджатыми ногами;
 Тютюнѣ, блаженствуя, курятъ —
 И быстро вѣется вихорь дымный;
 Но всё они страннопріимны.
 Свои ль, чужіе ли — найдутъ
 У нихъ радушье и пріютъ.
 Инжирѣ, тарелка винограда, (10)
 Иль персики—всё это намъ
 Несли хозяева изъ сада,
 Какъ уважаемымъ гостямъ;
 Но было иногда и скучно,
 Среди толпы дѣтей докучной,
 За ласки ихъ по пустякамъ
 Вновь обращаться къ кошелькамъ !

Въ жилищѣ ихъ полы изъ глины,
 Нѣтъ стѣколъ въ окнахъ, нѣтъ печей,
 Однѣ рѣшотки да каминны,
 Въ углу подушки и перины,
 И ситцовый диванъ кругомъ —

Таковъ внутри татарскій домъ.
 Ихъ женщины повсюду видны,
 Почти не кутають лица;
 Но часто взоры пришлеца
 Мужьямъ иль братьямъ ихъ обидны —
 И помню я, что много разъ,
 Свой *Ферредже* вдругъ надѣвая, (11)
 Какъ лань проворная отъ насъ,
 Скрывалась дѣва молодая
 Иль въ ближнемъ домѣ иль въ садахъ....
 И дивно ль, что беретъ ихъ страхъ,
 Когда не дремлетъ глазъ ревнивый?

Мечети не вездѣ красивы;
 Но пламенный корона стихъ
 И подъ смиренной кровлей ихъ
 Плѣняетъ слухъ благочестивый.
 Любили мы вечерній часъ,
 Когда по деревнямъ сосѣднимъ
 Унылый муэциновъ гласъ
 Сливался съ шумомъ дня послѣднимъ,
 Когда въ горахъ журчалъ ручей,
 Какъ бы въ отвѣтъ жрецу Пророка....

Забывъ тревоги давнихъ дней,
 Крымъ—чудный уголокъ Востока,

Сталъ процвѣтать по волѣ рока
 Подъ мирнымъ скипетромъ Царей.
 Прекрасно это возрожденье!
 Вѣротерпимость, просвѣщенье —
 Прямые спутники любви,
 Примѣтно сглаживаютъ слѣды,
 Невѣжествомъ напечатлѣнной —
 И Ханскихъ царедворцевъ внуку
 Ужь въ *Медрессѣ* — пріютъ наукъ (12)
 Теперь идетъ непринужденно.
 Чернь неподвижнѣй, но она
 Едва ли не вездѣ равна:
 Такъ начинаютъ всѣ народы.

Прямой любимицей Природы
 Была Таврида создана!
 И что нашъ съверъ передъ нею,
 Съ зимой угрюмою своею?
 Таврическія небеса
 Свѣтлѣй, лазурнѣй, чѣмъ глаза
 Красавицы вполне счастливой,
 Когда съ любимымъ женихомъ
 Она стоитъ предъ алтаремъ —
 И взоръ плѣнительно-стыдливой,

Въ восторгъ сердца возведётъ
 На величавый храма сводъ !

Потоки, съ темя горъ свергаясь
 И прихотливо извиваясь ,
 Разносять по садамъ свои
 Благотворящія струи;
 То пеленою серебристой,
 Въ гремящій слившись водопадъ ,
 Нежданно со скалы кремнистой
 И ярко блещутъ и висятъ ;
 То прямо путнику подъ ногу
 Они бѣгутъ черезъ дорожку ;
 То съ непонятной быстротой ,
 Минуя дикіе утѣсы ,
 Кружатъ кипучею волной
 Подгорной мельницы колѣсы !

А зелень яркая луговъ ?
 А благовоніе цвѣтовъ ,
 Кругомъ раскинутыхъ коврами ?
 А рощи—уголокъ Дріадъ ,
 Гдѣ на деревьяхъ, какъ вѣнками ,
 Повисъ тяжелыми кистями
 Свободно-дикій виноградъ ?

Такой роскошной красотою
Обогащенъ счастливый край —
И путникъ съ пламенной душою,
Довольный жизнью и собою,
Не разъ воскликнетъ : это рай !

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ОДИННАДЦАТОМУ.

(1) Прибрежье бурнаго Эвксина

Сыны Элады стерегутъ :

Неодолима ихъ дружина

И неподкупень *Арнауѣ*.

Греки *Арнауѣ*, живущіе въ *Балаклава* и деревняхъ ее окружающихъ, составляютъ береговую стражу (*garde-côtes*) по берегу Чернаго моря.

(2) Забудуль я *Кучукъ-Ламбата*

Домъ, кипарисы, дивный садъ? и проч.

Кучукъ-Ламбата принадлежитъ Генералу Бороздину.

(3) На право грозный *Аюдагъ*

Лежить вблизи—медвѣдь-громада.

Аю-дагъ значить по Татарски *Медвѣдь-гора*. Отдѣлясь отъ хребта *Яйлы*, онъ возвышается на берегу моря и образуетъ мысъ, необыкновенно красивый. Сходство его съ медвѣдемъ, по моему мнѣнію, поразительно, смотришь ли съ правой или лѣвой стороны.

(4) Здѣсь Пушкинъ видѣлъ *Переиды*

Неуловимыя красы.

Кто не знаетъ наизусть очаровательной пьесы знаменитаго Поэта, начинающейся стихами:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Неренду.

- (5) Мирза—онъ передъ всѣмъ народомъ
Гордился знаменитымъ родомъ.

Татарскіе Мирзы, составлявшіе собою высшее дворянство въ Крыму, были необыкновенно горды и, большею частію, почитали себя потомками Чингисъ-Хана.

- (6) А между тѣмъ Мирза иной
Могъ обладать едва одною.

Вообще Мирзы, сколько извѣстно по Исторіи, не были слишкомъ богаты и рѣдко имѣли возможность содержать многихъ жёнъ: герой моей повѣсти составляетъ поэтическое исключеніе.

- (7) Потомокъ славнаго *Ширѣна*.

Одного изъ спутниковъ Чингисъ-Хана.

- (8) Скупой богачъ не равнодушно
Свой червонцы вынималъ и проч.

Каждый Мирза былъ обязанъ, въ случаѣ войны, давать Хану извѣстную сумму денегъ и лошадей.

- (9) Торговля? слыханоль когда
Чтобы, природный горделивецъ
Мирза, собой недорогожа,
Пошелъ дорогою торгаша?

Мирзы почитали унизительнымъ заниматься торговлею.
(См. Исторія о Тавринъ, Сестреницъ Богуша).

(10) *Инжиръ*, тарелка винограда и проч.

Инжиръ—фига по татарски.

(11) Свой *Ферреджѣ* вдругъ надъвая и проч.

Ферреджѣ—длинное покрывало, употребляемое женщинами въ Крыму. (По Монтандону).

(12) *Ужъ* въ *Медрессѣ*—пріютъ наукъ и проч.

Медрессѣ—училище.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

1836. Октября 28. М. . . . .

Поэтический взгляд на нынѣшнее состояніе южнаго берега.—Весня.—
—Всеобщее стремленіе въ Крымъ.—Паревенита, Артѣкъ.—Юрзүфъ.—
Никитскій садъ.—Ялта.—Оріанда.—Ай-Тодоръ.—Гаспра.—Курейскъ.—
Мисхоръ.—Ай-Петри.—Эленосъ.—Алупка.—Кикінеискъ.—Симейскъ.—
Лименъ.—Мердвенъ.—Байдарм.—Балаклава.—*Мирза и Арнаутъ* (Эпизодъ) часть вторая.—Жители Балаклавы.—Заключеніе. Р. 8.

Не торжество ли просвѣщенья
Нашъ дивный, нашъ прекрасный вѣкъ ?
Ушѣлъ далѣко человекъ
Въ безгранной области мышленья;
Своей онъ волѣ покорилъ
Огонь и воздухъ, зѣмлю, воды —
И новые дары природы
Могучимъ гениемъ открылъ !
Крымъ передъ вами ! Что богаче
Полуденнаго берега ? Онъ,
Магически преображёнъ,
Сталь весь — блистательною дачей ! (1)
И Крезы — баловни судьбы,
И бѣдняки — ея рабы,

Единодушно имъ плѣнились :
 Тѣ съ полнымъ золота мѣшкомъ, (2)
 Другіе съ тощимъ кошелькомъ —
 Въ край плодоносный устремлись !
 И всюду видѣнь слѣдъ трудовъ ,
 Уже увѣнчанныхъ стократно
 Помоны дланью благодатной !
 Между плѣнительныхъ садовъ,
 Украшенъ берегъ и домами
 И, будто царскими, дворцами.
 Вкусъ разныхъ націй и вѣковъ ,
 Такъ увлекательно, такъ живо ,
 Такъ фантастически-игриво ,
 Плѣняетъ пестротою взглядъ :
 То величавыя колонны ,
 То прихотливыя фронтонны,
 То портики и башень рядъ ,
 То роскошь Азіи—кіоски ,
 То яркихъ флюгеровъ полосы,
 То въ окнахъ стѣкла всѣхъ цвѣтовъ —
 Всѣ это, дивно возвышая
 Красу полуденнаго края ,
 Вполнѣ чаруетъ пришлецовъ !
 Когда кочующія льдины
 Въ моряхъ лучъ солнца разобьѣтъ ,

Когда весна сады, долины,
 Въ нарядъ богатый уберётъ;
 Ярчѣй заблещетъ сводъ зѣира,
 На радость Божіаго міра —
 И, новой прелести полна,
 Вдругъ заликуетъ вся страна
 На пышномъ праздникѣ природы;
 Какъ быстро, весело тогда
 Стремятся по морю туда
 И корабли и пароходы !

Въ счастливый край летитъ торгашъ,
 Корысти жаждой увлеченный;
 Туда художникъ вдохновенный
 Несётъ свой пылкій карандашъ;
 Страннолюбивый путникъ бродитъ
 То по садамъ, то по горамъ :
 Своимъ восторгамъ и мечтамъ
 Онъ пищу новую находитъ —
 И, очутясь на тѣхъ берегахъ,
 Поэтъ, своимъ призваньемъ гордый,
 Берётъ нежданные аккорды
 На очарованныхъ струнахъ !
 Тамъ ищутъ нѣгъ уединенья
 И сладкаго отдохновенья

Вельможа, воинъ, гражданинъ ,
 Въ тиши садовъ, въ тиши долинь —
 И тамъ же путницы младыя,
 Тавриды гости удалыя,
 На борзыхъ скакунахъ порой
 Кой-гдѣ мелькали предо мной!
 Я помню скалы *Парвениты* (5)
Юрзүфъ, *Артёкъ* и знаменитый
Никитскій садъ, куда труды
 Переманили издалёка —
 Съ полудня, запада, востока ,
 Деревья, травы и кусты
 И лозы Вакха и цвѣты:
 Они, красуясь тамъ и зрѣя
 Предъ ликомъ славнаго Линнея ,
 Какъ дань, принести ему спѣшать
 Свой злакъ, свой плодъ, свой аромат! —
 А пристань *Ялты* обновленной? (4)
 А *Орианды* незабвенной
 И домъ надъ моремъ и балконъ ,
 Гдѣ въ полночь насъ лелѣялъ сонъ ,
 Подъ рокоть волнь и плескъ фонтана ,
 Когда стыдливая Діана
 Въ раздумьи шла по небесамъ?
 Оттуда видно было намъ

Чело *утёса-великана*.

Какъ змѣй обвивъ его кругомъ,
 Въ него вцѣпился плющъ ветвистый;
 Но онъ стоитъ—гигантъ кремнистый,
 А крестъ, воздвигнутый на нёмъ,
 Теряся за облаками,
 Высокo блещетъ надъ горами!
 Рѣдѣль туманъ со всѣхъ сторонъ
 И былъ денницей озлащёнъ
 Лѣсистый берегъ *Ай-Тодора*, (5)
 Какъ мы чрезъ *Гаспру*, *Курейсб*,
 На борзыхъ коняхъ пронеслись —
 И ужъ подъ лаврами *Мисхора*,
 Осеребрёнными росой,
 Гуляли радостной семьёй!

Отраднѣе часъ! Внизу шумѣло
 И ярко, пышно голубѣло
 За нами море, какъ эфиръ;
 Рѣзвился утреннѣе зѣфиръ
 То по садамъ, то надъ водами,
 И тиховѣйными крылами
 Онъ разстилалъ вдоль береговъ
 Благоуханіе цвѣтовъ.
 Какъ стражъ Тавриды мощнѣе, строгѣе,

Ай-Петри—исполинъ двурогій, (6)

Терялъ вершину въ небесахъ.

Ужь въ *Гаспрѣ* благовѣсть раздался,

А съ минаретовъ отзывался

Знакомый кличь : Аллахъ! Аллахъ!

Ужь между горъ грохочутъ взрывы, (7)

Солдаты блуждаютъ взадъ впередъ,

Чтобъ поберёгся пѣшеходъ

Или вздохъ нетерпѣливый.

Въ тѣни орѣховыхъ деревь , (8)

Съ растрѣпанными волосами,

Татарки тихими толпами

Ужь собираютъ дань плодовъ —

И *Он-башы*, лихой татаринъ,

Ужь по деревнѣ пробѣжалъ,

Чтобы недолго коней ждалъ

Какой-то знатный, важный баринъ.

Я помню, Графъ! Вашъ *Элендсб!* (9)

Сосѣдъ *Мисхора*, надъ садами

Свои гранаты онъ вознёсъ,

Гордясь ихъ рдяными плодами:

Мы тамъ понѣжались два дни

Въ успокоительной сѣни!

Красой полуденной природы

Вполнѣ мы насладились тамъ :
 То звучно плещущія воды
 Манили насъ къ морскимъ брегамъ ;
 То вновь мы возводили взоры
 На грозныя Тавриды горы ,
 Которыхъ исполинскій лѣсъ ,
 Чернѣясь на краю небесъ ,
 Казался намъ едва кустами.
 Поляны кое-гдѣ стадами
 Пестрѣли издали. Орлы
 Со скалъ метались на скалы ,
 Иль крылья распустивъ широко ,
 Какъ ткань летучихъ парусовъ ,
 Они, чуть зримые, высоко
 Тонули въ области громовъ !

Я помню дивную картину : (10)
 Былъ полдень. Солнца жаркій лучъ
Ай-Петри позлащаль вершину.
 Всѣ тихо. Вдругъ ея средину
 Подернула завѣса тучъ —
 И засверкали молній стрѣлы ,
 И буря поднялась кругомъ ,
 И, горь перунъ освиръпѣмый ,
 Зарокоталь незапный громъ !

Дождь хлынулъ . . . . а горы вершина
 Была безмолвна, какъ долина,
 Когда горитъ надъ ней луна,
 Деревьевъ вѣтеръ не колышетъ
 И вся природа нѣгой дышетъ,
 Въ часы полуночнаго сна!

Окинувъ разъ еще глазами
 Очаровательный *Мисхоръ*
 И *Гиспру*, *Курейсъ* съ садами,
 Съ картиной зданій, скаль и горъ,
 Мы съ ними подъ вечеръ простились.
 Ужъ свѣтозарный царь свѣтилъ
 Къ закату весело спѣшилъ,
 Морскія воды чуть струились,
 Была повсюду тишина —
 И вотъ уже близка она,
 Красавица бреговъ Тавриды,
Алупка — рая уголокъ! (11)
 Сады, достойные Армиды,
 Сплели завидный ей вѣнокъ
 И прилегло, какъ бы ласкаясь,
 Къ нимъ море зеркальнымъ стекломъ,
 Чтобы раздольно отражаясь,
Алупка любовалась въ нѣмъ!

Забуду ли ея каскады
 И водометы и пруды ,
 И кипарисы и гранаты ,
 Оливы, лавры иль цвѣты ,
 Которыми какъ бы унизанъ
 Или узорчато расписанъ
 Волнистой бархатъ дерновѣй?
 Неутомимую рукой
 Тамъ, на привольномъ новосельѣ ,
 Богатымъ гроздамъ чуждыхъ странъ
 Пріютъ гостепрѣимный данъ :
 Какъ дорогое ожерелье ,
 На лозахъ ягоды висять ,
 Топазомъ, яхонтомъ горять !
 Дома татарскіе красиво
 Раскинуты по высотамъ :
 Безъ нуждъ, самодовольно тамъ
 Живетъ народъ, вполне счастливый ,
 И тѣшитъ правовѣрныхъ взоръ ,
 Въ виду величественныхъ горъ ,
 Мечети куполь горделивый. (12)
 Затмивъ окружныхъ зданій рядъ ,
 Плѣняетъ путника громада
 Зелѣнокаменныхъ палатъ. (13)
 Близъ нихъ-то, честь и прелесть сада,

Пирамидальные стоятъ
 Два кипариса. Князь Тавриды,
 Герой-счастливецъ знаменитый,
 Ихъ насадилъ рукой своей,
 На память вѣчно-славныхъ дней;
 А сохранилъ нашъ современный
 Достойный гражданинъ-герой
 Въ своей *Алупкѣ*, обновленной
 Его заботливой рукой.
 Тамъ отъ высокихъ попеченій
 О благѣ края, отъ трудовъ,
 Онъ отдыхаетъ, добрый Геній
 Цвѣтущихъ Крыма береговъ!

И намъ *Алупка* подарила,
 Въ садахъ плѣнительныхъ своихъ,
 Минуты радостей прямыхъ:
 Одна лишь хладная могила
 Погасить въ памяти моей
 Воспоминанія объ ней!

Помчавшись далѣе горами
 Мы, по пути въ *Кикинейсѣ*, (14)
 Ужъ миновали *Симейсѣ*
 Съ его прекрасными садами.

Разнѣжена, растворена
 Для радости, для наслажденій ,
 Моя душа была полна
 Невыразимыхъ впечатлѣній —
 И чтожь? о страхъ! передъ собой
 Мы вдругъ узрѣли міръ иной:
 Всё небо сумракомъ одѣлось
 И солнце, безъ лучей, видѣлось
 Сквозь тучь оранжевымъ пятномъ . . . .
 Ужели буря вновь? Кругомъ
 Всё выше, диче и крутѣе ,
 Непроходимѣе, грознѣе ,
 Скала повисла надъ скалой ,
 Гора чернѣетъ надъ горой !
 Нѣтъ зелени: лишь предъ глазами
 Коё-гдѣ пестрыми слоями
 Граниты, мраморы растутъ.
 Тропинки узкія ведутъ
 Какъ будто въ область привидѣній,
 Въ міръ Дантовыхъ героевъ ! . . . . Страхъ
 Кружитъ всё зримое въ очахъ ,
 Дрожать у путника колѣни . . . .
 И прискакавъ къ *Лимѣну*, онъ (15)
 Невольно отклоняетъ взоры !
 Тамъ путь предъ нимъ загромождёнъ.

Разбросаны со всѣхъ сторонъ ,
 Растерзаны на части горы —
 И въ горахъ на землѣ лежать
 И въ морѣ изъ подъ водъ торчатъ !
 Была ужасная година !
 Природа вызвала на бой
 Громаду горъ — и ихъ вершина ,
 Потрясшись подъ ея рукой ,
 Низверглась съ грохотомъ долой . . . . .
 И тамъ, гдѣ нѣкогда садами
 Цвѣтистый берегъ убранъ былъ ,
 Она разсыпалась грядами
 И зачернѣла надъ водами ,
 Какъ безобразный рядъ могилъ !

Таковъ ужасный видъ *Лимена* !
 Но смѣло мы впередъ спѣшимъ —
 И у подножія *Мердвена*, (16)
 Вновь изумленные, стоимъ !
 Вверхъ по горѣ, почти отвѣсно,
 Проложены ступени тамъ
 И съ низу кажутся глазамъ
 Какой-то лѣствицей чудесной ,
 Ведущей прямо къ небесамъ !
 Но конь татарскій не споткнѣтся

И смѣло на *Мердвенѣ* внесётся
 Лишь покорись, ѣздокъ молодой,
 Его отвагѣ удалой!
 Не разъ у ногъ твоихъ клубами
 Сольются въ тучи облака;
 Но, очутясь подъ небесами,
 За то ты гордыми очами
 На землю взглянешь съ высока!

• Когда бушуетъ непогода,
 Въ ту пору часто наши сны
 Тревожны, страшны и темны —
 Ужь такова людей природа!
 Но если, вдругъ пробужденъ,
 Мы утромъ, вмѣсто бурей свиста,
 Услышимъ пѣнье соловьевъ,
 Поляна вновь свѣжа, душиста,
 И нѣтъ на небѣ облаковъ,
 Какъ эти радости мгновенья!
 Восторгъ нашъ былъ вполне таковъ,
 Когда земнаго разрушенья
 И неизбежно-тяжкихъ бѣдъ
 Сталь исчезать за нами слѣдъ,
 Что перелетная кручина;
 Когда вблизи *Кикинейсѣ* (17)

Зазеленѣлъ, какъ оазисъ ,
 Когда *Байдѣрская долина* ,
 Ужь осребренная луной ,
 Предъ нами пышной пеленой
 Въ часы полночи разостлалась !

Едва денница разыгралась
 На пробужденныхъ небесахъ,
 Мы очутились на брегахъ (18)
 Гостепріимной *Балаклáвы*.
 Развалины минувшей славы ,
 Чернѣютъ башни по горамъ :
 Онѣ стоятъ на зло вѣкамъ !
 Надъ узкой моря полосой ,
 Неприхотливъ и одинокъ ,
 Раскинуть, словно надъ рѣкою ,
 Привольный Грековъ городокъ.
 Двумя огромными скалами
 Недалеко, какъ воротами ,
 Предъ моремъ бухта заперта ;
 И къ ней-то держать путь суда
 При равноденственной невзгодѣ ,
 Когда, бушуя на свободѣ ,
 Эвксинъ разгнѣванный кипить
 И флотамъ гибелью грозить.

Тогда не дремлют ни минуты
 Воинственные *Арнауты!*
 Нѣтъ! быстро въ лодкахъ по водамъ
 Они летаютъ здѣсь и тамъ,
 Какъ Элины Архипелага;
 Не сводятъ съ моря зоркихъ глазъ —
 И погибавшимъ много разъ
 Была спасеньемъ ихъ отвага;
 Но *Арнауты* - удалцы
 На брегъ тѣже молодцы!

Въ одной семьѣ ихъ сохранилась
 Дюныя былъ минувшихъ дней.
 Она тамъ бережно таилась
 Отъ равнодушія людей;
 Лишь поколѣньямъ поколѣнья
 Ее завѣтною молвой,
 Передавали бы порой,
 Чтобъ на нее туманъ забвенья
 Не лёгъ печальной пеленой!

Кипѣла брань. Подъ знамя славы
 Непобѣдимый нашъ Орловъ (19)
 Скликалъ Морейскихъ храбрецовъ,
 На страхъ Османскія державы.
 Они помчались толпой,
 Какъ бы на пиръ, въ кровавый бой;

Отважно Мусульманъ разили
 И лавры съ Русскими дѣлили;
 Когдажъ подѣ Чѣсмою врага
 Уже смирилъ герой счастливый
 И полумѣсяцъ горделивый
 Предѣ нимъ склонилъ свои рога,
 Сыны Морен удалые, (20)
 Покинувши края родные,
 Приютъ радушный обрѣли
 Въ предѣлахъ Русскія земли.
 Межъ тѣмъ, по маію судьбины,
 Былъ близокъ часъ тотъ наконецъ,
 Когда рука Екатерины
 Прияла Таврию вънець;
 Но вдругъ на берегахъ Кубани (21)
 Возникъ мятежъ — и отъ Тамани
 До Ахтіара вся страна
 Незапно стала жертвой брани.
 Тогда подѣ наши знамена
 Дружины Грековъ вновь стеклися,
 Заслыша имъ знакомый зовъ —
 И Божьей карой понеслися
 Вдоль южныхъ Таврию береговъ.
 Татаръ приморскія жилища
 Преобратили въ пепелища,
 Кровь заклубилася рѣкой;
 Но эти витязи Элады
 Въ бою невѣдаютъ пощады!
 Межъ ними Арнаутъ молодой

Всѣхъ непреклонный и грозный:
 Съ отрядомъ воиновъ своихъ
 Онъ мчится далѣе, быстрѣе,
 И въ громъ битвы всѣхъ звучитъ
 Мечи губительные ихъ!
 Напрасно вопять старцы, жёны—
 Ему смѣшны ихъ крикъ и стоны:
 Какъ левъ голодный разъярёнъ,
 Одной лишь крови жаждетъ онъ!

Вотъ, не вдали отъ *Аудэга*,
 Село на берегу морскомъ;
 Вотъ видѣнь Ибрагима домъ —
 И нашихъ храбрецовъ ватага,
 Перелетѣвши по горамъ,
 Ужь рѣжется, бушуетъ тамъ!
 Ихъ смѣлый вождь одной рукою
 Къ заливу старика влачить;
 Въ другой Албанскій мечъ блеснить
 Надъ похвѣвшей головою —
 И вдругъ отпрынула она,
 И въ море съ берега упала,
 И шумно кровь заклокотала —
 И побагровѣла волна!
 А нашъ герой всё далѣе, далѣе!
 Мирзы гаремъ—обитель жёнъ,
 Ужели будетъ пощажёнъ?
 Туда!... Но въ бѣдомъ покрываетъ,
 Какъ призракъ полночи страшна,

Мелькнула пльинница одна
 И вдругъ, завидя Арнаута,
 Поверглась ницъ . . . . . еще минута
 И хладный трупъ была бь она!
 Но роковое покрывало
 Скатилось вдругъ съ лица и плечь —
 И сердце въ нёмъ затрепетало
 И отскочилъ далёко мечъ!
 Въ очахъ погасло пламя гнѣва . . . .
 Очаровательная дѣва,
 Бреговъ Таврическихъ краса,
 Предъ нимъ трепещеть, жизни просить —
 И взоръ вперивши въ небеса
 Аллаха имя произносить!
 Блистають черные глаза
 Ярче звѣздъ. Ея коса
 Небрежно темными зыбями
 По бѣлымъ стелется плечамъ,
 Стань, какъ младая пальма, прямъ;
 Ужь перси нѣгой жизни дышать,
 Какъ будто пору страсти слышать —
 И вдругъ, стыдливость юныхъ лѣтъ
 Румянить скромныя ланиты:
 Предъ ними блѣдень розы цвѣтъ,
 Рососою утренней омытй!
 И словно истуканъ предъ ней
 Ламбрѣко, подлый обаянья:
 Бѣжали слезы состраданья
 Изъ голубыхъ его очей!

Вдругъ шибко онъ махнулъ рукою —
 И стихнулъ безпощадный бой:
 Его товарищи толпою
 Добычу дѣлятъ межъ собой
 Иль въ домъ Ибрагима рыщутъ ;
 Но тщетно тамъ червонцевъ ищутъ:
 Знать, чуя близкій свой конецъ,
 Въ землѣ ихъ утаилъ скупецъ !

Но не сокровища мірскія
 Тебя пльняютъ и влекутъ,
 Мой благородный Арнаутъ !
 Нѣтъ, ты постигъ тогда впервые
 Очарованія инныя —
 И загорѣлась для тебя
 Любви прекрасная заря!
 Но вотъ, победу возвѣщая,
 Уже летятъ во всѣ концы
 По полуострову гонцы:
 Ужъ эхо брани, затихая,
 Чуть слышно было между скалъ —
 И скоро, какъ весна золотая,
 Благословенный миръ насталъ.

На *Аюддэгъ* былъ когда-то (22)
 Уединенный монастырь,
 Обросшій лѣсомъ — и туда-то
 Направилъ путь нашъ богатырь
 Съ его добычею прекрасной;

Её обвивъ своимъ плащемъ
 И глядя бережно кругомъ,
 Искалъ тропинки безопасной
 Среди развалинъ вѣковыхъ —
 И скоро въ сумракъ пещеры
 Укрылъ онъ двѣ чуждой Вѣры
 Отъ безпокойныхъ глазъ людскихъ,
 Отъ злой молвы, отъ подозрѣнья!
 Невыразимыя мгновенья!
 Младаго сердца ясный пирь!
 Лишь горы, волны и эфиръ,
 Да гдѣсь — ихъ шопоту внимали.

Онъ.

Скажи, красавица моя!
 Кто ты, гдѣ родина твоя?

Она

Я сирота. Въ гаремѣ звали
 Меня Айше. Вскормлена
 Была я нянею-гречанкой.
 Разъ говорила мнѣ она,
 Что я въ гаремѣ рождена,
 Что мать моя могометанкой
 Слыла, а вѣрила въ Христа;
 Что снова на небо взята
 Ея душа, что, не страдая,
 Тамъ будетъ жить моя родная
 Какой-то жизнью неземной,
 Что грековъ Богъ святѣй Аллаха. ....
 Какъ вдругъ. .... (мы вздрогнули отъ страха);

Вошёлъ татаринъ къ намъ съдой;
 Въ гаремъ увёлъ меня съ собой,
 А няня безъ вѣсти пропала!
 Я лѣтъ семи была тогда
 И не забуду никогда,
 Какъ много плакала, скучала!....
 Когда же на моръ грозой
 Разбить корабль Мирзы весной,
 Невольницъ продалъ онъ съ досады:
 Осталось только три, да я —
 Съ тѣхъ поръ всегда ласкалъ меня,
 Дарилъ богатые наряды
 И имъ числа, бывало, нѣтъ;
 А разъ, меня онъ обнимая,
 Шепнулъ, что мнѣ въ шестнадцать лѣтъ
 Жить во дворецъ *Бахисарал*!

Онъ.

Такъ вотъ какой удѣлъ злодѣй
 Предназначалъ невинной ей. ....

Но замеръ на устахъ Ламбрико
 Негодованія укорь —
 И въ сердцѣ дѣвы свѣтлою
 Зажёгъ любовь героя взоръ!

Среди дикихъ скалъ *Парвеніона*, (23)
 Гдѣ древле былъ *Діаны* храмъ,
 Гдѣ куполы *Орестедна*,
 Входили гордо къ небесамъ;

Гдѣ кровь лилась по берегамъ,
 И гдѣ въ рукѣ Микенской жрицы
 Блеснулъ надъ братомъ ножъ убійцы —
Георгія обитель тамъ
 Ужь возносила крестъ священный
 Предъ бурною пучиной водъ.
 Тамъ, межъ развалинь, зрѣлся гротъ,
 Когда-то Нимфамъ посвященный —
 И въ этомъ гротѣ Арнаутъ
 Обрѣлъ съ подругою пріютъ.
 Тамъ взоръ татарина ревнивой
 Грозить не могъ четъ счастливой,
 А колоколь монастыря
 Звучалъ ей вышней благодатью.

Уже затеплилась заря,
 Къ молитвѣ призывая братью;
 Но ктожь медлительной спопой,
 Такою раннею порой,
 Какъ тать, между развалинь, бродить?
 Ужьель невѣренъ и средь нихъ
 Пріютъ любовниковъ монахъ?
 Но солнце яркое восходить —
 И чтожь? пустынникъ то съдой,
 Съ Распятіемъ въ рукѣ десной,
 Съ челомъ открытымъ. Рясой чёрной
 Онъ, словно облакомъ, обвить —
 И, долгу пастыря покорной,
 На зовъ Ламбрико онъ спѣшитъ,

Чтобъ стадо вѣрное Христово
 Украсить агницею новой —
 И вотъ ужъ заблесталъ на ней
 Животворительный елей:
 Ликуеть дѣва молодая —
 И просвѣтителемъ она
 Еленою наречена!
 Любовью чистою пылая,
 Блаженствуетъ ея женихъ!
 Заўтра бракъ свершится ихъ:
 Трепещетъ сердце молодое —
 И онъ считаетъ каждый мигъ....
 Тогда злорѣчье людское
 Посмѣетъ ли коснуться ихъ?....

Ужь ночи мирными крылами
 Объять безлунный небосклонъ,
 Лишь кое-гдѣ межъ облаками
 Чуть видны звѣзды надъ водами —
 И сладостень Елены сонъ!
 Порой улыбкой оживлялись
 Уста прелестныя ея;
 Но грезы грезами смѣнялись
 И слышно перси волновались
 И билось сердце у нея!
 Межъ тѣмъ одинъ во мракѣ ночи
 Ламбрико бережетъ покой
 Своей подруги молодой!
 Вдругъ дѣва открываетъ очи....

И чтожь? какъ смерть она блѣдна,
 А запоздалая луна
 Между разсѣлинъ грота блещеть
 И лучъ серебряный трепещеть
 На мхомъ подернутой стѣнѣ!

Е л е н а .

Нѣтъ! это было не во снѣ!
 Здѣсь мать я видѣла впервые!
 Покинувъ страны неземныя,
 Съ улыбкой ангельскою мнѣ
 Во всей красѣ она предстала
 И, обнимая, называла
 Меня Еленою своею.
 Какъ у живой, огонь очей
 Былъ ярокъ, а чело горѣло
 Какимъ-то радужнымъ вѣнкомъ;
 Она предстала—и кругомъ
 Всѣ въ этомъ гротѣ посвѣтѣло!
 Она мнѣ молвила: «Теперь
 « На краткій срокъ могилы дверь
 « Сама открылась предо мною —
 « И въ эту радостную ночь
 « Могу я Христіанку-дочь
 « Благословить своею рукою!
 « А прежде, жертва слѣпоты,
 « Меня могла ли видѣть ты?
 « О, нѣтъ! Но нынѣ, въ лучшей долѣ,
 « Ты будь моею покорна волѣ!
 « Узнай: въ стѣнѣ, въ жилищѣ томъ,

« Гдѣ родилась ты сиротою,
 « Обвитый алою парчою
 « Паргаментъ скрмла я: на нёмъ,
 « Во дни тоски и заточенья
 « Подъ небомъ чуждой стороны,
 « Души и сердца откровенья,
 « Утраты, скорби и мученья
 « Моимъ перомъ сохранены!
 « Но для тебя, о другъ мой милый,
 « Неизглагоданною силой
 « Мой чудный свитокъ надѣленъ!
 « Всѣхъ вашихъ талисмановъ онъ
 « И драгоценнѣй и вѣрнѣе!
 « Спиши же, дочь моя, скорѣе
 « Имъ овладѣть: какъ дивный щитъ,
 « Тебя отъ бѣдъ онъ охранитъ!
 « Когда же дерзко отвергая
 « Чудесный свитокъ—мой завѣтъ,
 « Ты безъ него, о дочь младая,
 « Исполнишь брачный свой обѣтъ,
 « Тогда немолчною грозю
 « Часъ отъ часу громчѣй, громчѣй,
 « Лишь будутъ слышны надъ тобою
 « Проклятья матери твоей!»

И вдругъ изъ глазъ ея, блистая,
 Упала на меня слеза;
 Смотрю—и гостя неземная
 Умчалась вновь на небеса!

Велѣнью тайному покорной,
 Ужь поскакаль стезѣй нагорной
 Ламбрико на дихомъ конѣ:
 Онъ держитъ путь къ той сторонѣ,
 Гдѣ скрытъ въ оставленномъ гаремѣ
 Чудесный даръ! — Женихъ молодой,
 Какъ Спарты древнія герой,
 Величественъ и гордъ! — На шлемѣ
 Играетъ солнца яркій лучъ,
 А море весело и мирно —
 И нѣтъ на синевѣ ээирной
 Зловѣщихъ, передѣтныхъ тучъ!

Межъ тѣмъ Елена въ темномъ гротѣ,
 Порой вадыхая, друга ждѣтъ:
 Ее пустынный бережѣтъ;
 Когдажъ на дальнемъ небосводѣ
 Заря вечерняя блеснѣтъ,
 Ламбрико общалъ... и снова
 Подъ сѣнь хранительнаго крова
 Онъ долженъ быть, онъ будетъ къ ней....
 А всё и далѣ и быстрѣй
 Его уносить конь ретивый....
 И вотъ, среди надводныхъ скалъ,
 Домъ Ибрагима увидалъ
 Нашъ Арнаутъ нетерпѣливый.
 Ужь тамъ онъ.... Чуткою рукой
 Находитъ свитокъ дорогой
 И шибче легкокрылой птицы

Спѣшить къ подругѣ молодой,
 Чтобы завѣтныя страницы
 Съ ней развернуть, а до того
 Ихъ скрѣль у сердца своего. . . .
 Вдругъ шумный говоръ, конскій топотъ
 На полпути слышалъ онъ —
 И Арнаутовъ легионъ
 Его настигъ. Ихъ пени, ропотъ —
 Онъ вынесъ всё, онъ побѣднѣлъ,
 А тайны вымолвить не смѣлъ!
 И снова, долгу возвращенный,
 По берегу, вооруженный,
 Бродить онъ будетъ цѣлый день;
 Когдажъ спадѣтъ ночная тѣнь,
 Никѣмъ незримый, онъ помчится
 Туда, гдѣ ждѣтъ его краса. . . .
 Но чтоже сумракъ не дожится
 На голубыя небеса?
 Нѣтъ, благодатный сумракъ ночи
 Не радуеть Ламбрико очи:
 Всѣ ходить по сердцу тоска. . . .
 Глядитъ: неждано облака
 Надъ моремъ, словно дымъ волкана,
 Взвились, а вѣтеръ здѣсь и тамъ,
 Ихъ стелеть пеленой тумана
 По взбунтовавшимся водамъ!
 Уже чудовища морскія
 Пустились, чуя бурю, въ бѣгъ:
 Валы режутъ, терзаютъ брегъ,

Гроза сильнѣетъ, Вѣковыя
 Деревья падаютъ съ горы.
 Ужь Арнаутскіе костры
 Погасли. Мракъ невыразимый
 И свистъ и гулъ со всѣхъ сторонъ;
 Но ихъ безстрашный легіонъ
 Не сходитъ съ берега: межъ ними
 Ламбрико тотъ же, что въ бою:
 Казалось онъ любовь свою
 Забылъ въ бѣдѣ. Вотъ имъ сдаётся,
 Что въ морѣ слышны голоса;
 Глядятъ: корабль къ скаламъ несётся,
 То уходя подъ небеса,
 То поглощаемый волнами —
 И разлетаются клокѣми
 По волю вѣтра паруса.
 Ужь мачта, треснувъ, упадаетъ
 И очутилась у береговъ;
 Крикъ погибающихъ пловцовъ
 Всѣ внятнѣй къ стражѣ добѣгаетъ —
 И, долгу своему вѣрна,
 Помчалась въ катерѣхъ она,
 Корабль настигнула, спасаетъ
 Кого спасти еще могла,
 Другихъ пучина погребла.....
 Корабль исчезнулъ подъ водами.....
 Но гдѣ жъ Ламбрико молодой?
 Не впереди ль онъ былъ съ друзьями,
 Въ часы невзгоды роковой?

Она стихаетъ постепенно.....
 Ужь удалцы съ толпой спасенной
 На берегъ вышли, а его
 Всѣ нѣтъ, героя моего!
 Ужель стезею потаенной
 Отъ нихъ опять онъ скрыться могъ ?
 Взяло товарищей сомнѣнье —
 Но передъ ними въ то мгновенье
 Волна плеснула на песокъ —
 И чтожь? съ доской въ рукѣ и блѣдный
 Вдругъ выброшенъ Ламбрико бѣдный...
 Они къ нему—и на плащахъ
 Его качаютъ—всѣ напрасно !
 Ужь онъ не оживѣетъ, несчастный!....
 И со слезами на очахъ
 Всѣхъ больше вопить между ними
 Героя другъ—Майнотъ молодой!
 Онъ говоритъ: « Въ странѣ одной
 « Съ нимъ родился мы и прямыми
 « Дружьями были съ юныхъ дней!
 « Знать предназначень онъ судьбою
 « На жертву гибельныхъ зыбей!
 « Я живо помню: разъ толпою
 « Пираты, въ Майну налетя,
 « Ее громили на просторѣ —
 « И чтожь? отважное дитя,
 « Онъ отъ мечей ихъ скрылся въ морѣ
 « На утломъ чѣлнѣ рыбака!
 « И шла молва про смѣльчака,

« Что невозвратно поглотила
 « Его бездонная могила ;
 « А между тѣмъ чудесно онъ
 « Былъ къ Негропону донесёнъ
 « И возрасталъ тамъ сиротою.
 « Когда же Греціи сыновъ
 « На славный бой созвалъ Орловъ,
 « Младой Ламбрико вновь со мною
 « Сведенъ могучею судьбою :
 « Съ тѣхъ поръ въ дни мира и войны
 « Другъ другу были мы вѣрны ;
 « Свѣтилось ярко чести пламя
 « Въ его душѣ, въ его очахъ,
 « И наше Эллинское знамя
 « Не опозорилъ онъ въ бояхъ !»

И Арнаутскими мечами
 Уже могила межъ скалами
 Была изрыта для него ;
 Но лишь холодный трупъ его
 Приподнять воинъ руками ,
 Къ ногамъ ихъ чудный свитокъ вдругъ
 Упалъ — и, какъ героя другъ,
 Майнотъ имъ овладѣлъ.

Съ мольбами

Обрядъ печальный совершёнъ —
 И на пригробное рыданье
 Лишь отвѣчало волнъ роптанье
 И былъ пронзительнъ ихъ стонъ !

Едва зари лучи златые
 Воспламенили неба сводъ,
 На холмъ друга былъ Майнотъ —
 И тамъ страницы роковыя
 Открылъ онъ бережно впервые;
 Но лишь послѣдняя одна
 Порывомъ волнъ пощажена :

..... « Ненастной полночи завѣса
 « Мрачила брегъ Пелопонеса ,
 « Когда печальною рабой
 « Я край покинула родной.
 « Тогда угрюмо было море ;
 « Но, презирая бури, вскорѣ
 « Домчалъ насъ грозный Ибрагимъ
 « Къ скаламъ Таврическимъ своимъ,
 « И здѣсь, назвавъ меня турчанкой ,
 « Онъ съ престарѣлою гречанкой
 « Въ тюрьмѣ тайлъ насъ для того,
 « Что мы лишь вѣдали его
 « Злодѣйства!...Здѣсь онъ былъ прославленъ,
 « Богатъ! .... Но я же наконецъ
 « Открою кто онъ: обезглавленъ
 « Его рукою твой отецъ !
 « Погубленъ имъ въ свободной Майнѣ
 « Ламбрико—твой несчастный братъ !
 « Мирза же Ибрагимъ былъ втайнѣ
 « *Архипелажскихъ водъ Пиратъ!* »

Съ тѣхъ поръ покрыта вѣчной мглою
 Судьба Елены молодой;
 Лишь слухъ носился, что порою
 Пловцы видали надъ скалою
 Какой-то призракъ въ часъ ночной;
 Что тамъ не рѣдко голосъ дикой
 Кричалъ: «ко мнѣ, ко мнѣ Ламбрико!»
 И что межъ ними та скала
 Скалою дѣвы прослыла! (24).

. . . . .
 . . . . .

Такъ, Арнауты-удальцы
 Въ бояхъ и мирѣ молодцы!
 Патріархальными семьями,
 Страннопріимно надъ водами,
 На новой родинѣ своей,
 Они живутъ вблизи полей!
 Ихъ рощи и сады тѣнисты,
 Луга раздольные цвѣтисты,
 Надъ ними ясны небеса,
 Ихъ дѣвъ заманчива краса
 И очи дивныя огнисты!

. . . . .
 . . . . .

Здѣсь кончу бѣглый абрисъ мой!
 Здѣсь распрощаюсь я съ краями,
 Гдѣ, очарованной душой
 Плѣняясь юга красотой,
 Мы, Графъ, блаженствовали съ вами!
 Мнѣ будутъ памятны они —
 Невозвратимые тѣ дни!

P: S: Такъ трудъ мой возрасталъ въ тиши!...
 Птенецъ задумчивой души
 И перелѣтныхъ вдохновеній,
 Онъ много, много наслажденій
 Навѣдалъ на меня въ глуши.....
 Чтожъ встрѣтитъ онъ на прагъ свѣта?
 Улыбку ль ясную привѣта,
 Иль мрачный аристарха взоръ
 И беспощадный приговоръ —
 Отраву для души поэта?
 Чтобъ ни было, я ждать готовъ
 Колючихъ терній, иль цвѣтовъ.....

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ДВѢНАДЦАТОМУ.

(1) Сталь весь — блистательною дачей!

Это не гипербола. Надобно видѣть, какъ отстроень теперь южный берегъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе украшаемый!

(2) Тъ съ полнымъ золота мѣшкомъ,
Другіе съ тощимъ кошелькомъ,
Въ край плодоносный устремились.

Дѣйствительно и богатые и бѣдные люди, убѣдясь въ выгоды имѣть виноградники и сады на южномъ берегу Крыма, стали, съ нѣкотораго времени, пріобрѣтать тамъ земли, покупая ихъ у Татаръ и прежнихъ разнаго званія владѣльцевъ. Кромъ того, благодѣтельное правительство наше, всегда готовое споспѣшествовать частнымъ выгодамъ, на которыхъ основываются и общія, предоставило, по ходатайству Его Сіятельства Графа М. С. Воронцова, въ пользу частныхъ людей, значительное пространство земли въ *Магаракъ*. Эта земля обращена въ вѣчную собственность тѣхъ лицъ, которыя въ продолженіи 4-хъ лѣтъ воздѣлали на ней извѣстное количество лозъ. Безкорыстное усиліе правительства увѣнчалось успѣхомъ; а съ распространеніемъ виноградныхъ плантацій возвысилась и цѣнность земли. Во время моего путешествія десятина не разработанной продавалась отъ 5-ти до 6-ти тысячъ рублей.

(3) Я помню скалы *Парвениты*,
Юрзуфъ, *Артѣкъ* и знаменитый
Никитскій садъ, куда труды
 Переманили издалѣка
 Съ полудня, запада, Востока
 Деревья, травы и кусты
 И лозы Вакха и цвѣты :
 Они, красуясь тамъ и зрѣя
 Предъ ликомъ славнаго Линнея ,
 Какъ дань принести ему спѣшать
 Свой злакъ, свой плодъ, свой аромать !

Парвенита — татарская деревня. Тамъ замѣчательны огромныя деревья волошскихъ орѣховъ, изъ которыхъ одно могло бы укрыть подъ тѣнью своею человекъ сорокъ всадниковъ. Подъ этимъ-то деревомъ писалъ когда-то Принцъ Делинъ извѣстное письмо къ Императрицѣ Екатерины Великой, въ которомъ изобразилъ красоту Тавриды. — *Юрзуфъ* — принадлежитъ Графу М. С. Воронцову и приобрѣтенъ имъ опѣ Герцога де Ришелье. *Артѣкъ* — имѣніе Генерала Потемкина. *Никитскій садъ* (Никита) принадлежитъ казнѣ : это блистательный разсадникъ виноградныхъ лозъ и произрастеній теплѣйшихъ климатовъ. Бюстъ знаменитаго Натуралиста Линнея воздвигнуть тамъ покойнымъ Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Н. П. Румянцовымъ, котораго имя навсегда останется въ лѣтописяхъ просвѣщенія.

- (4) А пристань *Ялты* обновленной?
 А *Оріанды* незабвенной
 И домъ надъ моремъ и балконъ и проч.

Счастливое положеніе *Ялты* обратило на нее вниманіе Правительства — и она изъ обыкновеннаго греческаго селенія можетъ, въ непродолжительномъ времени, сдѣлаться значительнымъ портовымъ городомъ. Пристань почти была уже кончена во время моего путешествія: другія постройки также производились. *Ялта* славится устрицами, которыя почитаются лучшими въ Крыму. — *Оріанда* раздѣляется на два владѣнія: одно, большее, принадлежитъ Государю Императору; другое (описанное мною) Графу Витту. Утѣсъ, о которомъ я упоминаю, поражаетъ путешественника своею огромностью. Татары называютъ его *Мегаби*: плющъ, толстый какъ дерево, вросъ въ него — и это еще болѣе придаетъ ему величія; крестъ же, поставленный на вершинѣ утеса, довершаетъ прелесть картины. Мнѣ кажется, что я безъ ошибки назвалъ его *великаномъ*.

- (5) Рѣдѣль туманъ со всѣхъ сторонъ
 И былъ денницей позлащѣнъ
 Лѣсистый берегъ *Ай-Тодѣра*
 Какъ мы чрезъ *Гаспру*, *Курейсбъ*,
 На борзыхъ кѣняхъ пронеслись —
 И ужъ подъ лаврами *Мисхѣра*,
 Осеребренными росой,
 Гуляли радостной семьей!

Ай-Годоръ — мысъ, гдѣ замѣчательны большіе можжевелники и развалины. *Гаспра* — дача, принадлежащая Князю А. Н. Голицыну, съ превосходнымъ нововыстроеннымъ домомъ; *Курейсъ* — Княгини А. С. Голицыной, постоянно живущей на южномъ берегу; *Мисхоръ* — имѣніе Л. А. Нарышкина: лавровыя рощи очаровываютъ тамъ путешественника.

(6) *Ай-Пётри* — исполинъ двурогій.

Вершина горы *Ай-Пётри* походить на два рога; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось.

(7) Ужь между горъ грохочутъ взрывы,
Солдатъ блуждаетъ взадъ впередъ,
Чтобъ поберѣтся пѣшеходъ
Или ѣздокъ нетерпѣливый.

Въ ту пору дѣлали шоссе въ горахъ. Караульные предупреждали путешественниковъ и жителей о взрывахъ, которые отъ времени до времени производились. Одному пороху покоряются эти громады. При разработкѣ земли для виноградниковъ, камни, въ ней растущіе, также взрываются порохомъ. Шоссе проложено будетъ гораздо далѣе отъ берега, что доставитъ возможность ѣздить въ экипажахъ; но предѣсть путешествія исчезнетъ. Надобно непременно видѣть эти ужасы природы, эти пропасти и горы, это море, которое почти безпрестанно передъ глазами, чтобъ прогулка по южному берегу была вполне поэтической. Ъдущіе по шоссе лишатся очарованія: море часто заслоняемо будетъ

горами—и кто захочетъ видѣть Тавриду въ ея природной наготѣ и прелести, тотъ всё таки поѣдетъ верхомъ на Татарской лошади, по прежней дорогѣ, и вѣрно каяться не будетъ!

- (8) Въ тѣни орѣховыхъ деревь ,
 Съ растрепанными волосами ,
 Татарки тихими толпами
 Ужь собираютъ дань плодовъ.

Огромныя орѣховыя деревья составляютъ одну изъ важныхъ статей татарскаго хозяйства. Мнѣ сказывали, что есть такія изъ нихъ, которыя приносятъ отъ 200 до 500 р. ежегоднаго дохода. При раздѣлѣ сыновей, татары не рѣдко назначаютъ имъ дерево волошскаго орѣха по полямъ (т. е. прибыль съ него); выдавая же дочь замужъ, предоставляютъ ей подобное дерево въ приданое. Въ обыкновенное, не праздничное время, особенно, сколько я могъ замѣтить, при работахъ, татарки ходятъ съ растрепанными волосами, что дѣлаетъ ихъ очень похожими на цыганокъ.

- (9) Я помню, Графъ, вашъ *Элендсб!*

Такъ называется небольшое имѣніе Графа В. П. Завадовскаго въ Крыму. Оно находится возлѣ *Мисхдра* и замѣчательно по превосходнымъ гранатовымъ деревьямъ, какихъ не много на всемъ берегу.

- (10) Я помню дивную картину и проч.

Я былъ очевидцемъ этой горной грозы и описалъ ее безъ преувеличенія.

(11) *Алупка*—рая уголокъ!

Алупка — имѣніе Графа М. С. Воронцова.

(12) И-тѣшитъ правовѣрныхъ взоръ,
Въ виду величественныхъ горъ
Мечети куполь горделивый.

Эта мечеть очень красива. Она построена иждивеніемъ Графа М. С. Воронцова для татаръ, живущихъ въ *Алупкѣ*, и они, показывая ее любопытствующимъ путешественникамъ, съ восторгомъ изъясняютъ глубокую признательность Его Сіятельству.

(13) Затмивъ окружныхъ зданій рядъ,
Плѣняетъ путника громада
Зелёнокаменныхъ палатъ.
Близъ нихъ-то, честь и прелесть сада,
Пирамидальные стоятъ
Два кипариса. Князь Тавриды,
Герой-счастливецъ знаменитый,
Ихъ насадилъ рукой своей
На память вѣчно-славныхъ дней.

Въ *Алупкѣ* спрочислся огромный домъ изъ зеленого камня (*grün stein*), тамъ же и добываемаго. Будучи выполированы, этотъ камень можетъ поспорить съ многими мраморами и гранитами. Въ Одесскомъ домѣ Графа М. С. Воронцова видѣлъ я коллону изъ него сдѣланную и выполированную: она прекрасна. Кипарисы, описанные мною, по-

сажены *из Алупки* руками Князя Потемкина-Таврическаго и они-то родоначальники встѣх кипарисовъ южнаго берега.

(14) Мы, по пути въ *Кикинейсѣ*
Ужъ миновали *Симейсѣ*

Симейсѣ — имѣніе Г. Мальцова, гдѣ между прочимъ и складка извѣстныхъ его стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, желѣза и проч. — *Кикинейсѣ* — прехестная деревня изъ 70 домовъ состоящая.

(15) И прискакавъ къ *Лимѣну*, онъ
Неволью отклоняетъ взоры.

Лѣтъ за тридцать было въ *Лимѣнѣ* землетрясеніе, обрушившее горы и завалившее сады и деревню, изъ которой однако жители успѣли уйти заблаговременно; ибо это несчастіе предвѣщено было трещинами въ скалахъ.

(16) И у подножія *Мердвѣна*,
Вновь изумленные, стоимъ.

Мердвекъ, скала или лѣстница — есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ возвышеній въ Крыму. Для достиженія вершины *Мердвѣна* надобно сдѣлать 800 шаговъ.

(17) Когда вблизи *Кикинейсѣ*
Зазеленѣлъ, какъ оазисъ,
Когда *Байдѣрская* долина
Ужъ осребренная луной, и проч.

Байдѣрская долина принадлежитъ Адмиралу Графу Н. С. Мордвинову.

- (18) Мы очутились на брегахъ
 Гостепріимной *Балаклáвы*,
 Развалины минувшей славы
 Чернѣютъ башни по горамъ :
 Онѣ стоять на зло вѣкамъ !

Городъ *Балаклáва*, оставляющій, благодаря гостепріимству его жителей, такое пріятное впечатлѣніе въ путешественникахъ, населёнъ Греками *Арнау́тами*, потомками Морейцевъ, изъ которыхъ Графъ Орловъ Чесменскій, въ войну съ Турками (1769 г.) составилъ пѣхотный баталіонъ. Развалины, которыя тамъ видны, суть остатки Генуэзскихъ укрѣпленій, по мнѣнію изыскателей древности. По берегу узкой бухты, отдѣлившейся отъ моря, расположенъ городъ: забывшись, можно подумать, что онъ стоитъ при небольшой рѣкѣ; я же называлъ его *одинокимъ* потому, что сама природа отвела ему, такъ сказать, уединенное мѣсто надъ гаванью. Въ мое время, храбрый Маіоръ Качіони командовалъ (а можетъ статья, и теперь командуетъ) Балаклавцами, которые, какъ Греки, отличаются удальствомъ на морѣ — и во время равенства, когда Черное море неукротимо бушуетъ, они нерѣдко спасаютъ плователей, застигнутыхъ бурей.

- (19) Непобѣдимый нашъ Орловъ
 Скликалъ Морейскихъ храбрецовъ.

См. предшествовавшее примѣчаніе.

- (20) Сыны Мореи удалые,

Покинувши края родные
 Пріютъ радушный обрѣли
 Въ предѣлахъ русскія земли.

Послѣ мира, заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи, они сперва поселились въ Таганрогъ.

- (21) Но вдругъ на берегахъ Кубани
 Возникъ мятежь—и отъ Тамани
 До Ахтіара вся страна
 Незапно стала жертвой брани.
 Тогда подъ наши знамена
 Дружины Грековъ вновь стеклися, и проч.

Безпрестанныя смуты, обнаружившіяся незадолго предъ покореніемъ Крыма, между Нагайцами и на берегахъ Кубани, принудили Императрицу Екатерину II окончательно завоевать полуостровъ. Тогда Греческій баталіонъ посланъ былъ чрезъ Арбатскую косу къ Кафѣ и безъ милосердія гналъ бѣдныхъ Татаръ до самой *Балаклавы*.

(См. Путешествіе Муравьева-Апостола стр. 102 и Guide d'un Voyageur en Crimée, par Mont. pp. 33 et 4).

- (22) На *Аюдэгъ* былъ когда-то
 Уединенный монастырь.

Развалины его еще и теперь видны.

- (23) Средь дикихъ скалъ *Пароеніона*
 Гдѣ древле былъ Діаны храмъ

Гдѣ куполы *Орестедна*
 Входили гордо къ небесамъ,
 Гдѣ кровь лилась по берегамъ
 И гдѣ въ рукѣ Микенской жрицы
 Блеснулъ надъ братомъ ножъ убійцы,
Георгія обитель тамъ
 Ужь возносила крестъ священный
 Предъ бурною пучиной водъ;
 Тамъ, межъ развалинь, зрѣлся гротъ
 Когда-то Нимфамъ посвященный.

Для поясненія этого мѣста моеѣ повѣсти, предлагаю
 выписку изъ Исторіи о Тавріи, Преосвященнаго Сестрен-
 цевича Богуша, изданной на Русскомъ языкѣ въ 1806 году,
 стр. 84 и 85.

. . . . . « Простираясь впередъ къ югу по морскому
 « берегу, мы обходимъ по оному три гавани и достигаемъ
 « мыса Пареніона, гдѣ стоитъ нынѣ монастырь Св. Геор-
 « гія. Тутъ путеводитель извѣщаетъ насъ, что на ономъ
 « мысѣ въ началѣ перваго вѣка былъ храмъ нѣкоторой двы
 « богини и истукамъ ея. Мы сравниваемъ и примѣняемъ къ
 « мѣстоположенію описаніе географа и изображеніе стихо-
 « творца, его современника (*Ovid. ex Ponto, lib. III. Ер. II*
 « *Cotta*). — Всѣ согласно: мы въ преддверіи храма, въ коемъ
 « поклонялись Діанѣ во время Оюаса; мы попираемъ части-
 « цы крови тысящей Грековъ, въ теченіи многихъ вѣковъ
 « на жертву принесенныхъ и пылъ жертвенника изъ бѣлаго

«храмора, на которомъ Ифигенія едва не умертвила брата своего: вотъ конечно мѣсто, гдѣ былъ жертвенникъ; вотъ «подножіе златаго истукана Діанина, похищеннаго Орестомъ.»

«Предъ глазами нашими лежитъ долина, съ коею всходитъ «ли ко храму чрезъ сорокъ ступеней, предъ которыми на- «ходилась посвященная Нимфамъ пещера. Сія ужасная «скала, коею вершина возвышается предъ прочими, а осно- «ваніе раздражаетъ тихія волны и презираетъ бури, есть «та самая, за коею скрывался Орестъ и избралъ удобное «время для похищенія Діаны. И такъ, нельзя сомнѣваться, «чтобы не на семь мысъ былъ воздвигнутъ храмъ Орестеона, не далеко отъ храма Діанина.»

Орестеднъ — былъ храмъ дружбы, воздвигнутый въ воспоминаніе взаимнаго самоотверженія Ореста и Пилада, изъ коихъ каждый хотѣлъ умереть другъ за друга, когда еще Ифигенія, родная сестра Ореста и дочь Микенскаго царя Агамемнона, готова была, по обязанности Діаниной жрицы, умертвить одного изъ пришельцевъ. Поднявъ уже руку, вооруженную ножомъ, она узнала въ Орестѣ своего брата.

(24) *Скалою дѣвы прослыла.*

Читатели припомнятъ, что мѣсто, гдѣ оканчивается повѣсть, есть та скала, близъ коей былъ храмъ *Дѣвы богини*: я думаю что поэтъ, раг analogie, имѣетъ право соединять преданія древности съ позднѣйшими вымыслами, лишь бы

последніе не оскорбляли первыхъ. Тамъ, гдѣ Ифигенія едва не принесла неузнаннаго ею брата въ жертву Діанѣ, тамъ Ламбрѣко, незнающій, что Елена сестра его, едва не совершилъ преступнаго брака.

КОМЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

страм.

Вступленіе. Украинская природа. Казацкія могилы. Дзвы Украины. Жизнь въ селѣ Драбовѣ. Про- гулка по степямъ. Бандуристь.	1
--	---

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Обѣдъ и балъ на Украинѣ.	9
----------------------------------	---

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Осень. Украинскіе селы. Козакъ. Козачка. Пѣсни Украины. Вечерницы. <i>Вьдѣлякъ</i> , народный раз- сказъ. Гроза въ степяхъ. Село Драбовѣ. Заклю- ченіе письма.	31
---	----

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. Лубны. Преображенская ярмарка.	55
---	----

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Отъездъ изъ Украины. Новороссійскій край. Утро. Бугъ. Николаевъ. Переправа. Дальнѣйшій путь. Черное море. Пересыпь. Одесса. Казино. Го- стинница Оттона. Ночь. Утро. Купанье въ мо- рѣ. Завтракъ. Магазины. Портные. Обѣды. Опе- ра. Пати-Барили и Тасистра — примадоны. Природа Одессы. Портъ. Просвѣщеніе. Буль- варъ. Памятникъ Ришелье. Графъ Воронцовъ. Общества.	70
--	----

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

стран.

Домъ Н. . . . . и Г. . . . . В. . . . . Сады. Библиотеки. Хутора. *Чудный незнакомец* (эпизодъ). Негоціанты. Одесса — городъ музыкальный. Сборы въ Крымъ. Недоумвініе. Утро. Корабль *Варшава*. Отплытіе въ Крымъ. . . . .

88

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Плаваніе *Варшавы*. Берегъ скрывается. Вечеръ на морѣ. Вечерняя звезда. Луна. Ночь. Тендра. Сонъ. Утро. Бытъ моряковъ. Тарканкутъ. Штиль. Чуть чуть не буря. Видъ Таврическихъ горъ. Поэтъ-сопутникъ. Севастополь. Херсонесъ. Инкерманъ. Якорь брошенъ. Капитанъ. Адмиралъ Кумани. Приглашеніе на Депутатскій смотръ. Корабль. Еще ночлегъ на немъ. Депутатскій смотръ. Корабли и Фрегаты. Пиръ на Чесмѣ. Херсонесъ. Воспоминанія. Инкерманъ. Казекли-Узень (черная рѣчка). Обломки города. Заключеніе письма. . . . .

102

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

Севастополь. Мечты. Бухты. Ушаковскій садъ. Взглядъ на городъ. Водопроводъ. Маяки. Докъ. Ловля черепахъ. Обѣды. Отъѣздъ въ Бахчисарай. Ночь. Прибытіе въ городъ. Ночь во дворцѣ. Утро въ Бахчисараѣ. Татары. Взглядъ на городъ. Наружный видъ дворца и сады, его окружающіе. Отъѣздъ въ окрестности. Площади и улицы города. Чурукъ-Су. Шатры Цыганъ. Развалины. Успенскій монастырь. Чуфуть Калѣ. Иосафатова долина. Возвращеніе въ Бахчисарай. . . . .

128

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

страни.

Бахчисарайскій Дворецъ. Отъездъ изъ Бахчисарая.	150
---	-----

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Ночь. Гаджи-Бикѣ. Четырдахъ издали. Долина Альмы. Саблы. Дорога въ Симферополь. Городъ. Очеркъ его. Чавкѣ. Алъшта. Четырдахъ. Оябашѣ. Отъездъ на южный берегъ. Первые впечатлѣнія. Природа. Заключение.	172
---	-----

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Видъ берега. Татарскія лошади. Дальнѣйшій путь. Арнаутъ. Кучукъ-Ламбатъ. Аюдагъ. Судьба Тавриды. Исследователи древности. Поэты. Преданія. <i>Мирза и Арнаутъ</i> (эпизодъ), часть первая. Татары. Ихъ деревни. Женщины. Мечети. Очеркъ нынѣшняго благосостоянія жителей. Очеркъ Таврической природы: потоки, сады, дуга и роци. Заключение.	172
--	-----

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Поэтическій взглядъ на нынѣшнее состояніе южнаго берега. Весна. Всеобщее стремленіе въ Крымъ. Паренита, Артѣкъ. Юрзѣфъ. Никитскій садъ. Ялта. Оріанда. Ай-Тодоръ. Гаспра. Курейсь. Мисхоръ. Ай-Петри. Эленось. Алупка. Кикинейсь. Симейсь. Лимень. Мердвѣнь. Байдары. Балаклава. <i>Мирза и Арнаутъ</i> . (эпизодъ) часть вторая. Жители Балаклавы. Заключение. P. S.	198
---	-----

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	НАПЕЧАТАНО:			ДОЛЖНО БЫТЬ:
Стран.	23 строк.	17	Сильфида	Сильфида (10)
—	48 —	18	ограда;	ограда,
—	— —	22	крысталу	кристалу
—	76 —	21	паматы	памяти
—	85 —	7	Лосерь яшпартно- искромешный	Лосера нектаръ ис- крошешный
—	87 —	11	Четырдага	Чатырдаха
—	89 —	9	увлекають	увлекають
—	91 —	5	быль	быль
—	111 —	10	погоднѣ	попутнѣ
—	139 —	12	мелькаете	мелькаете
—	153 —	5	дальнѣй	дальней

Въ немногихъ экземплярахъ:

	161 —	19	владыка	владыка,
—	229 —	12	Патріархальными	Патріархальными

891.7B646

U5

891.7B646

U5

WORLD
WORLDWIDE
WORLDWIDE

MAY 1 1947

BINDER

